НАРИНЭ АБГАРЯН
АЛЕКСАНДР ЦЫПКИН
и другие

Удивительные истории любви

Иллюстрации Евы Эллер

Удивительные истории о любви (сборник)

Андрей Гуртовенко, Евгения Овчинникова, Ольга Есаулкова, Татьяна Никитина, Надежда Алексеева, Владимир Орестов, Дмитрий Печников, Александр Евгеньевич Цыпкин, Любовь Баринова, Иван Бескровный, Наталья Способина, Алиса Хэльстром, Юлия Мамышева, Лидия Королёва, Наринэ Юриковна Абгарян, Ева Север, Алиса Юридан, Дмитрий Карманов, Тим Яланский, Наталия Лирон, Александра Романова, Евгения Игоревна Полянина

Аннотация
Удивительные истории о любви
Наринэ Абгарян. Любовь
Александр Цыпкин. Томатный сок. Повесть о женщине из другого времени
Юлия Мамышева. Как я не стал милонгеро

Алиса Юридан. Ориентир
Наталья Способина. Голос в лабиринте
Лидия Королёва. Дитя Вечности
Любовь Баринова. Майя и Матисс
Иван Бескровный. Убью ее под Питером
I
II
III
IV
Надежда Алексеева. Определители
Тим Яланский. Имена и котята
Евгения Овчинникова. Пробуждение
Александра Романова. Пташка
Татьяна Никитина. Сикстинская мадонна
Владимир Орестов. Кто откроет эту дверь?
Наталия Лирон. Чужие смерти
Алиса Хэльстром. Дорогая Серена
Дмитрий Печников. Предчувствие счастья
Дмитрий Карманов. Что-то случилось
Ольга Есаулкова. И пошел настоящий снег
Ева Север. Сказка о шамане
Андрей Гуртовенко
Море
Хрономераза

Аннотация

Здесь не важны жанры – главное, все тексты о любви. И все удивительные. На что вы готовы, чтобы спасти любимых? Чтобы помочь им? А чтобы забыть? Как она выглядит – настоящая любовь? Какие принимает формы?

Обычный таксист бросает все и едет в Питер, чтобы спасти незнакомку.

Рина хочет выжить в лабиринте, кишащем монстрами. Полагаться можно только на голос в рации. Но приведет он ее к спасению или убьет?

Загадочный «Он» много лет охраняет сон девушки и ищет того, кто разбудит ее поцелуем. Энн и Михаил умирают за других. Это тяжело и больно, а они всего лишь хотят поймать короткие минуты счастья вместе.

Майя играет в шахматы с судьбой, чтобы помочь любимому. А Константин готов пойти на преступление, чтобы Ольга получила право иметь детей.

Удивительные истории. О любви.

Удивительные истории о любви

© Авторы, 2019
© Е. Полянина, составление, 2019
© Ева Эллер, обложка, ил., 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

Наринэ Абгарян
Любовь

Аваканц Маро, теребя пуговицу жакета, громко, на весь судебный зал, глотала слюну. За спиной, угнездившись на скрипучей скамье суетливой воробьиной стаей, шушукались ее соседки — Крнатанц Меланья, Василанц Катинка и Макаранц Софа. Иногда, не прерывая шушуканья, Меланья с Софой поворачивались в сторону ответчика и окидывали его осуждающим взглядом. Катинка, чтоб не отрываться от вязания, головы не повертывала, но каждый раз, когда подруги осуждающе смотрели, сокрушенно цокала языком. Ответчик — высокий, седобородый и неожидан-

но чернобровый старик — на каждое цоканье дергал плечом и кхекал. Заслышав его кхеканье, Маро громко сглатывала и усерднее теребила пуговицу жакета.

Стенографистка, молоденькая двадцатилетняя девочка (Маро, подслеповато щурясь, попыталась разобрать, чьих она кровей, но потом сдалась — молодежь сейчас так причесывается и красится, что своего от чужого не отличишь), заправляла бумагу в пишущую машинку. Судья, прикрыв глаза, ждал, когда она закончит.

— Я готова, — звонко отрапортовала стенографистка. Судья, поморщившись, открыл глаза. Несмотря на распахнутые окна, в комнате стояла невозможная духота. Октябрь хоть и напустил щедрого разноцветья и подмораживал утреннюю росу, но убавлять полуденную жару не собирался — в обед солнце шпарило так, словно за окном не ополовиненная осень, а самое ее начало.

— Можете продолжать, истица, — разрешил судья.

Маро вцепилась теперь уже обеими руками в пуговицу жакета.

— Извини, сынок… забыла, где остановилась, — повинилась она.

Машинистка с готовностью заглянула в за-

писи. — …ударил ковшиком, — подсказала она шепотом. Меланья с Софой повернули головы, Катинка цокнула языком, ответчик кхекнул.

— Тишина в зале! — повысил голос судья.

Маро убрала в карман жакета оторванную пуговицу, вцепилась в другую.

— Ну да. Ударил ковшиком. Эмалированным. По голове. В этом ковшике я обычно яйца варю, ну или там пшенку для цыплят… хороший ковшик, неубиваемый. Служит верой и правдой двадцать лет. Я его роняла несколько раз, а ему хоть бы хны. Не погнулся, и даже эмаль не облупилась…

— Не отвлекайтесь, истица.

— Ага. Так вот. Ударил он меня этим ковшиком по голове. Два раза. Потом выгнал из дому на веранду. Там персики сушились, дольками, на подносах. Схватил он один поднос и швырнул в меня. Попал в спину, вот сюда. — Маро погладила себя по пояснице. Вздохнула. — Сухофрукты попортил…

Судья перевел взгляд на ответчика. Тот сидел, сложив на коленях искореженные тяжелым деревенским трудом ладони. Несмотря на почтенный возраст, телосложения он был внушительного: осанистый, с широкими плечами и спиной, длинными руками и крепкими ногами. Лицо у

него было открытое и какое-то очень располагающее: выцветшие от возраста желтоватые глаза, глубокие морщины, кривоватый, но красиво слепленный нос, рыжие подпалины в седой бороде — от табака. «А ведь по благообразному виду и не скажешь, что способен на такое», — подумал судья. Расценив его пристальное, но доброжелательное внимание как поддержку, старик, оживившись, пожал плечами и воздел в недоумевающем жесте указательный палец — дескать, смотри, чего вытворяет! Судья поспешно отвел взгляд и нахмурился.

— Потом он меня спустил с лестницы, — продолжала Маро.

— Как спустил?

— Ну как… За шиворот схватил и ногой поддал. Вот сюда. — Она хотела показать куда, но смутилась.

— Ниже спины, — подсказал судья.

— Ага, ниже спины. Потом он гонял меня по двору метлой, пока я не выбежала на улицу.

Видно, терпение у старика кончилось. Он громко кхекнул и встал. Воробьиная стая на задней скамье сердито зашебаршилась, пальцы машинистки застыли над клавиатурой.

— Значит, я ее метлой не только гонял, но и

бил! — уточнил старик. Голос у него оказался прокуренный, с отчетливой хрипотцой, некоторые слова он выговаривал дробно, переводя между слогами дыхание.

Судья выпрямился.

— Ответчик, вам слова не давали!

— Зачем давать, я сам скажу, когда захочу, — оскорбился старик, потоптался на месте, мелко переступая изношенными ботинками, махнул рукой и сел.

— Продолжайте, — разрешил судья истице.

Маро убрала в карман вторую оторванную пуговицу, вцепилась в третью.

— Так вы без пуговиц останетесь, — улыбнулся судья.

— А? А!!! Ничего, потом пришью. Я, когда волнуюсь, часто так… Потому пуговицы пришиваю слабенько, чтобы с мясом не отрывать.

— Кстати, мясо я тебе зубами не рвал? А то мало ли, вдруг рвал! — ржаво поинтересовался старик.

— Ответчик! — повысил голос судья.

Старик махнул на него рукой — да подожди ты, я с женой разговариваю!

— Семьдесят лет, а врешь, как малолетняя дуреха! Тьху! — Он плюнул в сердцах на дощатый

пол и старательно растер плевок ботинком.

Судья вскочил с такой поспешностью, что опрокинул стул.

— Если вы сейчас же не прекратите безобразие, я вас оштрафую. Или вообще посажу в тюрьму! На пятнадцать суток!

Старик медленно поднялся со скамьи и хлопнул себя по бокам.

— За что посадишь? За то, что я со своей женой поговорил?

— За неуважение к суду!

Меланья с Софой прервали шушуканье, Катинка отложила вязание и уставились на судью. Маро ойкнула, старик хохотнул.

— Сынок, ты зачем меня тюрьмой пугаешь? (Он произносил «турма».) Ты городской, приехал недавно, в наших порядках еще не разобрался. Начальника тюрьмы Меликанца Цолака я вот с такого возраста знаю. — Он с усилием нагнулся и провел ребром ладони по своему колену. — Всю жизнь меня Само-дайи[1] называл. Не посадит он меня, хоть тресни. Так что ты это. Прекращай говорить такие слова!

«Интересно, как он жене ногой наподдавал, ес-

---

[1] Примечания: 1

Дядя Само (*арм.*).

ли еле нагибается», — подумал судья. Он ослабил узел галстука, потом раздраженно сдернул его с шеи и расстегнул ворот рубашки. Сразу стало легче дышать.

— Садитесь, — попросил он ответчика.

Старик опустился на скамью, сложил на коленях ладони, пожевал губами и притих.

— Вы хотите развестись с ним, потому что он вас бьет, так? — обратился судья к Маро.

Старик снова поднялся.

— Сынок, еще одно слово скажу и больше говорить не буду. Позволяешь?

— Говорите, — вздохнул судья.

— Ты посмотри на нее, — старик показал рукой на свою жену, — худая — одни кости, и росту в ней кот наплакал. Разве она похожа на осла? А может, она на барана похожа? Или на свинью?

— Ответчик! — рассердился судья.

— Посмотри на меня и посмотри на нее, — не дрогнул старик, — если бы я ее ударил ковшиком, она бы сейчас тут стояла? Сынок, разреши мне один раз ее ударить. Если не испустит дух — посади. Я с Цолаком договорюсь.

— Я вас точно посажу! — вышел из себя судья.

— Не надо его сажать! — взмолилась Маро. — Сынок, не слушай его, разведи нас и все.

— Не надо его сажать! — заголосила воробьиная стая.

У судьи лопнуло терпение.

— Ну-ка, вон отсюда! — взревел он. — Все вон! Все!!!

Воробьиная стая поднялась, оскорбленно поджала губы и засеменила к выходу. Со спины старушки выглядели совершенно одинаково: длинные, темные шерстяные платья, накинутые на плечи жакеты, повязанные на затылке причудливым узлом косынки. «И не жарко им?» — подумал судья.

Следом за воробьиной стаей потянулись истица с ответчиком. Истица теребила последнюю пуговицу жакета, истец шаркал изношенными подошвами ботинок.

Когда дверь за ними закрылась, стенографистка сердито отодвинула печатную машинку и тоже направилась к выходу. Коротенькая юбка еле доходила до середины бедра, щиколотки обхватывали тонкие ремешки босоножек, модная стрижка подчеркивала длину шеи. Перед тем как выйти, она обернулась и окинула судью осуждающим взглядом.

— Зачем вы с ними так?

— За дело!

— Ничего вы в наших людях не понимаете!

Судья побарабанил пальцами по столу. Кивнул, соглашаясь.

— Не понимаю.

— Вот и не надо тогда! — отрезала стенографистка и, не объяснив, чего не надо тогда, вышла.

«Уеду я отсюда», — подумал с тоской судья. Он действительно ничего не понимал в этих людях. Зачем им мировой суд, если они его в грош не ставят? Взять хотя бы двух вчерашних теток, не поделивших несушку. Пришли, главное, с курицей, сцепились в зале суда, стали друг у друга несчастную птицу вырывать, та квохчет и гадит от испуга, тетки никак не уймутся… Пришлось выгнать. И сегодняшних пришлось выгнать. Вот ведь странный народ.

Судье давно пора было уходить, но он сидел, положив локти на машинописные листы, и смотрел в окно. Небо, невзирая на почти летнюю жару, было хрипло-синим, надтреснутым. Совсем скоро холода.

Аваканц Маро подняла крышку эмалированного ковшика, удостоверилась, что пшенка сварилась. Отставила в сторону, чтобы дать ей остыть. Накрошит туда круто сваренных яиц, нарежет крапивы, будет цыплятам еда. Петинанц Само,

скобля ложкой по дну тарелки, доедал рагу.

— Значит, этой штукой я тебя ударил, да? — хмыкнул он, наблюдая за тем, как жена осторожно убирает с печи эмалированный ковшик. — По голове, главное, ударил. Два раза.

Маро поджала губы. Села напротив и принялась чистить яйца.

— А подносом каким я в тебя кинул? Не тем ли, что на полке стоит? — кивнул он в сторону тяжелого мельхиорового подноса.

Маро подвинула к себе разделочную доску, стала сердито крошить яйца.

— А потом еще метлой тебя по двору гонял. Пока не выбежала на улицу! — не унимался Само.

Маро с раздражением отложила нож.

— А что мне надо было говорить? Что ты, старый дурень, на восьмом десятке головой двинулся и черт-те что вытворяешь?

— А что я такого вытворяю?

Маро не ответила.

Само оторвал кусочек горбушки, протер тарелку, собирая остатки рагу. Съел с видимым удовольствием.

— Еще хочешь? — спросила Маро.

— Нет, сыт уже.

Он откинулся на спинку стула, сложил на груди

руки. Хмыкнул.

— Что поделаешь, хочется мне женской ласки! Маро усерднее застучала ножом по разделочной доске. Само наблюдал за ней, растянув в едва заметной улыбке уголки губ.

— Три года ничего не хотелось, прямо выжженное поле. А теперь словно второе дыхание открылось. Вынь да положь! — хохотнул он.

— Я тебе дам «вынь да положь»! — рассердилась Маро. — Разводись, найди себе кого помоложе и кувыркайся. А я уже все! Откувыркала свое.

Само тяжело встал и смахнул крошки в тарелку. Проходя мимо жены, ущипнул ее за бок. Та ойкнула и пихнула его локтем.

— От старый потаскун!

— Люблю я тебя, дуру, — криво усмехнулся Само и понес ополаскивать тарелку.

Александр Цыпкин
Томатный сок
Повесть о женщине из другого времени

Я нечасто видел слезы моих друзей. Мальчики ведь плачут в одиночестве или перед девочками (футболисты не в счет, им все можно). При других мальчиках мы плачем редко, и только когда уж совсем плохо.

Тем острее врезались в память слезы моего друга, внезапно появившиеся в его глазах, когда

мы ехали в Москву, и я налил себе томатный сок.

Теперь перейдем к изложению сути дела, веселой и поучительной.

В юности у меня было много разных компаний, они переплетались телами или делами, постоянно появлялись и исчезали новые люди. Молодые души жили словно в блендере. Одним из таких друзей, взявшихся ниоткуда, был Семен. Разгильдяй из хорошей ленинградской семьи. То и другое было обязательным условием попадания в наш социум. Не сказать чтобы мы иных «не брали», отнюдь, просто наши пути не пересекались. В 90-е разгильдяи из плохих семей уходили в ОПГ либо просто скользили по пролетарской наклонной, а НЕразгильдяи из хороших семей либо создавали бизнесы, либо скользили по научной наклонной, кстати, чаще всего в том же финансовом направлении, что и пролетарии.

Мы же, этакая позолоченная молодежь, прожигали жизнь, зная, что генетика и семейные запасы never let us down. Семен, надо сказать, пытался что-то делать, работал переводчиком, приторговывал какими-то золотыми изделиями, иногда «бомбил» на отцовской машине. Он был очень старательным, честным и сострадающим, что в те времена едва ли было конкурентным пре-

имуществом. Помню, сколько мы ни занимались извозом, обязательно находились пассажиры, с которыми Сеня разбалтывался и денег потом не брал. И еще он был очень привязан к родне, с которой познакомил и меня. Семьи у нас были похожи.

Молодые родители, тщетно пытавшиеся найти се бя в лихом постсоциализме, и старшее поколение, чья роль вырастала неизмеримо в смутное время распада СССР. Эти стальные люди, родившиеся в России в начале XX века и выжившие в его кровавых водах, стали несущими стенами в каждой семье. Они справедливо считали, что внуков доверять детям нельзя, так как ребенок не может воспитать ребенка. В итоге в семье чаще всего оказывались бабушки/дедушки и два поколения одинаково неразумных детей.

Бабушку Семена звали Лидия Львовна. Есть несущие стены, в которых можно прорубить арку, но об Лидию Львовну затупился бы любой перфоратор. В момент нашей встречи ей было к восьмидесяти, ровесница, так сказать, Октября, презиравшая этот самый Октябрь всей душой, но считавшая ниже своего достоинства и разума с ним бороться. Она была аристократка без аристократических корней, хотя и пролетариат, и

крестьянство ее генеалогическое древо обошли. В жилах местами виднелись следы Моисея, о чем Лидия Львовна говорила так: «В любом приличном человеке должна быть еврейская кровь, но не больше, чем булки в котлетах». Она была крепка здоровьем и настолько в здравом уме, что у некоторых это вызывало классовую ненависть.

Час беседы с Лидией Львовной заменял год в университете, с точки зрения знаний энциклопедических, и был бесценен, с точки зрения знания жизни. Чувство собственного достоинства соперничало в ней лишь с тяжестью характера и беспощадностью сарказма. Еще она была весьма состоятельна, проживала одна в двухкомнатной квартире на Рылеева и часто уезжала на дачу, что, безусловно, для нас с Семеном было важнее всего остального. Секс в машине нравился не всем, а секс в хорошей квартире — почти всем. Мы с Семеном секс любили, и он отвечал нам взаимностью, посылая различных барышень для кратко- и средне-срочных отношений. Кроме того, Лидия Львовна всегда была источником пропитания, иногда денег и немногим чаще — хорошего коньяка. Она все понимала и считала сей оброк не больно тягостным, к тому же любила внука, а любить она умела. Это, кстати,

не все могут себе позволить. Боятся. Бабушка Лида не боялась ничего. Гордая, независимая, с прекрасным вкусом и безупречными манерами, с ухоженными руками, скромными, но дорогими украшениями, она до сих пор является для меня примером того, какой должна быть женщина в любом возрасте.

Цитатник этой женщины можно было бы издавать, но мы, болваны, запомнили не так много.

«Докторская диссертация в голове не дает право женщине эту голову не мыть». Мы с Семеном соглашались.

«Деньги полезны в старости и вредны в юности». Мы с Семеном не соглашались. «Мужчина не может жить только без той женщины, которая может жить без него». Мы с Семеном не имели четкой позиции.

«Сеня, ты пропал на две недели, этого даже Зощенко себе не позволял» (писатель, я так понимаю, в свое время проявлял к Лидии Львовне интерес).

«Бабушка, а почему ты сама мне не могла позвонить?» — пытался отбояриться Семен.

«Я и Зощенко не навязывалась, а тебе, оболтусу, уж подавно не собираюсь. Тем более у тебя все равно кончатся деньги и ты придешь, но будешь

чувствовать себя неблагодарной свиньей. Радость невеликая, но все же».

Семен чуть ли не на руке себе чернилами писал: «позвонить бабушке», но все равно забывал, и его, как и меня, кстати, друзья называли «бабушкозависимый».

«Я знаю, что здесь происходит, когда меня нет, но, если я хоть раз обнаружу этому доказательства, ваш дом свиданий закроется на бесконечное проветривание». Именно у Лидии Львовны я обрел навыки высококлассной уборщицы. Потеря такого будуара была бы для нас катастрофой.

«Значит, так. В этой квартире единовременно может находиться только одна кроличья пара. Моя комната неприкосновенна. И кстати, запомните еще вот что: судя по вашему поведению, в зрелом возрасте у вас будут сложности с верностью. Так вот, спать с любовницей на кровати жены может только вконец опустившийся неудачник. Считайте, что моя кровать — это ваше будущее семейное ложе». Семен при своем полном разгильдяйстве и цинизме защищал бабушкину комнату, как деньги от хулиганов, то есть всеми возможными способами. Эта принципиальность стоила ему дружбы с одним товарищем, но внушила уважение всем

оставшимся.

«Сеня, единственное, что ты должен беречь, — это здоровье. Болеть дорого, и, поверь мне, денег у тебя не будет никогда». Бабушка не ошиблась. К сожалению…

«Сеня становится похож лицом на мать, а характером на отца. Лучше бы наоборот». Эту фразу Лидия Львовна произнесла в присутствии обоих родителей Семена. Тетя Лена взглядом прожгла свекровь насквозь. Дядя Леша флегматично поинтересовался: «А чем тебе Ленкино лицо не нравится?» — и стал разглядывать жену, как будто и правда засомневался. Проезд по его характеру остался незамеченным. «Ленино лицо мне очень нравится, но оно совершенно не идет мужчине, как и твой характер», — Лидия Львовна либо и правда имела в виду то, что сказала, либо пожалела невестку.

«Я с тетей Таней иду в филармонию. С ней будет ее внучка. Прекрасная девушка, ты можешь меня встретить и познакомиться с ней. Мне кажется, она захочет подобрать тебя, когда ты будешь никому не нужен». Внучка тети Тани подобрала другого. И как подобрала!

«Хорошая невестка — бывшая невестка». Вместе со свидетельством о разводе бывшие жены

Сениного отца получали уведомление о наконец свалившейся на них любви бывшей уже свекрови.

«Семен, если ты говоришь девушке, что любишь ее, только ради того, чтобы затащить в постель, ты не просто мерзавец, ты малодушный и бездарный мерзавец». Надо сказать, этот урок мы усвоили. Ну, по крайней мере, я — точно. Честность и открытость в помыслах всегда была залогом спокойного сна, быстрого решения противоположной стороны и дружеских отношений в дальнейшем, независимо от наличия эротической составляющей.

«Эх, мальчики… в старости может быть либо плохо, либо очень плохо. Хорошо в старости быть не может…» Впоследствии я встречал немало относительно счастливых пожилых людей и не меньше несчастных молодых. Мне кажется, люди изначально живут в одном возрасте и, когда их личностный возраст совпадает с биологическим, они счастливы. Смотришь на Джаггера — ему всегда двадцать пять. А сколько тридцатилетних, в которых жизненной силы едва на семьдесят? Скучные, брюзжащие, потухшие. Лидия Львовна, как мне кажется, была счастлива лет в тридцать пять — сорок, в том чудном возрасте, когда жен-

щина еще прекрасна, но уже мудра, еще ищет кого-то, но уже может жить одна.

Случилось так, что мне однажды не повезло (точнее, повезло) и я имел счастье общаться с Лидией Львовной в совершенно неожиданных обстоятельствах.

А начиналось все весьма прозаично. Я был отставлен своей пассией, пребывал в тоске и лечился загулом. Из всего инструментария, необходимого для этого, постоянно у меня имелось только желание. Однако иногда мне удавалось так впиться в какую-нибудь сокурсницу или подругу сокурсницы, что появлялся повод попросить у Сени ключи от бабушкиных апартаментов. По проверенной информации, Лидия Львовна должна была уехать на дачу. С ключами в кармане и похотью в голове я пригласил девушку якобы в кино. Встретились мы часа за два до сеанса, и мой коварный план был таков: сказать, что бабушка просила зайти проверить, выключила ли она утюг, предложить чаю, а потом неожиданно напасть. С девушкой мы один раз страстно целовались в подъезде, и, судя по реакции на мои уже тогда распустившиеся руки, шансы на победу были велики.

Знакомить подругу со своими родственни-

ками я не собирался, и поэтому представить апартаменты Лидии Львовны квартирой моей собственной бабушки не казалось мне такой уж проблемой. Фотографию Семена я планировал убрать заранее, но, естественно, опоздал и поэтому придумал историю о неслыханной любви бабули к моему другу, совместных каникулах и до слез трогательной карточке, которую я сам сделал, и поэтому меня на ней нет. Селфи тогда не существовало.

Все шло по плану. Подруга так распереживалась насчет утюга, что я еле успевал бежать за ней. Мне вот интересно, если нас создали по образу и подобию, значит, Бог тоже когда-то был молод и вот так бежал по небу… В общем, лестница была взята штурмом с остановками на поцелуи. Конечно, эти юношеские страхи (а вдруг не согласится) заставляют нас так торопиться, что иногда именно спешка все и разрушает. С губами в губах я стал дрожащими руками пытаться запихать ключ в замочную скважину. Ключ не запихивался. «Хорошее начало», — всплыл в памяти классический каламбур.

— Дай я сама! — Моя любимая женская фраза. Зацелованная девушка нежно вставила ключ, повернула, и… дом взорвался. Точнее, взорвался

весь мир.

— Кто там? — спросила Лидия Львовна.

— Это Саша, — ответил из космоса совершенно чужой мне голос.

После этого дверь открылась. Не знаю, что случилось в моих мозгах, но экспромт я выдал занятный:

— Бабуль, привет, а мы зашли проверить утюг, как ты просила.

До сих пор не могу понять, как у меня хватило наглости на такой ход. Знаете, у интеллигенции есть прекрасное понятие: «Неудобно перед…» Объяснить его другой касте невозможно. Речь не о грубости или хамстве в чей-то адрес и даже не об ущемлении интересов. Это какое-то странное переживание, что подумает или почувствует другой человек, если ты сотворишь нечто, что, как тебе кажется, не соответствует его представлениям о мировой гармонии. Очень часто те, перед кем нам неудобно, искренне удивились бы, узнай они о наших метаниях.

Мне было крайне неудобно перед юной подружкой за то, что я привел ее в чужой дом с очевидной целью. И это чувство победило «неудобство» перед Лидией Львовной.

Думала она ровно секунду. Улыбнувшись угол-

ками глаз, «дама» вступила в игру:

— Спасибо, но, видишь ли, я на дачу не поехала — чувствую себя не очень хорошо, проходите, чаю выпьете.

— Знакомьтесь, это… — Со страху я забыл имя девушки. То есть совсем. Такое до сих пор иногда со мной происходит. Я могу неожиданно забыть имя достаточно близкого мне человека. Это ужасно, но именно тогда я придумал выход из столь затруднительного положения.

Я неожиданно полез в карман за телефоном, сделав вид, что мне позвонили.

— Извините, я отвечу, — и, изображая разговор по телефону, стал внимательно слушать, как моя девушка представляется «моей бабушке»:

— Катя.

— Лидия Львовна. Проходите, пожалуйста.

Я тут же закончил псевдоразговор, и мы прошли на кухню. Я бы даже сказал, кухоньку, тесную и неудобную, с окном, выходящим на стену противоположного дома, но это была, пожалуй, лучшая кухня в Петербурге. У многих вся жизнь похожа на такую кухню, несмотря на наличие пентхаусов и вилл.

— Катя, чай будете?

Лидия Львовна учила ко всем обращаться на

«вы», особенно к младшим и к обслуживающему персоналу. Помню ее лекцию:

— Когда-нибудь у тебя будет водитель. Так вот, всегда, я повторяю ВСЕГДА, будь с ним на «вы», даже если он твой ровесник и работает у тебя десять лет. «Вы» — это броня, за которой можно спрятаться от жлобства и хамства. Лидия Львовна достала чашки, поставила их на блюдца, также достала молочник, заварной чайник, серебряные ложки, положила малиновое варенье в хрустальную вазочку. Так Лидия Львовна пила чай всегда. В этом не было надуманности или вычурности. Для нее это было так же естественно, как говорить «здравствуйте», а не «здрасьте», не ходить по дому в халате и посещать врачей, имея при себе небольшой презент.

Катины глаза приняли форму блюдец. Она тут же пошла мыть руки.

— Э-э-эх, Сашка, ты даже имени ее не помнишь… — Лидия Львовна тепло и с какой-то печалью посмотрела на меня.

— Спасибо вам большое… простите, я не знал, что делать.

— Не переживай, я понимаю, ты же воспитанный мальчик, неудобно перед девушкой, она еще молоденькая, должна соблюдать приличия и по

чужим квартирам не ходить.

— Имя я случайно забыл, честное слово.

— А что с Ксеней?

Как я уже сказал, я недавно расстался со своей девушкой. Мы встречались несколько лет и часто бывали в гостях, в том числе у Лидии Львовны.

— Ну, если честно, она меня бросила.

— Жаль, хорошая девушка, хотя я понимала, что все этим кончится.

— Почему? — Ксеню я любил и разрыв переживал достаточно тяжело.

— Понимаешь, ей не очень важны хорошие и даже уникальные качества, составляющие основу твоей личности, а принимать твои недостатки, которые являются обратной стороной этих качеств, — она не готова.

Честно скажу, я тогда не понял, о чем она говорит, и потом еще долго пытался изменить в людях какие-то черты характера, не сознавая, что именно они являются неотъемлемым приданым к восхищавшим меня добродетелям. Вдруг по лицу Лидии Львовны пробежала тревога:

— Сашенька, ты только с Сеней продолжай дружить, он хороший парень, добрый, но нет в нем ярости, а она должна быть у мужчины, хотя бы иногда. Я очень за него волнуюсь. Присмотришь

за ним? У тебя все в жизни получится, а у него нет, пусть хоть друзья достойные рядом будут. Обещаешь?

Я впервые видел какую-то беспомощность во взгляде этой сильнейшей из всех знакомых мне женщин. Самая большая плата за счастье любить кого-то — это неизбежная боль от бессилия помочь. Рано или поздно это обязательно случается.

Катя вернулась из ванной комнаты, мы выпили крепко заваренного чая, поговорили о чем-то и ушли. Через неделю Лидия Львовна умерла во сне. Сеня так и не успел к ней заехать, потому что мы опять куда-то умотали на выходные.

Месяца через два мы поехали с ним в Москву. «Красная стрела», купе, целое приключение для двух оболтусов. В нашу келью заглянул буфетчик, и я попросил к водке, припасенной заранее, томатного сока. Открыл, налил полный стакан и взглянул на Сеню. Он смотрел на мой сок и плакал. Ну, точнее, слезы остановились прямо на краю глаз и вот-вот должны были «прорвать плотину».

— Сенька, что случилось?

— Бабушка. Она всегда просила покупать ей томатный сок.

Сеня отвернулся, потому что мальчики не плачут при мальчиках.

Через несколько минут, когда он вновь посмотрел на меня, это уже был другой Сеня. Совсем другой. Старее и старше. Светлый, но уже не такой яркий. Его лицо было похоже на песок, который только что окатила волна. Бабушка ушла, и он наконец в это поверил, как и в то, что больше никто и никогда не будет любить его так.

Тогда я понял, что, когда умирает близкий человек, мы в одну секунду испытываем боль, равную всему теплу, какое получили от него за бесчисленные мгновения жизни рядом. Некие космические весы выравниваются. И Бог, и физики спокойны.

Юлия Мамышева
Как я не стал милонгеро

Если на улице Каминито обогнуть толпу туристов, которые фотографируются с танцорами танго за пять долларов, а потом быстро пройти мимо профессиональных попрошаек, норовящих схватить вас грязными пальцами за рукав («уна монедита!»), то вы выйдете на улицу генерала Хосе Гарибальди. Здесь нужно дотащиться до магазина зеркал, затем повернуть налево — и вы увидите те самые трущобы, куда экскурсоводы не

советуют ходить приезжим. Это старый Буэнос — район Ла Бока, с его пошарпанными двухэтажными домишками, расписанными граффити. Теперь поворачивайте в небольшой проулок и идите до улицы Ирала. Вы почти на месте. Осталось свернуть в обшарпанную арку и попасть во внутренний дворик, зажатый серыми низкими хибарами. В одной из них живет сеньор Чема [2], к которому я так спешу.

Мне двенадцать. Иногда я специально иду другой, более длинной дорогой, чтобы увидеть, как сушит на балконе свои черные кружевные трусики «бесстыжая» сеньора Андреа. Но сегодня не такой день — я опаздываю.

Я прохожу мимо грязно-желтой стены, на которой висит портрет Марадоны. На нем следы красной помады, потому что какие-то сеньориты расцеловали плакат. Как обычно, шагаю мимо старой раскидистой жакаранды в узлах и трещинах — она старая, такая старая. Я знаю этот маршрут наизусть. Третий месяц я хожу сюда каждый вечер.

Во внутреннем дворике старики в спортивных костюмах подпирают животами круглый стол.

---

[2] Примечания: 2

Чема — уменьшительно-ласкательная форма двойного мужского имени Хосе-Мария.

Как всегда, они играют в карты, успевая коситься на телевизор, вынесенный прямо на улицу: идет повтор какого-то футбольного матча.

Увидев меня, сеньор Микаэль бросает игру. На его голове лежит носовой платок, которым он прикрывается от жары. Старик внимательно смотрит на меня, грузно опираясь на палку, которую использует вместо трости, и подзывает широкой ладонью с пальцами, желтыми от дешевого табака.

— Привет, gordi. — Меня бесит, когда он так меня называет, но я вежливо отвечаю:

— Добрый день, сеньор Микаэль.

— Опять несешь обед старому Чеме?

— Да, сеньор.

— Что сегодня? — он бесцеремонно заглядывает в пакет. — Эмпанадас?

— Да, сеньор, с мятой картошкой. И лазанья.

— Опять эта итальянская лазанья! Ты каждый день носишь ему обеды.

— Да, сеньор.

Старый Микаэль видит не так много новых лиц, ему не хочется меня отпускать. В его зубах зажата сигарета, и он неторопливо роется в карманах в поисках спичек.

— Ты знал, что танго было придумано здесь,

в Ла Боке?

— Да сеньор, я это слышал.

— Я знаю Чему еще с тех пор, когда он был пацаном. Он уже тогда танцевал лучше всех. Ему были рады на любой милонге. Он великий танцор, наш старый Чема.

— Да, сеньор.

— Жаль, что с его ногами вышла такая беда.

Я молчу.

— Ему повезло, что социальная служба посылает к нему такого хорошего парня, как ты, маленький gordi. Ну, ладно, ладно, иди. Передай Чеме, я зайду к нему вечером.

— Да, сеньор.

Около квартиры дона Чемы пахнет сыростью и кошками. Я стучу дважды, прежде чем услышать, как тяжело он шаркает, чтобы открыть дверь.

В квартире, как всегда, тихо — только жужжит вентилятор, перегоняя полуденный зной из угла в угол. Старый ламповый телевизор что-то тускло показывает без звука. Через пыльные шторы пробиваются сонные лучи. На плетеном кресле сбился плед — видно, старый Чема ненароком уснул, пока ждал меня. Здесь уныло, но мне нравится. Давным-давно сеньор Чема был известным милонгеро. Сегодня про него никто не помнит,

кроме таких же бедных стариков, как и он сам. О его прошлом напоминают только несколько плакатов на блеклых, выгоревших от злого солнца обоях. Я люблю смотреть на эти плакаты. На первом он держит красивую сеньору за талию, а на втором видно, как он прижал ее к себе и положил ладонь ей между лопаток. Он смотрит на нее так, что у меня внутри все волнуется. На третьем плакате — лицо дона Чемы: прямой точеный нос, словно прорисованные яркие губы, черные и холодные глаза. У него длинное, как будто удивленное лицо и взгляд, который покажется вам высокомерным, поэтому даже сейчас он выглядит, как богач-аристократ из сериалов. Но это не так: сеньор Чема беден и одинок. Я, медсестра и еще несколько соседей — единственные, кто бывает в его маленькой квартирке.

Он, как всегда, вкладывает мне в руку десять песо и извиняется:

— Говорят, что в правительстве хотят принять новый закон о пенсии. Наверное, скоро я стану совсем нищим и не смогу платить тебе.

— Это не обязательно, мне платит социальная служба, сеньор Чема, — привычно отвечаю я, но беру деньги.

Я не говорю ему, что откладываю каждое сен-

таво, которое он мне дает, на школу танго. Меня завораживает мир сеньора Чемы: его плавные движения и гордая осанка, расстегнутые на груди рубашки с закатанными рукавами, уверенность настоящего мачо, которую он излучает даже сегодня. Я хочу стать таким же, как и он.

— Опять лазанья? — улыбается он мне и тут же плавно выставляет руку вперед, будто я собираюсь оправдываться. — Нет-нет, я рад. Люблю вашу лазанью. Передай поварихе, что она ангел. Наверняка у нее итальянские корни. Когда-то сюда приезжало много итальянцев. Ты знал это? Ну конечно, ты знал это, ты же умный мальчик.

Он поворачивает голову на старую желто-зеленую фотографию, где с трудом можно угадать тоненький силуэт девушки.

— Она тоже была итальянкой по отцу, — задумчиво говорит он.

— Кто это? — спрашиваю, набравшись смелости. Я давно хочу это спросить.

Сеньор Чема долго думает — слишком, слишком долго! — и наконец отвечает, проведя ладонью по зачесанным назад волосам:

— Это любовь, мальчик. Самая большая любовь на свете.

Когда он говорит, то плавно водит пальцами,

подчиняя их известному ему одному ритму. Ноги Чемы не могут танцевать, но пальцы танцуют.

— Это ваша жена? — Я понимаю, что это не так, но все равно задаю этот вопрос.

— Нет, это не моя жена. Мы потеряли друг друга, — он грустно улыбается девушке на фотографии.

— Но когда любишь, нужно жениться и никуда не отпускать!

— Откуда ты это знаешь? — поворачивает он ко мне голову, будто я сказал что-то стоящее.

— Бабушка так говорит.

— Она мудрая женщина, твоя бабушка.

— Так почему вы не поженились, если так любили друг друга? — Я догадываюсь, что веду себя жестоко, но любопытство все пересиливает.

— Мы хотели, видит Бог. Но нас разлучили трижды. Первый раз — толпа, второй — сама жизнь, а третий раз — небо.

Он молчит, попивая свой мате, и я покорно жду, понимая, что продолжение будет.

— Это Паола, мальчик, — объясняет он. — Она была моей двоюродной сестрой.

— Вы вместе росли? — Я уже уселся на старый продавленный диван.

— Нет, я впервые увидел Паолу, когда мне было

за двадцать, а ей самой едва исполнилось шестнадцать. Мы познакомились на похоронах ее двоюродной бабки, у которой она жила. Ничего хорошего не будет с теми, кто познакомился на похоронах, — так потом говорила Паола.

— Почему вы не дружили раньше?

— Наши матери были родными сестрами, но они не общались. Тетя Мария была черным пятном нашей семьи. В четырнадцать она сбежала с каким-то итальянцем, и больше мы о ней не слышали. А потом через много лет оказалось, что ее вместе с мужем убили на площади Мая, как и сотни других людей, которые решили поддержать Перрона. Военные самолеты просто расстреляли этих людей. Ты слышал, что первая бомба упала в троллейбус, забитый детьми? Никто не выжил.

Я помню эти дни. Обугленные машины без дверей стояли на площади так долго, что местные сорванцы перестали бояться залазить туда. Так Паола стала сиротой. Пару лет она жила у нашей старой родственницы и, когда та померла, оказалось, что идти ей некуда. Мать забрала ее к нам — мы жили с ней вдвоем здесь, в Ла Боке, в маленькой квартире, похожей на эту.

— Неужели вы полюбили свою сестру?

— Не сразу, малыш, не сразу. Она была очень

хорошенькая. Такая маленькая и юркая, как птичка. Мать положила Паолу к себе в комнату, и через открытую дверь мне была видна ее кровать. Каждый день я смотрел, как она в ночной рубашке ложится спать, как сворачивается калачиком, как шевелится от дыхания ее одеяло. Нас окружало горе, голод, инфляция, а в Паоле было столько жизни и страсти. Наш дом сразу стал светлее, когда она там поселилась. А однажды я взял ее с собой на милонгу. Я уже неплохо танцевал к тому времени, меня узнавали на площадках танго Буэноса. Люди собирались танцевать танго в каждом сквере, в каждом заброшенном уголке. Тогда танго было очень популярно — пока в моду не вошли «Битлз».

Дон Чема шаркает к газовой горелке и тонкой струей льет горячую воду в свой калебас. От запаха мате в комнате становится еще более душно.

— Танцевала Паола из рук вон плохо, — он улыбается, и я понимаю, что ему нравится вспоминать те времена, — когда я обнял ее, у меня закружилась голова от нежности. Я чувствовал, как под моей ладонью шевелятся ее острые лопатки, и мне казалось, будто это ангел поводит крыльями, чтобы развернуть их и взмыть в небо. Она смотрела мне в глаза и крепко прижималась

— так крепко, что это было слишком даже для танго. Каждый вечер мы танцевали только друг с другом, и вскоре нас перестали приглашать другие девушки и парни. А однажды мы не пришли домой ночевать.

— Почему? — не понимаю я.

— Потом ты поймешь, — глаза старого Чемы смеются. — Когда мы вернулись утром, мать выплеснула ведро помоев прямо нам в лица. Она кричала, что это позор для всей семьи. Мать говорила правду: брату и сестре нельзя быть вместе. Но что мы могли с этим сделать? Сил сопротивляться не оставалось. А когда мама вышла к соседке, Паола попросила: «Давай убежим». Она была такая смелая, такая решительная! Мы собрались за минуту — у нас не было вещей, да они нам и не были нужны. Держась за руки, добежали до вокзала. Моих накоплений едва хватило на два билета на ближайший поезд по трансандинской дороге, до Сантьяго. Паола вошла в вагон первой, а я решил добежать до табачного киоска. Никогда себе не прощу этого. На вокзальной площади началась забастовка. Все тогда бастовали, каждый день, каждую неделю. Цены росли, а зарплаты не платили. Правительство пустило американцев забирать нашу нефть.

За секунду площадь стала пестрой из-за океана людей. Толпа понесла меня, как волна, все дальше и дальше от поезда. Я пытался бежать назад, но пробовал ли ты плыть против волн во время шторма? Бесполезно. Четыре миллиона человек той осенью бастовали против генерала Арамбуру. Да, мальчик, это не шутки. Я видел, как трогается наш состав, но толпа несла меня в другую сторону. Люди на площади искали счастья для себя, но разрушили наши жизни.

— Но почему же вы не стали искать ее?!

— Ты ошибаешься, маленький птенчик. На милонгах не принято делать шаги назад, только вперед. Мне нужно было найти мою Паолу. Денег, чтобы ездить по стране, у меня не было. И тогда я пришел в первый попавшийся танго-театр. «Возьмите меня с собой», — попросил я. Тогда такие ансамбли были не редкостью, они переезжали из города в город, давали представления, иногда — учили танго других. Меня приняли сразу же. Так я стал милонгеро. В те времена люди любили танго — пока популярными не стали эти «Битлз». Эта поп-музыка, она разлучает людей, я тебе верно говорю. Она разбивает объятия.

— И вы никогда не виделись?

— Только наполовину: я увидел ее, а она меня

нет. Я встретил ее случайно на рынке в Сантьяго — она все же добралась туда, моя храбрая девочка. Наш театр тогда переживал тяжелые времена, и мы перебивались с хлеба на воду. Не могу рассказать тебе, что я почувствовал, когда увидел ее. Я не мог дышать, говорить, только смотрел, как она покупает апельсины. А потом к ней подошел маленький мальчик. Он взял ее за руку, он называл ее мамой. Такой маленький, милый мальчик, похожий на тебя. Я понял, что у нее семья и дети. Было ли у меня право рушить все это из-за влюбленных клятв? Мне не осталось места в ее жизни. Кем я был? Всего лишь позабытым милонгеро, у которого не всегда был кусок хлеба. Такая девушка, как Паола, была достойна лучшего. В тот день мое сердце рассыпалось, как пепел, а душа была в смятении. Я не знал, что делать, я метался каждый день, как тигр в клетке. Прошло еще несколько лет, наш театр снова стал известен, а мое лицо вновь начало появляться на афишах. Однажды я выпил и решил, что должен поговорить с моей Паолой. Я купил билет на самолет до Сантьяго, но мы не долетели. Ты наверняка слышал про эту авиакатастрофу, мой милый мальчик. При посадке пилот задел землю крылом, случился взрыв. Из тридцати человек

выжили только двое — я и еще одна девчушка. Это божье благословение, говорили все. Нас даже снимало телевидение. Но мои ноги были переломаны. Так я стал калекой. Со временем я научился заново ходить, но не танцевать. Я вернулся в Ла Боку и поселился здесь. Не проходит и дня, чтобы я не вспоминал мою Паолу. Я больше не полюбил ни одну женщину, никогда не был женат и превратился в того одинокого старика, с которым ты сейчас говоришь.

Он молчит, и я вижу, что в его глазах сверкают слезы, и плачу вместе с ним. Я понимаю, что мне пора, хотя мне и не хочется уходить. На прощанье я обнимаю его и целую в обе щеки. Мне нужно сказать ему что-то важное и хорошее, но у меня не получается. Мы расстаемся молча и чуть смущенно.

Обратно я бегу так быстро, что сердце стучит где- то в горле, а щеки пылают алыми пятнами.

— Он помнит тебя, — кричу я с порога, — он не забыл! Все эти годы он тоже искал тебя.

Навстречу ко мне выходит моя бабушка Паола. Она невысокая, по-прежнему стройная и быстрая. Ее темные глаза смотрят внимательно, через несколько седых локонов, которые выбились на лицо. Волосы ее такие же густые, как на фотогра-

фии в квартире дона Чемы. Бабуле немало лет, но она молода и красива, и я готов разбить нос каждому, кто скажет, что это не так.

— Ты рассказал ему? — В ее глазах паника. — Он знает, что мы здесь?

— Нет, нет, — нетерпеливо машу рукой я. — Все это должна сказать ему ты!

Бабушка Паола успокаивается и слишком спокойно спрашивает:

— Так о чем вы болтали?

Кого она хочет обмануть этим безразличием?

— Он помнит тебя, он любит тебя, — тараторю я, задыхаясь. — Он всегда любил тебя. Он сказал, что стал мелонгеро ради тебя. Чтобы ездить по стране и искать тебя в разных городах.

— Чема всегда танцевал танго лучше всех, — кивает она, соглашаясь. — Я рассказывала, что, когда он вел, на его рубашке со спины не было ни одной морщинки?

— Да-да, рассказывала, сто раз рассказывала, — отмахиваюсь я и продолжаю: — Он видел тебя в Сантьяго с отцом и решил, что ты вышла замуж и начала новую жизнь. Он даже не догадывается, что мой папа — это его сын.

Я ликую. Меня наполняет чистая детская эйфория, которую так легко принять за счастье.

— А потом он попал в авиакатастрофу и вернулся в Ла Боку. Он не хотел, чтобы ты видела его калекой. Но слава Богу, ты смотрела передачу, в которой его показывали, и сама приехала к нему.

— Это так на него похоже, — бабуля ласково ворчит. — Подумать только, он решил, что я изменила ему и вышла за кого-то другого. Завтра я приготовлю ему что-нибудь особенное.

— Ну уж нет, хватит, — я топаю ногой. — Мы нашли его уже два месяца назад, а ты все еще прячешься. Вы должны увидеться. Вы должны жить вместе!

— Ну что ты такое говоришь, — бабуля беспомощно разводит руками. — Он помнит темноволосую красотку, а не дряхлую развалину, в которую я превратилась. Он будет разочарован, увидев меня. Мое бедное сердце этого не выдержит.

— Ты самая молодая и красивая, — говорю я ей. — Сколько можно ждать! За всю жизнь он не полюбил ни одну женщину, кроме тебя! Никогда не был женат! Дон Чема должен знать, что и ты всегда ждала только его. Он должен знать, что уже два месяца ты во всем себе отказываешь, чтобы готовить ему свежие обеды. Он должен знать,

что у него был сын, который погиб в аварии. Он должен знать, что у него есть я! — Я кричу, но не замечаю этого. — Вы — мои бабушка и дедушка, и вы единственные, кто у меня остался. Вы должны быть вместе, мы должны стать семьей, — рыдания душат меня, я не могу продолжать.

— Хорошо, хорошо, — бабушка ласково гладит меня по спине, — успокойся, птенчик.

— А еще он сказал, что на милонгах не принято делать шаги назад. Понимаешь? — шмыгаю я носом, смущаясь своих слез.

— Ты прав, — соглашается она, — завтра же я пойду к сеньоре Флоренсии, чтобы она меня подстригла и уложила волосы так, как носят сегодня. Я хочу выглядеть модно. Боже, интересно, что он скажет, узнав о нас?

— Он будет счастлив, бабуля.

Но мы так и не узнали, что сказал бы сеньор Чема. Утром следующего дня, когда бабушка болтала в парикмахерском салоне со сплетницей Флоренсией, дон Чема умер один в своем кресле, от кровоизлияния в мозг.

Народа на похоронах собралось совсем немного: старики-соседи, вечно обсуждающие футбол, моя бабушка со своей красивой прической и я. Бубуля, не отрываясь, смотрела в гроб и что-то

шептала, будто жаловалась Чеме на несправедливость. Она была где-то далеко-далеко, и, когда с ней заговорил сеньор Мануэль, вздрогнула.

— Простите, сеньора, — приподнял шляпу дон Мануэль. — Слишком хороший день для похорон, правда.

— У Чемы не могло быть иначе, — ответила она не слишком охотно: ей было не до досужих бесед.

— Сеньора, я живу по соседству с Чемой уже десять лет, но никогда не видел вас. Я бы непременно запомнил такую достойную донну, как вы, — кажется, сеньор Мануэль флиртует с моей бабулей. — В последние годы он был совсем один. Так кем вы приходитесь бедняге?

Бабуля не знает, что ответить. Она смущается и теребит кисти накинутого на плечи платка. Пауза затягивается, и тогда ситуацию в свои руки беру я.

— Это жена сеньора Чемы, — говорю я с гордостью и едва заметно подмигиваю бабушке.

— Жена? Ты что-то путаешь, маленький gordi. Этот пройдоха Чема был женат четыре раза, и ни одна из его бывших жен не захотела приехать. Я сам звонил каждой. Слышал бы ты, что говорила о нем его последняя жена, донна Августина.

Крыла последними словами! Неудивительно: он спутался с ее племянницей, кобель этакий. — Сеньор Мануэль беззвучно хохочет, широко открыв рот, и я вижу, сколько зубов у него не достает.

— Он все твердил, что без любви не может танцевать, а танцевал он так, что вся Ла Бока собиралась на его представления. Тот еще был бабник, — продолжает он, не обращая внимания на мой ненавидящий взгляд. — На том и погорел. Как-то муж одной из подружек переломал ему ноги железным прутом. Здоровый был такой мужик. Когда-то работал пилотом, пока не выгнали за пьянку. Мы так и звали его «Авиакатастрофа». После этого случая Чема и перестал танцевать танго. Так кто вы ему, сеньора? — спрашивает он, размазав пальцев под глазами слезы, выступившие от смеха.

— Только сестра, — тихо отвечает бабуля. Она гладит белую щеку покойника и медленно, прикрыв глаза, целует его в губы — это их первый поцелуй за пятьдесят лет. На мертвом лице Чемы остаются капли ее слез.

Сгорбившись, бабушка медленно уходит прочь — и я вдруг вижу, какая она старая.

На следующий день я сжег деньги сеньора

Чемы и больше никогда не приходил в школу танго.

Алиса Юридан
Ориентир

Черная коробка, притягивающая взгляд вопиющим контрастом с белой столешницей, слегка гудела.

Что в ней? Крышка обтянута бархатом, так и хочется протянуть руку и погладить, но когда он делает шаг к столу, гудение усиливается, заставляя остановиться. Почему оно стало звучать угрожающе? Да и коробка ли это гудит?

Скрипнули половицы — совсем рядом, за спиной, — и он обернулся бы, если бы страх не сковал, в секунду разлившись по телу. Снова скрип — почти ласково, «ну же, обернись», — и нервы не

выдерживают, толкают его вперед, к этой чертовой коробке, из-за которой он вовсе не намерен умирать. По крайней мере не прямо сейчас.

«Помни, ты обещал», — слышит он знакомый голос, но не сразу позволяет себе узнать его, не сразу решается признать то, что понял с первого мгновения. На несколько секунд он тонет в ледяной воде, чувствуя, как придержанное воспоминание, словно вертлявый скользкий кусок мыла, в отместку вырывается от него, растворяется в комнате, не дает ему вынырнуть из холодного мрака.

А потом он сдается и вспоминает — в ту же секунду, как пальцы его касаются бархатной крышки коробки. Это она. Конечно, это она. Ее голос, ее мягкие интонации. Та, которой больше нет. Та, из- за кого он сейчас здесь. Та, что сказала ему: «Ты найдешь в ней именно то, чего желаешь больше всего на свете». Та, что рассказала ему об этой комнате и этой коробке, открыв которую, одни увидят все, а другие — ничто. Рассказала, полностью изменив его судьбу, и навсегда оставила его, освободившись от бремени, которое несла всю жизнь и всю жизнь подсчитывала понесенные вместе с ним потери.

Он резко оборачивается, но, кроме него, в

комнате никого нет. Может быть, и не только в комнате — во всей Вселенной лишь он и эта чертова коробка. Он снимает крышку — та поддается легко, даже слишком, — и смотрит на алый шелк, выстилающий дно. Гудение прекращается. Все и ничто. Разочарование током бежит по пальцам, все еще держащим крышку. Разочарование — и страх. Что-то не так.

Коробка пуста.

Что-то очень сильно не так.

Что бы она сделала на его месте? Если бы обнаружила эту тупую, ошеломляющую пустоту вместо ожиданий? Впрочем, она бы ее и не открыла, эту проклятую коробку. Она бы сдержалась. Ему тоже следовало бы, только уже поздно. Слишком поздно, потому что он действительно намерен нарушить данную ей клятву. Он не такой сильный, как она.

Он не Милена.

Момент их знакомства навсегда отпечатался в его памяти. Как он вошел в комнату и увидел ее — чистую, неземную красоту в белоснежном платье, сияющем ослепительным светом. Кроме него, этот свет почему-то никто не видел, зато его сердце чуть не остановилось от внезапно нахлынувшего чувства, названия которому он еще не

знал. Он понял, что единственный его шанс как-то жить дальше — это подойти к ней. Сейчас-то он знал, что у него не было выбора. Любовь никогда не дает выбора. Но тогда он просто шагнул к ней, зачем-то протягивая ей на ладони самое дорогое, что у него было, — его радужный сферический талисман, силу и красоту которого тоже никто, кроме него, не видел, называя его просто симпатичным стеклянным шариком. Этот талисман до сих пор с ним, цел и невредим, несмотря на все, что им пришлось пережить. Милена оценила шаг и улыбнулась ему. Он до сих пор помнил эту улыбку — тогда еще светлую, легкую, еще почти не тронутую грядущей печалью, не носящую печать бремени.

Это было почти двадцать лет назад. Ему было семь, ей — шесть, но уже тогда казалось, что она пережила не одно поколение. Было что-то в ее глазах, в ее улыбке — вскоре почти всегда усталой, — в том, как она спустя годы просыпалась рядом с ним. Что-то, что он никогда бы не смог постичь. Никто не смог бы. Что-то, что почти двадцать лет удерживало его на краю — и эти двадцать лет, в которых он любил и убивал, в которых любили и пытались убить его, в которых были и боль, и радость, и страх, и мудрость, и

предательство, и сила, и слабость, и вера, — эти двадцать лет только и нужны были для того, чтобы привести его сюда. Чтобы он сделал то, что не смогла она и за что она себя так и не простила. Чтобы он спас их. Всех их.

Но разве может быть спасение в пустоте?

Он вцепился в алый шелк, оказавшийся враждебно холодным и скользким, и начал отдирать его от коробки.

Такими же скользкими были его ладони, обагренные ее кровью, только та была горячей. Обжигающей. Застилающей все вокруг. Они могли бы этого избежать…

— Как тебя зовут? — спросил он тогда, бесконечно давно, не в силах сдержать расползающуюся по лицу улыбку. В той детской комнате, ставшей первой из утомительной череды. Если бы он знал, что все закончится ее кровью на его руках, не спросил бы. Ни за что не спросил бы.

— Милена, — ответила она, и он вздрогнул: голос прозвучал около уха так четко, как точно не мог прозвучать двадцать лет спустя. Вздрогнул и разозлился — не время сейчас предаваться воспоминаниям. Очень скоро у него будет целая вечность для этого, только для этого и ни для чего больше. Если, конечно, ему удастся сделать то,

ради чего он здесь.

Коробка утверждала обратное. На самом ее дне, под шелком, который теперь лоскутами висел в его руках, лежал ключ. Именно такой, каким он его и представлял, да при этом еще и красивый: медный, с дерзким рубином, дышащий древностью. Именно такой — и это значит, что коробка уже проникла в его сознание и в его ожидания, уже играет на его поле столь же уверенно, как и на своем, а значит, шансов на победу у него немного.

Он отбросил обрывки шелка и взял ключ в руку. Тепло жизни, исходящее от рубина и передающееся меди, согрело холодную ладонь.

Эта коробка — чудо природы. Проклятие природы. Ее подарок и ее насмешка.

Черная коробка исполняла самые сокровенные желания. Только загадай — и пожинай плоды. Чего же он хотел? Если отбросить то, ради чего он на самом деле здесь, чего хотел он сам?

Хоть сейчас это и не имеет никакого значения, он хотел бы не стремиться к этой коробке почти всю свою жизнь. Хотел бы никогда о ней не знать. Хотел бы жить с Миленой нормальной, заурядной жизнью, ссориться из-за бытовых мелочей, а не из-за изъянов в планах отступления после

очередной неудачи, очередной пустой комнаты без коробки. Коробка любила их обманывать и делала это весьма умело. Восемьдесят пять. Именно столько потенциально подходящих комнат они нашли, и ни одна из них не оказалась той самой. Восемьдесят шестая забрала жизнь Милены и навсегда отложилась в памяти ее теплой кровью на руках и его абсолютной неспособностью что-нибудь с этим сделать. Восемьдесят седьмая оказалась пустышкой.

И вот она, восемьдесят восьмая, та самая, столь желанная и столь недосягаемая, словно насмехающаяся над ним. Всего одна комната отделяла Милену от долгожданного освобождения — не столь радикального, какое ей в итоге выпало. Всего одну комнату ему пришлось пережить в одиночку. Это казалось ему непоправимо несправедливым.

Он взвесил тяжелый ключ в руке. Рубин гипнотизировал и манил сдаться, сделать то, что он хочет, а не то, что должен. Он знал, что коробка будет сопротивляться. Будет подсовывать ему все, чтобы отвлечь его внимание на то, что ему так желанно. Не даст себя уничтожить — а ведь именно за этим он здесь.

Все, с чем он столкнулся, узнав тайну Милены

и коробки, комнаты и желаний, все, чего он даже не мог себе представить, что было за гранью его представлений о реальности, все это — и всех *их* — нужно было уничтожить. Единственной целью Милены было разрушить порочный круг, в котором страждущие бесконечно и упорно ищут эту чертову коробку, надеясь, что она им поможет, ищут, сметая все и вся на своем пути, жертвуя, убивая, предавая и подавая пример другим, подпитывая тем самым силы, рожденные коробкой, охраняющие ее, наслаждающиеся бесполезным сопротивлением — и удивляющиеся бесконечной надежде этих алчных представителей чуждой им реальности. Упорных, ничему не учащихся, считающих, что им-то, конечно, повезет, в отличие от других, не замечающих, что желание во что бы то ни стало найти коробку давно уже перешло в разряд навязчивых идей. Глупых и отчаянных. Людей.

Милена с детства знала, что единственный выход — уничтожить коробку, и тогда весь этот мрак, поглощающий одного за другим и никогда ничего не дающий взамен, рассеется. Будут другие комнаты и другие коробки. Но не здесь. Не в их реальности. Людям нельзя давать такой ориентир, подминающий их под себя, начисто

сметающий их представления о нормальной жизни, затопляющий тьмой все их мысли и в конце концов их потопляющий. Они должны уничтожить коробку, пока та не уничтожила их.

Они — это он и Милена. Больше никто планов Милены не разделял, потому что она о них не распространялась. Слишком опасно. В глазах других они были очередной отчаянной парочкой, ищущих коробку, чтобы загадать ей свои (наверняка примитивные) желания. Если бы кто-то узнал, ради чего они на самом деле почти двадцать лет покоряют комнату за комнатой, оставляя в них часть себя и не получая за это ничего, кроме шепота в голове, по ночам уговаривающего их сдаться, — этот кто-то только усугубил бы положение. Ему с Миленой пришлось бы бороться еще и с ними.

Он всегда хотел узнать какую-нибудь тайну. Все детство об этом мечтал, и в итоге дождался своего. Но тайна оказалась сильнее него. Поглотила его, как и Милену. Не оставила им выбора. Только Милена несла ее в себе дольше. Погрузилась в нее раньше и глубже. И достигла вместе с ней дна. Поэтому он сейчас один.

И должен сделать то, что обещал.

«Если любишь меня, — сказала она, умирая на

его руках в восемьдесят шестой комнате, — поклянись, что найдешь и уничтожишь ее». Он любил и поклялся. Он верил, что сможет. Обязан был. Милена не должна была погибнуть напрасно. И теперь он здесь. Но сейчас…

Сейчас меньше всего на свете ему хотелось исполнить свое обещание. Уничтожить эту коробку навсегда. Милена бы не колебалась. Милена была в нем уверена. Неужели он ее подведет? Ему нужно просто озвучить то, что не может сейчас сказать она. Только потому что мертва. Он уже открывает рот, чтобы загадать самоубийственное для коробки желание — последнее, которое она исполнит, — но слова никак не приходят. Вместо них только горечь на языке и скорбь, которую он уже не в силах выносить, чувствовать так остро, словно его сердце ежедневно полосуют ножом — с каждым разом все глубже. Он хотел бы, чтобы она сжалилась и прикончила его, но Милена не намеревалась его отпускать.

Хотел бы не чувствовать — ничего. Ни боли, ни разочарований, ни сожалений, ни обжигающей вины, ни горечи поражения. Ничего из того, что сопровождает его многие годы. А еще лучше — вообще ничего. Он слишком устал. Из золотой монеты, какой сиял, познакомившись

с Миленой и разделяя с ней жизнь, постепенно выцвел и превратился в ржавый медный грош. Хотел бы не знать никаких коробок и никаких тайн, алым рубином сияющих в его сознании, как опасная путеводная звезда, заслоняющая собой все остальное.

Но больше всего он хотел вернуть Милену к жизни. После восемьдесят шестой он не раз представлял, как просит у коробки именно это, и как открывает дверь тяжелым ключом, а за дверью — Милена, живая, невредимая и бесконечно одинокая, и он крепко обнимает ее, забирает ее с собой, спасает ее.

Коробка знала. Знать такие вещи — ее работа. Именно поэтому в его руке сейчас лежал ключ. Именно поэтому там, в стене, была дверь, к которой ключ обязательно подойдет. И за которой…

Он сможет ее уговорить. Сможет заставить понять, что нужно думать о себе, о них, которым так не много отмерено, а не обо всех остальных, которые никогда не оценят столь высоких стремлений. Если уговорить не удастся — что ж, они будут пробовать снова и снова. И у них получится. Он не отступит, пока Милена будет рядом с ним. И он никогда не допустит того, что произошло в восемьдесят шестой комнате. Не потеряет ее

снова. Ни за что.

Он знал, что любит Милену сильнее, чем она его. Что она никогда бы не упустила возможность уничтожить свою проклятую коробку, стой на кону хоть десять его жизней. Для нее он был больше напарником в поисках, чем любимым или любовником. Но это было не важно. Для него она была единственной. И должна снова ею стать.

Это его решение. Не коробки. Не комнаты. Не *их* — тех, чье присутствие он ощущает кожей. Только его. Милена считала коробку неверным ориентиром, который нужно уничтожить, но на самом деле ориентир только один. Единственно верный. И если ты когда-то нашел его, ты поймешь, что важнее нет ничего. Особенно остро почувствуешь это, когда его потеряешь. Он должен вернуть свой ориентир. Разве может быть что- то важнее? Конечно, нет. Ничего не может быть важнее любви. Он сбился с пути, и ему нужна помощь. Ему нужна Милена. Живая и невредимая. Она должна жить. На всех остальных и особенно на коробку ему плевать, если она вернет ему любимую.

Он громко озвучивает это свое сокровенное желание и накрывает коробку бархатной крышкой, чтобы не видеть растерзанного алого шелка,

все еще почему-то напоминающего ему кровь Милены, чтобы не отвлекаться на мысли о своем обещании и на доводы, которые он уже начал сам себе приводить — как за, так и против. Против почему-то больше. Наверное, где-то в глубине его протестует Милена, часть души которой навсегда в нем. Протесты прекращаются ровно в тот момент, когда крышка накрывает коробку. Все в этот момент прекращается — он словно оказывается в вакууме. Ненадолго, но достаточно, чтобы до боли сжать ключ в руке, так сильно, что на ладони остался отпечаток. Он выдыхает и подходит к двери. Вставляет ключ в замочную скважину и поворачивает. Сердце его готово разорваться.

Он открывает дверь и видит ее — самую красивую девочку в комнате. На ней черное платье, притягивающее его взгляд, почти засасывающее его в черную дыру. Хотя дело, конечно, не в платье — дело в ней. Он просто обязан к ней подойти.

Он сжимает в кармане маленький разноцветный стеклянный шарик, повсюду его сопровождающий и приносящий ему удачу, охраняющий от невзгод и просто поднимающий настроение — он ведь, как-никак, не из нашей Вселенной. По крайней мере ему нравится так думать. Придумывает, что скажет. Представляет, как достанет

шарик и покажет ей, и она, конечно, не устоит перед ним, и завяжется разговор… И он и правда достает свой талисман из кармана и сжимает его в руке, готовый сделать шаг девочке навстречу.

В этот момент девочка поворачивает к нему голову, и все внутри у него замирает от какого-то нового, непривычного чувства. Он чувствует, что у нее есть какая-то тайна. Если они подружатся, может, она ему даже расскажет. Он улыбается ей от всей души.

Но она не улыбается в ответ. Она смотрит на него своими темными глазами так разочарованно, что в нем что-то обрывается. Смотрит на него так, словно он ее предал. И он понятия не имеет почему. Взгляд ее холоден, безжалостен и в то же время очень горек. Он буквально чувствует во рту горький привкус, и ладонь его невольно разжимается. Шарик падает на пол, разбивается вдребезги радужными брызгами. Она отворачивается.

Он смотрит на разноцветную лужицу красок, растекшуюся по полу, смешанную со стеклянной крошкой. Все, что осталось от талисмана его судьбы. Потом поднимает голову. Смотрит на профиль девочки в черном платье. Смотрит, как какой-то мальчуган в отутюженной футболке

протягивает ей конфету, а она улыбается в ответ.

Смотрит — и не чувствует ничего.

Наталья Способина
Голос в лабиринте

— Ну все, иди, пока связь есть, — Тим, седой грузный мужчина, поправил наушник.

Рина отрывисто кивнула и развернулась к небольшому лазу в стене, сложенной из громадных камней. Здесь начинался вход в лабиринт.

У Рины были карта, связь с Тимом и мизерный шанс выжить. Она глубоко вздохнула и оглядела

лаз, примериваясь, за что бы ухватиться. Тим за спиной кашлянул, и этот звук с опозданием прошуршал в ее наушнике. Рина не выдержала: резко развернувшись, бросилась мужчине на шею. Слезы все-таки потекли, хотя она обещала себе не плакать.

— Развела сырость, — пробормотал тот, неловко похлопал ее по плечу и отцепил от себя. — Пошла уже!

— Тим, вы же умрете здесь все!

— Ты тоже умрешь, если не поторопишься, — рыкнул Тим, и глаза под кустистыми бровями зло сверкнули. — Ты должна оказаться на отметке до темноты, иначе сдохнешь еще раньше нас, да так, что врагу не пожелаешь.

Рина невольно вздрогнула, осознав, что Тим прекрасно понимает призрачность ее шансов, оттого и злится, — он сделал все, что мог, но этого, скорее всего, окажется мало.

Рина вытерла слезы и застегнула молнию на кожаном жилете, карманы которого были забиты тем, что могло пригодиться в лабиринте.

— Иди, Рина, — теперь голос Тима звучал мягче. — Это твой единственный шанс.

Он с непривычной отеческой нежностью заправил ей за ухо торчавшую из-под кепки прядь

рыжих волос.

Рина в последний раз окинула Тима взглядом и, вскарабкавшись по камням, протиснулась в узкий лаз.

— Привет, Рина, — тут же ожил ее наушник. — Как слышно? Прием.

— Привет, Тим, — Рина постаралась, чтобы ее голос звучал бодро. — Слышно паршиво. Прием. Связь вправду была паршивой, несмотря на то что микроскопический наушник в ее ухе был недавней разработкой. Тим оставил себе старую гарнитуру, зная, что ее наушник очень скоро выйдет из строя, если она не уйдет из зоны магнитного поля, а вот его еще какое-то время продержится, давая ей шанс выжить.

Лабиринт встретил ее тишиной. Горы, окружавшие ущелье, уходили ввысь, теряясь в грязно- серых облаках. Говорили, на Земле облака были белыми. А еще говорили, что на Земле пилоты могли летать спокойно: их приборы не сходили с ума, потому что Земля, в отличие от Z-8, не была живым магнитом. Z-8, колонизированная более двухсот лет назад, казалось, до сих пор за это мстит: тварями, магнитными бурями, невозможностью пользоваться навигацией. Но, как бы ни ругали Z-8, Рина любила эту планету.

Она была ей домом.

Рина поправила кепку, проверила, на месте ли бластер, и неторопливо пошла вперед. Первая отметка была обозначена крестом на измятой карте, на копию которой сейчас смотрел оставшийся в Чаше Тим.

— Ты там небось чаек попиваешь? — спросила Рина, внимательно оглядывая уходившую вдаль дорогу. Справа и слева громоздились камни, под ногами мерзко хрустели кости мелких зверьков.

— А то! — напряженно откликнулся Тим. — Не пропусти первый поворот.

— Ага, — дрогнувшим голосом ответила Рина, лишь волевым усилием загнав всхлип обратно в горло: незачем лишний раз травить Тиму душу.

Гора за ее спиной загудела и выбросила в воздух очередную порцию пепла. Ущелье вздрогнуло, и впереди послышался звук осыпающихся камней.

— Ты как? — тут же спросил Тим.

— Иду. Камнепад далеко.

Ни она, ни Тим не стали говорить, что камни могли перекрыть путь.

Вскоре в ущелье появятся первые хлопья пепла, и ей придется надеть респиратор. Рина надеялась, что к тому моменту успеет одолеть большую часть пути.

Именно пробуждение вулкана послужило спусковым крючком. Два месяца в Чаше пытались делать вид, что ничего не происходит, но когда температура у подножия горы перестала опускаться ниже сорока градусов по Цельсию даже ночью, стало ясно, что медлить нельзя.

Оглянувшись назад, Рина поняла, что пролома, через который она вошла в лабиринт, уже не видно, хотя дорога пока никуда не сворачивала. Остановившись, она сверилась с картой. Скоро будет поворот налево.

Тим в наушнике молчал, но она слышала его надсадное дыхание. В Чаше в последние дни дышалось все труднее. Особенно Тиму с его астмой. Рина не стала его дергать. Шла молча и слушала его дыхание. Несмотря на всю чудовищность ситуации, оно ее успокаивало.

Поворот налево возник неожиданно. Рина сверилась с картой и с сомнением посмотрела на узкую щель среди груды камней. Дорога, по которой она шла, широкой лентой уходила вдаль, но карта указывала на поворот.

— Тим, ты уверен, что нужно сворачивать?

— Уверен, — просипел Тим и закашлялся.

— Тебе… плохо? — сглотнув, спросила Рина, и ее голос эхом отразился от камней.

— Мне хорошо. А когда ты дойдешь до первой отметки, будет еще лучше.

Рина не стала медлить и пролезла в щель, едва не лишившись рюкзака и ободрав локоть. Здесь дорога была намного хуже, а кости под ногами лежали почти сплошным ковром. Рина поморщилась и пошла вперед, слушая противный хруст.

— Никто из тех, кто пошел по прямой, не вернулся. Думаю, это путь к тварям. Они крупные и любят открытое пространство.

— Тогда кто сожрал тех, чьи кости хрустят под моими ногами? — с омерзением спросила Рина.

— Твари поменьше.

Рина простонала.

— Рина, — в голосе Тима послышалось напряжение, — не забудь убедиться, что вокруг чисто, прежде чем уйти с отметки завтра утром.

— Не забуду, — пробурчала Рина, не добавив, что она не очень-то верит в завтрашнее утро.

В наушнике вдруг зашуршало, и наступила тишина.

— Тим! Тим!

Ответа не последовало. Час двадцать восемь. Именно на столько хватило их с Тимом связи. И хотя умом Рина понимала, что его голос в наушнике никак не мог защитить ее от тварей, потеряв

с ним связь, почувствовала себя испуганным ребенком. Двадцать лет она провела в замкнутом пространстве Чаши, где ей ничто не угрожало. Теперь же оказалась один на один с лабиринтом, из которого никто не возвращался.

Рина тихо всхлипнула и пошла дальше по пустынной дороге. Просыпающийся вулкан отпугнул тварей, но вряд ли они ушли далеко, и Рина понимала, что встреча с ними — вопрос времени.

Она добралась до первой отметки еще засветло. Место, отмеченное крестом, оказалось небольшой пещерой, вход в которую зиял чернотой на уровне ее макушки. Зажав в зубах фонарик, Рина с третьей попытки вскарабкалась по почти отвесной скале и заглянула внутрь. Оставалось надеяться, что вулкан отпугнул всю живность.

Оказавшись в относительной безопасности, она наконец вытянула гудевшие ноги и впервые подумала о том, что, возможно, в конце пути ее ждет сказочное Забрежье, если уж эта пещера существует. Думать об этом было страшно, потому что, даже если ей повезет разминуться с тварями, неизвестно, как ее встретят в Забрежье. Рина скрутилась клубком в тощем спальнике и решила отложить все мысли на потом. Может, и нет

никакого Забрежья? Может, за пределами Чаши вообще нет никого, что бы там ни нарисовал Дон на своей карте.

Наутро не привыкший к нагрузкам организм показал Рине, что вчерашняя радость была преждевременной. Есть ли это Забрежье или нет, до него еще нужно дойти. Рина без аппетита сжевала подсохшую лепешку и выпила воды. Убедившись, что в зоне видимости нет живых существ, она сбросила на землю рюкзак и спрыгнула сама. Мышцы отозвались болью.

Сегодня солнечные лучи пробивались сквозь серую дымку, а это означало, что день будет жарким. Костей вокруг стало меньше, и Рина немного воодушевилась. Она размышляла о том, что в Чаше никто никогда не видел тварей. Они были чем-то вроде местной страшилки, и Рина впервые подумала: вдруг их вовсе не существует? Вдруг все те, кто ушел в Лабиринт, просто добрались до Забрежья и счастливо зажили в новом мире? Под ногой снова хрустнуло, и Рина поежилась: твари или нет, но кто-то же съел этих зверьков?

Она сняла потемневшую от пота кепку и утерла рукавом лицо, украсив его разводами грязи. Пусть на деле лабиринт оказался вовсе не лабиринтом, но сейчас ущелье раздваивалось, и Рине

предстояло выбрать, пойти прямо или же свернуть направо. Нацепив кепку, Рина поправила перекосившийся ремень с бластером и двинулась направо.

— Не туда! — раздалось в наушнике, и Рина от неожиданности споткнулась, едва не упав. Голос принадлежал не Тиму, и связь была намного чище.

— Ты кто? — просипела она.

— Ты бегать умеешь? — бодро спросил незнакомец.

— Я?

— Лично я вижу тебя и трех тварей. Они бегать умеют. Я точно знаю. Свернешь, куда собиралась, — встретитесь. Так что двести метров по прямой, потом направо.

Рина оглянулась назад, пытаясь определить, где говоривший, но увидела все то же ущелье, дрожавшее в знойном мареве. То там, то здесь валялись камни. Местами унылый пейзаж разбавляли выбеленные временем скелеты животных, присыпанные вулканическим пеплом. Ни намека на чье-либо присутствие.

— Они движутся в твою сторону, — вновь ожил наушник. — Еще чуть-чуть постоишь, и ты труп.

Рина на миг зажмурилась и, доверившись

незнакомому голосу, рванула с места, чувствуя, как в ушах грохочет кровь, а под ногами хрустят кости.

— Направо!

Рина оглянулась и сбилась с шага, потому что увидела первую тварь размером с крупную собаку. Та неслась в ее сторону огромными прыжками. — Направо! — Голос в наушнике взлетел на октаву.

Рина отмерла, бросилась направо, протиснулась между камнями и поняла, что оказалась в тупике.

— Здесь тупик! — закричала она, срываясь на визг.

— Разворачивайся и стреляй.

Рина выругалась, отстегнула бластер и направила его в проем между камнями. Тварь появилась так резко, что Рина снова взвизгнула, одновременно нажимая на курок. Заряд попал точно в оскаленную пасть. Рина в ужасе зажмурилась. Голос говорил, что их три? Бластеру нужно тринадцать секунд для перезарядки. Уши закладывало от давящего звука, и только спустя время Рина осознала, что это ее крик отдается эхом от камней. Резко замолчав, она поразилась наступившей тишине. — Твари глупы и пугливы, на

наше с тобой счастье, — невозмутимо прозвучало в наушнике. — Оставшиеся не сунутся к тебе еще несколько часов.

— Кто ты такой? — отбивая зубами дробь, прошептала Рина.

— Я тот, кто выведет тебя отсюда.

— Куда? — всхлипнув, спросила Рина.

— О, вариантов у нас масса: песчаный пляж Равии, оазис Удо, курорты Тари, но это теоретически. На практике эта дорога ведет в Забрежье. — Оно существует? — тупо спросила Рина, глядя прямо перед собой на трещину в камне, лишь бы не смотреть на убитую тварь.

— Когда я выходил в эфир, определенно существовало, — откликнулся голос. — Тебе лучше побыть там немного: у нее задние ноги еще дергаются, могут тебя зацепить.

Рина почувствовала, как съеденная утром лепешка со спазмами поднимается к горлу, и не успела ничего предпринять: ее вырвало.

Голос вежливо молчал, пока она пристегивала бластер, пила теплую воду из фляги, умывалась. И лишь когда она глубоко вздохнула, решив, что, пожалуй, готова выходить, в наушниках раздалось:

— Путь свободен.

Рина выбралась из ущелья, зажав нос от зловония и стараясь не глядеть на останки твари. Ее снова замутило.

— Эй, — позвала она, оглядываясь вокруг.

Тварей вправду не было. Воздух все так же дрожал от знойного марева, а ее голос эхом отразился от камней.

— Я здесь, — тут же откликнулся наушник.

— Ты в Забрежье?

— Физически да, а всеми мыслями с тобой.

Рина, не удержавшись, фыркнула, но тут же оглянулась на труп твари и посерьезнела.

— Голос, — позвала она, постеснявшись спросить его имя, и услышала смешок в наушнике, — заряда моего бластера хватит в лучшем случае до завтрашнего вечера. Насколько хватит наушника, не знаю. Тим, наш врач, говорил, что до Забрежья тридцать километров. Твари ведь вернутся. Я не выберусь, да?

— Через сто метров справа будет тень. Отдохни и поешь, а я буду говорить.

— Я не смогу сейчас есть, — содрогнулась Рина.

— Тогда и говорить не о чем, — спокойно отозвался Голос. — Не поешь, не дотянешь до Забрежья. Выбирай: душевные терзания или шанс выжить. Если выберешь первое, я отключаюсь.

Не хочу смотреть на твой труп.

— Ты меня видишь? — тут же откликнулась Рина и завертела головой, будто обладатель голоса мог быть где-то рядом.

— Конечно, вижу, — театрально вздохнул Голос. — Подними голову и помаши ручкой.

Рина послушно подняла голову, но ничего не увидела, только перед глазами замелькали красные пятна от неожиданно выглянувшего солнца.

— Я вижу тебя со спутника, — пояснил Голос.

— Магнитные аномалии гасят сигнал.

— Устроишься на обед, расскажу сказку, — пообещал Голос.

Рина снова фыркнула и пошла дальше, стараясь не думать, что кости, валявшиеся на ее пути, на этот раз очень похожи на человеческие. В голове было пусто. Что бы ни сказал сейчас этот человек, реальность заключалась в том, что она не доберется. Тим зря был так уверен в ее силах и удаче. Бедный Тим. Жив ли он еще?

— Эй, ты там ревешь, что ли? — с подозрением спросил Голос.

— Хочу и реву, — огрызнулась она.

— Ты можешь, конечно, реветь, но это усилит обез воживание.

— Бесчувственный чурбан! — не выдержала

Ри на. — Там остался мой друг, понятно? И еще десять человек. Им не хватило места в челноках. Вы в своем сказочном Забрежье понятия не имеете, сколько невозможного Тим и другие взрослые сделали, чтобы мы там выжили, и каково это, когда кончается еда, а местную воду нельзя пить!

Рина выдохлась и, распинав мелкие кости, зло уселась на землю. Стащив с головы кепку, она взъерошила мокрые от пота волосы. К черту! Тим ошибся. Ей не стоило даже пытаться. Она просто останется здесь. И плевать на все.

Рина глотнула воды и вытянула ноги, думая о том, что тварям даже напрягаться не придется, когда они придут. Интересно, этот вправду не станет смотреть?

— Чем вы очищали воду? — буднично спросил Голос, и Рина услышала металлический скрип.

— Кремнием. А потом ягодами. Что у тебя скрипит?

— Протез, — откликнулся Голос.

— У тебя протез? — негромко спросила Рина.

Ник в Чаше лишился ноги во время камнепада. Тим не мог обеспечить его протезом, и Рина жутко сочувствовала Нику, пока ухаживала за ним в госпитале. Он был одним из тех, кто остался в Чаше.

— Обе ноги и рука, — меж тем откликнулся Голос.

Рина сглотнула и осторожно спросила:

— Как это случилось?

— Когда твари сыты, они играют. Перекидывают добычу друг другу.

Рина судорожно выдохнула и, опираясь на камень за своей спиной, встала. На дороге по-прежнему никого не было, но ей стало не по себе. А вдруг все-таки вернутся? Рина нацепила кепку и, сунув флягу в рюкзак, нетвердым шагом пошла дальше. — Если тебе удастся пройти еще около трех километров, то эту ночь можешь спать спокойно, — словно прочитав ее мысли, произнес Голос.

— Почему? — спросила Рина, стараясь отогнать от себя образ искалеченного человека.

— Твари не переносят излучения наших охранных установок. Ближе, чем на пятнадцать километров, к Забрежью не подбираются.

— Я родилась в Зарии. Там тоже не подходили из-за установок, а потом в одну ночь набросились стаей и прорвали внешний периметр, несмотря на ток. Мне было четыре. Помню, как родители меня разбудили, и мы улетели на сельскохозяйственном шаттле. Даже вещей почти не взяли.

А потом он разбился, и мы оказались в Чаше. Летели к вам, кстати.

— Я читал про Зарию. Сочувствую.

— Спасибо, — откликнулась Рина.

— Почему «Чаша»?

— Она горами окружена. Не выберешься.

Рина сглотнула, вдруг вспомнив маму в ту ночь в Зарии, испуганную и бледную. Только голос у нее был совсем обычный, когда она сказала: «Рина, нам нужно улетать. Можешь взять Пушу». Пуша, маленький плюшевый заяц, сейчас был упрятан на дно ее рюкзака, но Рина ни за что никому в этом бы не призналась.

— Твои родители… — Голос словно почувствовал, о чем она думала.

— Папа пропал в Лабиринте в первый же год. Тогда еще думали, что через него можно выйти. Я его совсем не помню. А мама умерла еще через год.

— Сочувствую.

Рина кивнула, хотя и не была уверена, что Голос со спутника увидит.

— Меня вырастил Тим, — зачем-то добавила она.

— Почему ты идешь одна?

— На челноках не хватило места. То есть хва-

тило, но не всем. То есть… — Рина смутилась, не зная, как объяснить Голосу. Он же не Тим. Это тот ее с детства знает.

— Так что с местом?

Рина глубоко вздохнула и потерла нос. В Чаше все настолько привыкли друг к другу, что понимали с полуслова. Ей впервые приходилось так мучительно подбирать слова.

— На шаттле было около двухсот человек. Я точно не знаю. Посадка была аварийной, и лететь он больше не мог. Даже если бы и смог, сам понимаешь, без навигации…

Голос усмехнулся.

— Знакома с навигацией?

— Я не совсем тупая! — обиделась Рина. — У нас был учитель, Дон. Это он нарисовал карту лабиринта. Он единственный, кто смог вернуться из него. Правда, потом он пропал, а карта осталась. Тим и капитан ему тогда не поверили, а теперь я иду с этой картой. Смешно, да? Меня Тим заставил. Сказал, что это хоть какой-то шанс. А вообще мы всегда помогали взрослым, так и учились. Я с детства крутилась в госпитале с Тимом. Так что я даже могу делать операции. Недавно сама палец пришила Мике, и он прижился.

— Ты молодец, — серьезно произнес Голос и

добавил: — Я не хотел тебя обидеть. Мир?

— Мир, — ответила Рина, хотя ей все еще было немного обидно. Но жизнь в Чаше приучила ее прощать обиды быстро. — В общем, мы и не думали улетать. Но вулкан проснулся, и нам пришлось. Тянули жребий. В двух челноках — пятьдесят восемь мест. Те, кто слабые, как Ник без ноги или слепой Уве, жребий не тянули.

— Что за жребий?

— Челнока два, а пилот один — капитан. Дик, его сын, ни разу не летал. Те, кто летел с Диком… сам понимаешь. Неизвестно, долетели ли. Да и остальные… Приборы же не работают из-за магнитного поля. Но Дик сам взлетел, представляешь? — с гордостью поделилась Рина.

— Круто, — произнес Голос, впрочем, без энтузиазма, и тут же спросил: — А что насчет тебя?

— А я отдала место Лине. Она ждет ребенка, и ей плохо все время. Капитан решил ее не брать. Взять только тех, от кого польза.

— Почему же он оставил врача?

— Тим… он не согласился с тем, что летят только сильные. И остался. Он вот такой…

— Почему он позволил остаться тебе?

— Он не позволял. Я с ним попрощалась, потом отдала одежду Лине. Там такая суматоха была. Я

показалась Тиму, только когда челноки улетели.

Голос тяжело вздохнул и что-то пробормотал. Рина не решилась переспросить. От воспоминаний о Чаше в носу защипало, и она поспешно спросила:

— Мне идти еще километров пятнадцать, да?

— Двенадцать, — после паузы откликнулся Голос. — Если быть точным, двенадцать километров и сто два метра.

— Да откуда у тебя такая точность? — воскликнула Рина.

— Подними голову и помаши ручкой, — откликнулся Голос.

— Ты видишь Чашу? Можешь посмотреть, как Тим? — попросила Рина.

— Чашу не вижу. Я подключился к тебе сразу, как засек. Все, что позади тебя, для меня белое пятно.

— Большое?

— Около ста двадцати километров.

— Выходит, и горы не видишь? Я надеялась, что с высоты видно, насколько близко лава поднялась по жерлу.

Некоторое время Голос молчал, Рина слышала лишь его негромкое дыхание.

— Меня Рина зовут, — пробормотала она за-

чем-то.

— Привет, Рина, — тут же отозвался Голос и не представился в ответ. Рина снова невольно обиделась.

Идти стало труднее. Дорога незаметно, но неумолимо поднималась в гору.

— У нас это называют лабиринтом, — через двадцать минут тишины произнесла запыхавшаяся Рина, — а дорога прямая!

— Ты так говоришь, будто я виноват в вашем ошибочном представлении.

— Виноват, — все еще не отойдя от обиды, буркнула она. — Не могли вы в своем сытом Забрежье изобрести приборы, которые боролись бы с аномалиями?

Голос осторожно произнес:

— Это не так просто, Рина. Z-8 не любит чужаков.

Она старается уничтожить нас и пока побеждает.

Но мы справимся.

Справятся они! Какой толк от этого Тиму?

В наушнике снова раздался скрип, и Рина закусила губу. Ей вдруг стало невыносимо стыдно за то, что она накинулась на человека, пытающегося ей помочь. Впрочем, если быть до конца

честной, дело было в протезах.

— Прости. Ты не виноват, — проговорила она.

— Забудь, — тут же откликнулся Голос, и на заднем фоне что-то зашипело.

— Что у тебя шипит?

— Энергетик.

— А почему шипит?

Голос несколько секунд озадаченно молчал, а потом спросил:

— Ты не видела металлических банок?

— Видела, конечно! — возмутилась Рина.

— В которых напитки под давлением?

— Таких нет, — нехотя призналась она. — Нам не на чем было их изготавливать, знаешь ли.

— Понятно. Доберешься до Забрежья — угощу.

Он говорил так, будто у нее был шанс дойти до Забрежья и, кажется, не сердился. Рина вдруг поймала себя на мысли, что очень не хочет, чтобы он на нее сердился.

— Ты бывал в лабиринте? — спросила она, чтобы как-то поддержать разговор.

— В молодости.

— А сейчас у тебя не молодость? — рассмеялась она.

— Сейчас тоже молодость, но в ущелье я больше не хожу.

Рина прикусила язык, осознав, что едва не спросила почему. Куда уж ему теперь ходить?

— Давно у тебя… ну, протезы?

Голос некоторое время молчал, и Рину накрыла очередная волна стыда. Ну, кто ее за язык тянул?

— У меня стул скрипит, подкрутить нужно.

Сперва Рина не сообразила, что это значит, а когда до нее дошло, она медленно спросила:

— Так у тебя нет протезов?

— Не-а. Я пошутил.

— Ты идиот? — почти спокойно спросила она, разом забыв о неловкости.

— Слушай, ты была такая напряженная, что я решил разрядить обстановку. Ну, признайся, что, услышав про протезы, ты позабыла часть своих горестей, а заодно прониклась ко мне сочувствием.

— Вот теперь я точно доберусь до Забрежья и придушу тебя! — прошипела она, понимая, что впервые в жизни задыхается от ярости.

Голос весело расхохотался.

— Придурок! — крикнула Рина, задрав голову. Больше за весь этот день она не произнесла ни слова. Голос тоже молчал. Она слышала, как у него скрипит чертов стул, шипит очередной энергетик (и как еще сердце выдерживает?), иногда он

кашлял и чем-то шуршал. Рина демонстративно молчала. Она была слишком зла.

Устраиваясь на ночлег, она поймала себя на мысли, что большую часть пути вовсе не думала ни о Тиме, ни о тварях. Вместо этого бесилась из-за дурацкой шутки и упрямо шла вперед без остановок. За это и поплатилась. Разувшись и оглядев ступню, Рина поняла, что натерла левую ногу. Наскоро обработав мозоль, она впихнула в себя лепешку и небольшой кусок вяленого мяса, запила водой и наконец легла, размышляя о том, что завт ра вряд ли сможет встать, а уж тем более идти. — Эй,– сердито позвала она, — сколько мне еще идти?

— Шесть километров, — тут же послышалось в наушнике.

Рина вздохнула и попыталась устроиться поудобнее. Ноги гудели от усталости, в горле першило, жесткий камень, кажется, впивался в тело каждым своим сантиметром. Рина вдруг подумала: может, она слишком бурно отреагировала на шутку? Ну и что, что до этого над ней особо не шутили? Это же было в Чаше. Там шутник мог и головы лишиться. Рина набралась храбрости и позвала:

— Эй.

— М?

— Ты будешь спать?

В наушнике раздался смешок:

— Я буду охранять твой сон.

Рина невольно улыбнулась, а потом посмотрела в затянутое тучами небо. Здесь тоже не было видно Луны.

— Темно, шорохи, — прошептала Рина.

— Это мелкие грызуны, они безобидные. Я буду тебя охранять, обещаю.

Рина снова улыбнулась и поняла, что желание убить его за дурацкую шутку поутихло. Его негромкое дыхание в наушнике успокаивало. Это было почти как с Тимом.

— Хватит сопеть, спи! — строго произнес Голос и вдруг, кашлянув, добавил: — Прости за шутку. Это было глупо. Хочешь колыбельную?

И, не дожидаясь ее ответа, негромко запел.

Он определенно не умел петь, но у него был потрясающий голос: низкий, глубокий и очень уютный. Днем она не обращала на это внимания, а вот теперь заслушалась. Убаюканная тихой песней, Рина успела подумать, как было бы здорово его увидеть.

Следующее утро показало, что ее вечерние опасения не были беспочвенными. Мозоль воспа-

лилась. Она не стала жаловаться Голосу. Сцепив зубы, обрабатывала ногу, пока Голос, бодрый до невозможности, рассказывал ей о красотах Забрежья. На завтрак сил у нее не осталось.

Первую половину дня они провели в молчании. Голос изредка скрипел стулом, чем-то стучал, шелестел и вновь шипел энергетиком. Рина не стала уточнять, которым по счету, потому что была не в том состоянии, чтобы беспокоиться о чужом здоровье.

К полудню Голос вдруг произнес:

— Нога совсем паршиво?

Рина вздрогнула от неожиданности, потому что уже успела дойти до той стадии отупения, когда не понимаешь, где ты и что происходит.

— Как ты узнал? — спросила она.

— Подними голову и помаши ручкой, — на автомате отшутился Голос и добавил: — Еще четыре километра. Правда, круто вверх. Дойдешь?

Рина отчетливо услышала в вопросе опасение. Она пожала плечами, осознав, что даже это мизерное действие потребовало колоссальных усилий.

— Думаю, нет.

— Меняем план! — бодро произнес Голос. — Сейчас обед. Потом отдых. Сегодня ты пройдешь

всего два километра, а оставшиеся два утром.

— Я вообще ни шагу не смогу, — честно сказала Рина.

Но впихнув в себя черствую лепешку, она все же поддалась уговорам Голоса и встала.

Те два километра Рина прошла в мутном мареве. Каждый шаг отдавался пульсацией в ноге, уши заложило, нестерпимо хотелось лечь на раскаленные камни, свернуться клубком и больше никогда не вставать, но Голос в наушнике не давал этого сделать. Он уговаривал, ругался и снова уговаривал. Он бесил, умилял и был просто невыносимым. И каким-то образом Рина делала шаг за шагом.

Ближе к вечеру она все-таки преодолела злосчастные два километра. Даже чуть больше — он снова схитрил, хотя обещал, что отмерит ровно два.

На последнем привале Рина вновь обработала ногу, выпила воды и, опершись спиной о прогретый камень, закрыла глаза. Чуть меньше двух километров. Казалось бы, ерунда, но Рина понимала, что эту дистанцию ей не преодолеть. Она смирилась с неизбежным, только сожалела о том, что подвела Голос. Он в нее верил. Рина вдруг подумала, что за всю ее жизнь никто не говорил

с ней столько, сколько этот человек. Сколько сил он потратил на нее за последние сутки!

— Голос, — позвала она.

— М? — привычно откликнулся наушник.

— Ты классный, — в своем нормальном состоянии она бы никогда не сказала подобного незнакомому мужчине. Даже знакомому бы не сказала. Но этот человек был для нее целым миром сейчас, и ей даже не было стыдно. — Ты столько для меня сделал.

— Та-ак, — протянул Голос. — Ты чего?

— Будем реалистами, — предложила Рина. — Я не пройду еще два километра.

— Полтора.

— Ты говорил, я прошла чуть больше двух, а два с половиной — это сильно больше, учитывая дорогу! — возмутилась она.

— Ты все сможешь, Рина, поверь, — серьезно произнес Голос. — К тому же… Что-то щелкнуло, и в наушнике наступила тишина.

— Эй! Голос! — в панике позвала Рина.

Наушник молчал. Что могло случиться в их беззаботном Забрежье, что спутник вдруг потерял связь? Рина сняла наушник и проверила индикатор зарядки. Заряд еще был. Рина достала резервную гарнитуру, громоздкую и старомод-

ную. Та предсказуемо не работала. В итоге Рина решила оставить обе, собралась с силами, встала и медленно побрела вперед. Они не обсудили с Голосом место для ночевки. Они ничего не обсудили, потому что она вдруг решила сдаться, и он вынужден был ее уговаривать, как ребенка. И что теперь?

Солнце уже клонилось к закату. Еще полчаса, и в ущелье окончательно стемнеет. Рина делала шаг за шагом, твердо решив добраться до Забрежья, чтобы посмотреть в глаза Голосу и спросить, почему он ее бросил. Умом она понимала, что он вряд ли отключился специально, но упорно цеплялась за свою обиду, потому что мысль о том, что с ним что-то могло случиться, заставляла внутренности скручиваться узлом.

Спустя некоторое время Рина растерянно остановилась, потому что ущелье вновь раздваивалось. Ей уже попадались ответвления, но тогда она едва обращала на них внимание, ведь Голос говорил, куда идти. Сейчас выбрать предстояло самой, и от выбора напрямую зависела ее жизнь: сил на то, чтобы вернуться и пойти другим путем, у нее уже не будет.

Солнце наполовину скрылось за горой, а она все не могла решить, наивно ожидая, что случит-

ся чудо: ее наушник оживет. Наушник молчал, но чудо все же случилось. Откуда-то справа раздалось:

— Рина? Девочка!

Рина вздрогнула и резко повернулась в ту сторону. Ногу прострелила острая боль, но она даже не обратила на нее внимания.

— Дон?! — изумленно воскликнула Рина.

Дон, ее старый учитель, нарисовавший карту, давший ей шанс выжить… Дон, которому не верили в Чаше, торопливо шел в ее сторону. Значит, в Забрежье нужно было повернуть направо!

— Откуда вы здесь?

— Девочка! — Дон сгреб ее в объятия и прижал к себе изо всех сил. — Ты еле на ногах стоишь.

Он больше не носил бороду и от него незнакомо пахло, но это был все тот же Дон с негромким голосом и доброй улыбкой, и Рина, не выдержав, разрыдалась.

Дон помог ей добраться до большого валуна, участливо сжал ее плечо и молчал все время, пока она, давясь слезами, рассказывала про вулкан, челноки и Тима, оставшегося в Чаше. Рина понимала, что Дон ничем им не поможет, но, наверное, хотела услышать слова поддержки и хоть частично снять с души груз вины за то, что

все же ушла, оставив их там умирать.

— Тим поступил правильно. Ты еще так молода, у тебя вся жизнь впереди. Ну, все, все. Все хорошо теперь будет. Ты и жизни-то пока не видела. Только нас, стариков.

Дон улыбнулся, и Рина невольно усмехнулась в ответ. Она вправду ничего еще не видела. Вон даже знакомиться не умела. Мысли сами собой вернулись к Голосу, и Рина потянулась к гарнитуре, но Дон ее опередил. Осторожно вынул старомодную гарнитуру, поднес к уху, поцокал языком. — Сигнала нет, — озвучил Дон, убирая гарнитуру в свой карман. — Да он тебе и не нужен больше. — Связь с Тимом оборвалась, а потом на моей частоте появился… — Рина запнулась под внимательным взглядом Дона и поняла, что так и не узнала имени Голоса, — кто-то из Забрежья.

Дон что-то прошептал, возведя глаза к быстро темнеющему небу.

— Переночуем здесь. Потемну идти опасно, — объявил он.

Рина заметила, что радость от встречи на лице Дона уступила место беспокойству.

— Что не так? — напрямик спросила она.

— Ты даже представить не можешь, какой участи избежала, — Дон сжал карман с ее гарни-

турой, будто хотел заглушить сигнал, которого и так не было.

— Вы о чем?

— Об этом ублюдке. Если бы я хоть раз добрался до него… — Лицо Дона исказила гримаса ненависти.

Дон, ее старый учитель, никогда не позволял себе дурных слов ни в чей адрес… Огорошенная Рина потянулась было вынуть настоящий наушник, но, вспомнив смех Голоса, просто заправила волосы за ухо. Она должна разобраться.

— Кто он?

— Он подхватывает частоту тех, кто идет сквозь лабиринт. Здесь много дорог, как ты заметила. Обещает отвести в Забрежье. Он лихо втирается в доверие, да и много ли надо человеку, потерявшему надежду? Мужчин ведет в пасть к тварям. Дальше по прямой — логово этих бестий. Мы месяц назад потеряли пятерых, когда пытались перехватить паренька из Кады. Иногда он ведет их к обрыву или в пещеру. Говорит, что там есть выход. Женщин уводит к себе. За последние два года ты первая, кого удалось отрубить от его сигнала.

— Куда уводит? — сглотнув, спросила Рина, чувствуя тупую боль в груди.

— Не знаю, девочка. Он чертов гений и гасит все сигналы, кроме своего и своей добычи. Мы чудом прорвались. Я вас слышал. Только не узнал твой голос.

Рина вдруг поняла, что многое бы отдала, чтобы отмотать время назад до момента обрыва связи с Тимом. Лучше бы она свернула к тварям.

Дон, кажется, понимал ее чувства, потому что щелкнул ее по носу совсем как в детстве и ободряюще улыбнулся:

— Отдыхай. Все обошлось.

Рина послушно опустилась на камень, устроив голову на рюкзаке и чувствуя себя полностью разбитой. Ей очень хотелось вытащить проклятый наушник, но даже на это сил не осталось. В отупевшем от усталости и шока мозгу крутился один вопрос: «За что?»

Дон что-то рассказывал ей о красотах Забрежья, о море и фонтанах, обещал, что завтра в километре отсюда их будет ждать транспорт, Рина же думала о Голосе, и в груди ее тупо ныло.

С Доном кто-то связался по старомодной рации, и тут ее наушник ожил. Рину подбросило на камне, когда Голос, на этот раз звучавший сквозь помехи, скороговоркой выдал:

— Не показывай, что я на связи, Рина! Он не из

Забрежья. Он пришел с рудников. Их компьютерщик гребаный гений. Ломает любую нашу защиту. Через двенадцать минут стемнеет. Если он будет давать еду или питье, отказывайся.

Рина, застывшая полусидя на камне, невольно покосилась на флягу, которую Дон, не прерывая разговора, положил рядом с ней. Она вздохнула, невольно всхлипнув, и Дон тут же оглянулся, вопросительно приподняв бровь.

— Рина, не глупи! — произнес Голос.

Рина зажмурилась, молясь про себя, чтобы это закончилось. Кому верить: Дону, которого она знала всю жизнь, или Голосу, появившемуся сутки назад?

— Рина, поверь мне!

— Нога болит, — непослушными губами произнесла она, и Дон сочувственно покачал головой, а потом улыбнулся. Так привычно…

— Хорошая новость. Парни смогут подогнать транспорт сейчас. Я их встречу. У тебя свет есть?

Рина заторможенно кивнула.

— Включи. Мы вернемся с носилками.

Дон подошел и потрепал Рину по спутавшимся волосам:

— Держись.

Насвистывая, он направился по той же дороге,

по которой пришел, и быстро скрылся в темноте.

— Рина, ты умничка! Сейчас слушай внимательно. Включи фонарь, положи его на камень и направь туда, куда он ушел, а сама иди по другой дороге. Рина молчала.

— Рина, детка, у нас нет времени! Ты еще не поняла? Они перехватывают сигнал и уводят людей в рудники. Тебя продадут. Ты станешь трофеем охраны, а потом сгниешь заживо, добывая цирконий. Рина, я умоляю тебя, встань. Слышишь?

Рина с трудом встала и охнула, наступив на ногу.

— Ненавижу тебя, — прошептала она. — Я все равно не смогу пройти полтора километра.

— Всего девятьсот двадцать метров.

Рина заковыляла в темноте, всхлипывая от боли и обиды.

— Ненавижу тебя, — рефреном повторяла она, чувствуя, что предает Дона так же, как предала Тима.

— Ненавидь, хорошая моя, что хочешь делай, только иди.

— Я не вижу ничего! — Ее фонарь остался на камне.

— Не бойся. Я вижу. Дорога прямая и ровная. Просто иди. Вокруг никого.

— Там логово тварей, да? — Рину мутило от боли и страха. Она боялась, что поставила не на того человека в этой гонке за жизнь.

— Забрежье, конечно, можно и так назвать, но, боюсь, мой брат обидится.

— Брат?

— Он капитан Забрежья. Ты его увидишь. Он… Голос вдруг запнулся и после паузы произнес очень спокойно: — Рина, беги.

— Что?

— Рина, они возвращаются. Беги!

Рина глубоко вдохнула, уже понимая, что сделает так, как он говорит. Кажется, за эти бесконечные девятьсот метров она вспомнила все ругательства, которые когда-либо слышала. Боль в ноге была такой острой, что от каждого шага заходилось сердце.

Вдруг сзади послышались крики, и темноту прорезали далекие лучи фонарей. Раздался выстрел, справа зашуршало. Рина пока еще не понимала, что Дон, которого она знала с детства, сейчас пытается ее убить. В эту минуту она думала лишь о том, что Голос не соврал. И это давало сил бежать вперед.

Неожиданно ей в лицо ударил яркий свет, голоса позади тут же смолкли. Ослепленная Рина не

видела выбежавшего навстречу мужчину, лишь почувствовала, как кто-то схватил ее за плечи. Рина в панике попыталась было вырваться, но услышала голос, с трудом различимый за шумом крови в ушах:

— Все! Ты в безопасности, Рина. Ты добралась. Мак свой. Мак, не потеряй!

— Так точно, — весело отрапортовал здоровяк Мак, подхватив ее на руки. Рина поняла, что он настроен на их с Голосом частоту.

Услышав в наушнике привычное Рине шипение энергетика, Мак посуровел:

— Хватит травиться! Она уже у нас.

— До встречи, Рина, — отозвался наушник, и Рина обессиленно закрыла глаза.

Первое, что она увидела, очнувшись в госпитале, — прозрачную трубку капельницы с мутно-белой жидкостью, а потом сфокусировала взгляд на человеке, стоявшем у кровати. На вид ему было около сорока. Темные волосы, темные глаза. Его внешность была вполне обычной, вот только взглядом и осанкой он напомнил Рине капитана Чаши. Поверх темной рубашки и брюк на мужчине был прозрачный халат.

— Добро пожаловать в Забрежье! — с улыбкой произнес он.

Сердце Рины екнуло. Наушник искажал. Вживую его голос звучал еще лучше.

— Голос, — прошептала Рина, и ее губы сами собой расплылись в ответной улыбке.

— Голос? — Мужчина приподнял бровь, и сердце Рины екнуло снова, но на этот раз от ужаса: на секунду даже пришла нелепая мысль, что последние три дня ей привиделись.

— Голос — это я, — вдруг раздалось из-за спины мужчины, и в палату вошел еще один человек, в футболке и камуфляжных брюках, без халата. Он был очень похож на первого, но если тот выглядел представительно, то этот…

— Ты бы хоть побрился, — с досадой проговорил первый и усмехнулся: — …Голос. Хотя, лучше не надо. После стольких-то энергетиков.

Мужчина выразительно посмотрел на руки Голоса, и тот быстро засунул их в карманы, не сводя взгляда с Рины.

— Это Рон. Капитан Забрежья, — произнес Голос и неловко повел плечами.

Рина с трудом кивнула, тоже неотрывно глядя на Голос. Тот был бледным, с темными кругами под глазами, и капитан Забрежья был прав — его брату не мешало бы побриться.

— Рина, — начал капитан, и она с усилием

оторвалась от разглядывания Голоса. Ей иррационально казалось, что стоит отвернуться, и он исчезнет. — Мы изъяли твою карту. Остальное получишь, когда пройдет карантин. Ты из места, о котором мы ничего не знаем. Сама понимаешь.

Рина кивнула.

— Сейчас отдыхай, ты все равно под успокоительным. Завтра составишь карту Чаши и список тех, кто остался, с описанием их состояния.

— Вы хотите… — робко начала Рина.

— Скажем так, — перебил капитан, — мы посмотрим, что можно сделать, но я ничего не обещаю.

При этом он посмотрел на брата так, словно ожидал возражений.

Возражений не последовало. Капитан, ободряюще улыбнувшись Рине, снял с себя халат, набросил его на плечи Голосу, что-то ему прошептал и вышел, аккуратно прикрыв дверь.

Наступила тишина. Рина разглядывала Голос, думая о том, что он еще лучше, чем она могла бы вообразить. И дело было совсем не во внешности. Просто он сейчас смотрел на нее так, что ее душа уходила в пятки, а в голову лезли мысли о том, что она выглядит нелепо в светло-серой пижаме и что от нее ощутимо пахнет дезинфекцией.

— Привет, — наконец произнес Голос. — Я тот классный парень, который пел тебе песенку.

Он неловко улыбнулся и провел рукой по ежику волос. Рука заметно дрожала.

— Тремор от энергетика. Я не всегда такой, — словно оправдываясь, произнес Голос.

— Привет, — смущенно улыбнулась Рина. — Ты зачем последний-то пил?

На лице Голоса появилось страдальческое выражение:

— Меня уже заставили написать пять отчетов о нарушениях. Можно, я просто скажу, что хотел быть уверенным, что ты добралась нормально? — Пять отчетов из-за энергетика? — округлила глаза Рина, стараясь унять колотящееся сердце. Неужели кто-то, кроме Тима, мог сделать подобное ради нее?

— После шести часов я был обязан сдать смену, а я не сдал. И использовал личный сервер капитана, когда работорговцы меня отрубили. Большая часть отчетов из-за этого.

Рина сглотнула, вспомнив о Доне:

— Значит, из лабиринта есть выход, а все, кого перехватывал Дон, попадали в рудники? Потому он указал на карте лишь часть пути в Забрежье, до места, где их… встречали?

Голос зябко поежился, отчего халат соскользнул на белый пол, но он не стал его поднимать.

— Как он мог? — прошептала Рина.

— Это большие деньги, Рина. Мне жаль, — ответил Голос, отводя взгляд.

Наступила тишина. Голос вглядывался в темный прямоугольник окна рядом с изголовьем ее кровати. Рина же смотрела на него и думала о том, что, наверное, все-таки влюбилась, только не могла понять когда. Когда он впервые взбесил ее дурацкой шуткой? Когда извинился? Когда пел ей колыбельную? Или же когда не бросил после потери связи?

— Почему ты не сдал смену? — еле слышно спросила она.

Голос вздрогнул, словно забыл о ее присутствии, и перевел на нее напряженный взгляд. Некоторое время он молча рассматривал Рину, отчего ее сердце, казалось, проломит ребра.

— Я не смог, — негромко ответил Голос.

Рина посмотрела на свои пальцы, нервно теребившие простынь, и, отчаянно краснея, спросила:

— Был сражен моей красотой?

Голос усмехнулся и смущенно кашлянул. Сердце Рины сделало кульбит.

— Ты себе хоть представляешь картинку со спутника?

— Тогда почему?

Голос длинно выдохнул и произнес:

— Часов через семь меня вырубит. Еще через сутки я проснусь во вменяемом состоянии. Можно, я отвечу послезавтра?

Рина кивнула, не поднимая головы, и подумала, что ответ не так уж и важен.

Лидия Королёва
Дитя Вечности

Мой любимый мужчина пришел холодным зимним вечером. Он выглядел худее, заметно постарел за этот месяц и уже не казался великаном. Тихий и молчаливый, он присел рядом, положив свою ладонь на мою. Внутри же меня все трепетало, и я ждала, что вот-вот он расскажет, где побывал за эти долгие дни, что увидел вдали от меня. Мечтала о том, что родной голос

с хриплыми нотками вновь и вновь перескажет мне историю о влюбленных, так похожих на нас, но со счастливым концом. Но мой мужчина молчал. Когда же ночь вползла в комнату, он зажег лампу на столе, согрел воду и стал мыть меня. Я от рождения нема и недвижима: моя оболочка с плавными линиями не подчиняется мне. Я не могу повернуть голову или поднять руку. Но природа наградила меня прекрасным слухом и острым зрением: я слушала дыхание любимого, склонившегося надо мной, треск поленьев в плите, слабое гудение стекол в рамах окна. Я различала даже скрип снега под ногами прохожих за стенами мастерской.

Он был не молод, мой мастер. Печальное лицо разрезали глубокие морщины, исходящие лучами от глаз, а губы, сжатые в трагичной стариковской усмешке, прятались в белых клочках усов и бороды. Мое юное тело изгибалось перед ним, а душа сжималась в осознании того, что эта красота не сможет удержать и пленить любимого человека надолго, на тот срок, что нужен мне.

Я знала: мое время — вечность.

Теплая вода и мягкое мочало приятно касались тела. Руки мужчины скользили по моей груди, бедрам и животу, плавно обводя их. Из-под полу-

опущенных век я наблюдала за сменой эмоций на заострившемся лице мастера и вдруг осознала, что он готовит меня к чему-то очень важному. Понимала и млела в неге оцепенения, ловя каждую секунду близости, но не имея возможности ни задержать его руку, ни ответить на ласку касаний.

Потом мой мастер медленно и нежно обтер меня пушистым полотенцем, повторив уже пройденный губкой путь.

Трепетно промокнув мое лицо тканью, шершавые пальцы коснулись моего подбородка, и я захотела зажмуриться: наконец-то случился поцелуй!

Быстрый поцелуй, стремительный, как вспышка падающей звезды!

Пылающая щека мастера прижалась к моей, и я ощутила, что великан не сдержал слез. Капля горечи этой последней, как я все острее предчувствовала, встречи наедине. Он рассматривал меня долго и задумчиво. В его немигающем взгляде я уловила восхищение и какую-то грустную нежность, скорее отеческую, чем нежность влюбленного мужчины. И игла ревности обжигающей болью кольнула мое сердце.

Бережно укрыв меня покрывалом, мой мужчина подошел к окну и раздвинул тяжелые шторы.

Утро уже прокралось в город, разбавляя серые краски нежным розовым светом. Теперь мастер рассматривал улицу, но вся его фигура выдавала напряжение. Он ждал кого-то или чего-то. До меня донесся дурманящий запах табака, тлеющего в трубке. Курить в моем присутствии мастер позволял себе крайне редко. И с уплотнением синеватой дымки в помещении я понимала, что вот-вот наша жизнь изменится бесповоротно. Докурив и впустив в открытое окно морозный воздух, он вновь вернулся ко мне и наконец-то заговорил, но непривычным и скрипучим полушепотом, в котором я с трудом узнала родные нотки:

— Девочка моя! Пришло время тебе спасти меня от позора, а мою семью от долгов и голодной смерти. Ты — идеальна! Все что я мог, я отдал тебе, все — на что был способен… Ты моя отрада, мечта и любовь… последняя моя любовь. Я знаю, ты все запомнишь, и, когда-нибудь, я верю, расскажешь обо мне больше и правдивее всех остальных. Дитя, твое время — вечность!

Еще один мимолетный поцелуй (последний!) и меня с головой накрыла темнотой тяжелая, плотная простыня.

За дверью послышались торопливые шаги, к

мастерской приближалось множество ног.

Мое сердце похолодело — это вестники разлуки, предчувствие не обмануло меня.

Стук отодвигающегося затвора — и к темноте прибавилась тишина. Обволакивающая, вязкая тишина. Я не видела их, не слышала, но ощущала — их много. Они стояли там, за простынею, замерев в ожидании.

Через секунду мой покров сдернула уверенная и недобрая рука. Со всех сторон меня ослепили яркие вспышки… В обрушившейся лавине возгласов и звуков я различала обрывки фраз:

— Невероятно…

— Божественно!

— Мастерство вернулось к гению!

Человеческая толпа все прибывала и прибывала. В какой-то миг множество рук схватили мое неизменное ложе. Непреодолимая сила водрузила меня на внезапно появившейся из воздуха помост с колесами. Мое тело еще туже обернули простынями и брезентом. Стены и потолок мастерской дрогнули и стали отдаляться. Меня, перевязанную веревками, повезли прочь.

Я неистово призывала Афродиту, единственную богиню, которая могла сравниться с моим богом! Молила ее вдохнуть в меня жизнь, так же

как в Галатею, из той самой истории со счастливым концом…

Я плакала невидимыми слезами и звала, но Афродита не являлась. Будучи частью скалы и свидетельницей рождения этого мира, я не знала любви и страстей. Но теперь многие тысячи прошедших лет слились в моей памяти лишь в краткий миг ожидания встречи с этим необыкновенным человеком.

Ветер, мой вековой друг, тут же поспешил навеять образы того далекого дня…

Берег моря, пустынная набережная, и лишь две фигурки едва различимы вдалеке. Высокий черноволосый юноша и хрупкая девушка рассматривают огромный валун у самой кромки воды. Хриплый голос молодого человека срывается на ветру, но я улавливаю и запоминаю каждое слово:

— Смотрите, мисс, я вижу сквозь толщу материй! Вот в этом куске превосходного *мрамора* спит девушка, и когда-нибудь я ее освобожу!

Его спутница переводит восхищенный взгляд с большого камня на своего друга и обратно. Я запомнила черты девушки — это было мое будущее лицо.

Теперь мастер стар, но я гораздо старше его.

Нас разлучили, но не лишили воспоминаний и снов.

Он исчезнет, а я останусь памятью о нем.

Любовь обрела форму.

И время ее — вечность!

Любовь Баринова
Майя и Матисс

15 августа

Двери разъезжаются, и босые ноги Майи ступают на грязный ковролин. Нежные ступни чувствуют, как намокают, копошатся в синтетическом полотне миллионы микробов. Идти по нему все равно, что передвигаться по шевелящимся гусеницам. Турникет отражает растянутые джинсы Майи и застиранную футболку вроде тех, что жена насторожившегося

охранника использует для мытья пола. Майя подносит карточку к турникету, и у охранника на мониторе отображается фотография ухоженной блондинки-толстухи средних лет. Сопровождающая надпись ему сообщает, что это каллиграф «Первой арт-студии „Феникс“» Ивушкина Майя Вениаминовна. Для верности охранник высовывает голову в окошко и сверлит взглядом Майю. Новенький. Иначе бы помнил прошлые разы.

Майя поднимается на третий этаж, еще раз прикладывает карточку, толкает матовую, будто окутанную плотным туманом дверь. Алина, секретарь, брюнетка двадцати четырех лет, уже открывает рот, чтобы дать отпор бродяжке, но тут признает Майю. «Привет, Майя», — говорит она озадаченно.

Майя проходит в туалет. Включает воду, набирает в ладони и жадно пьет. У воды привкус металла. Ничего, просто не привыкла еще. По очереди закидывает ноги в пахнущую хлоркой раковину. Гудящие ступни успокаиваются, когда холодная вода обрушивается на них. Выдавив жидкого мыла из флакона, Майя тщательно отмывает грязь и пыль, потом вытирает ноги бумажными полотенцами. От нежного аромата зеленого яблока, который распространяет мыло,

голодный желудок сжимается. Обычно завтрак Майи плотный и вкусный. Яичница, блинчики или каша. Кофе. Апельсин или банан. Она любит хорошо покушать.

Майя принимается за руки и лицо. Смотрит в зеркало: без крема и пудры кожа бледная, вялая, светло-серые глаза без туши и теней бесцветны и прозрачны. Волосы растрепались и перепутались. Майя проводит по ним рукой. Вопросы, вопросы, опять придется отвечать на глупые вопросы. Точнее — не отвечать.

Когда Майя поворачивает винт крана, ослабляя напор воды, до нее доносится разговор:

— Ну, пройдет, в прошлый раз же прошло.

Это Тёма, тридцатипятилетний дизайнер и три недели как собственник студии — получил-таки от старухи в наследство. Тёма все никак не войдет в роль руководителя, даже сидит на прежнем месте, хотя старухин кабинет ждет его не дождется.

— Нет, ну я все понимаю, — говорит Алина. — Решила похудеть. Понятно. То есть, конечно, не понятно, зачем столько жрать, а потом изводить себя. Но в принципе — понятно. А вот к чему босиком ходить? Грязь приносить? — Алина возмущена, она по сто раз на дню протирает стол, клавиатуру, изогнутые в странную геометриче-

скую фигуру ручки на дверях. — Не краситься? Не причесываться? Пить сырую воду из-под крана? Не разговаривать? А?

— Не кипятись.

— А вдруг она на нас с ножом кинется?

— В прошлые разы…

— Ну, так то в прошлые разы, а в этот еще неизвестно, как все обернется.

Майя вытирает лицо и руки бумажным полотенцем, выключает воду. Разговор сразу прерывается.

Тёма уже опустил жалюзи. При слепящем августовском свете работать невозможно. Майя садится на рабочее место, включает настольную лампу. Руки, как малыши к маме, радостно тянутся к коробке с перьями. Остроконечные, ширококонечные. Майя проводит по их остриям пальцем. Открутив крышку с туши, глядит в черную воронку баночки, вдыхает резкий терпкий запах. Желудок возмущенно урчит. В первый день справиться с голодом тяжелее всего. Майя берет чистый лист и выводит остроконечным пером — *Матисс*. Прежде чем приступить к работе, необходимо хорошенько размяться. Рука должна выводить буквы легко и точно, двигаться уверенно и непрерывно, выстреливать сразу в

десяточку. Теперь другим шрифтом: ***Матисс.*** Так зовут кота Майи. Ей кажется, что она слышит, как тот мяукает, жалуется в пустой квартире. Он тоже не получил сегодня завтрака, только напрасно мурлыкал и ходил кругами вокруг миски. Потерпи, Матисс. Еда лишает нас возможности почувствовать невидимые связи, которые соединяют в одну сцепку все происходящее в этом мире. Чтобы ощутить, потрогать эти нити, нужно, по крайней мере, освободить желудок. А уж чтобы направить их куда требуется…

В конце разминки Майя выводит имя кота русской вязью. Майя — специалист по русской вязи. Заказы на эту услугу приходят редко. Последний заказ Майя выполняла полтора года назад. Это были рукописные календари в подарок немецкой компании. Сейчас в работе у Майи комплект исторических документов для сериала о войне 1812 года: военные донесения, счета, любовные письма. А из текучки — стопка свадебных приглашений, карточек для гостей в ресторане. Окунув перо в тушь, она приступает к военному донесению: *«Донесеніе князя Кутузова императору Александру I. Всемилостивѣйшій Государь!…»*

Тёма возвращается из закутка, служащего кухней, с нарочитым стуком ставит на стол чашку

с горячим кофе. Их с Майей столы стоят рядом. Сегодня на Тёме рубашка в крупную сине-серую клетку. Тёма носит исключительно клетчатые рубашки. У него их уйма. Разных фасонов, расцветок, величины клеток. Теперь ему придется навсегда перейти на белые. Чтобы соответствовать новому статусу.

Умяв треугольный многослойный бутерброд, Тёма принимается за шоколад. Шелестит фольгой, бумагой, тщательно разламывает плитку. Тёма, как и Майя, любит покушать. Обычно они вдвоем то и дело перекусывают под неодобрительное фырканье Алины — у той на столе круглогодично стоит бутылка воды и зеленое яблоко — причем, похоже, что в роли натюрморта. Когда Майя работает, Тёма по-дружески кладет дольки шоколада или орешки ей в рот.

— Угощайся, — говорит он и в этот раз.

Майя отрицательно качает головой. Представь, говорит она себе, что это ненастоящая, инопланетная еда, которая никак к тебе не относится. Вроде как бензин или незамерзайка.

— У тебя все нормально, Май? — голубые глаза Тёмы глядят настороженно. — Может, чем-то помочь?

Цок, цок, цок — Алина тут как тут:

— Что у тебя случилось? Ты сама не своя.

Алина так взбудоражена, что забывает сделать привычный каскад действий: перво-наперво коснуться гладко зачесанных черных волос; затем стряхнуть невидимую пыль с груди, обтянутой сегодня лимонного цвета пиджаком, стряхнуть ту же враждебную пыль с лимонной юбки и только потом поднять на собеседника затейливо вырезанные темные глаза.

Майя отвечает жестом — дескать, не беспокойтесь, ребята, все нормально. Разумеется, это только их еще больше заводит. Ну что ж, значит, им тоже придется немного потерпеть.

«…донесъ Вашему Императорскому Величеству…»

Тёма кашляет:

— Вчерашний заказ, Май. Помнишь? Этикетка для десертного вина. Я кое-что набросал, не посмотришь одним глазком?

Мая поднимает на него умоляющий взгляд.

— Понял, — обиженно говорит он.

Помимо воли, Майя прислушивается к звукам. Шум проезжающих по Спиридоновке машин. Скрип кресел. Расстроенное чавканье Тёмы. Его вздохи, почесывание русой бородки, стриженого затылка. Когда Тёма нервничает, он все время

почесывается. Он привык обсуждать свои работы с Майей. Но сейчас Майе на *новое* нельзя тратить энергию. Это одно из правил. Дела можно только продолжать или завершать. По правде говоря, Теме, ставшему в одночасье весьма состоятельным человеком, и самому ни к чему этикетки десертных вин. «*..предлагалъ размѣну плѣнныхъ, въ которой ему отъ меня отказано…*» — выводит Майя.

В течение дня она встает лишь за тем, чтобы попить воды из-под крана.

Вечером, когда Майя идет домой пешком, ей кажется, что кишки внутри нее поскрипывают. Вечерний город благоухает едой. Хот-доги. Блины. Печеная картошка. Вареная кукуруза. Россыпи ягод в корзинках и коробках на фруктово-овощных развалах. Яблоки. Стоит только протянуть руку, и адова мука в животе закончится.

Поднимаясь по лестнице на седьмой этаж, Майя то и дело останавливается отдышаться. Год назад, кажется, такого сердцебиения не было. Руки после подъема по лестнице так дрожат, что с входной дверью приходится повозиться. Матисс мяучит от нетерпения, скребет когтями по двери с той стороны. Наконец ключ попадает в разъем.

Матисс радостно бросается к Майе, серый хвост

трубой распушен, глаза сверкают. Майя поднимает кота и прижимает к себе, ласково гладит между ушками. Смежив глаза от удовольствия, кот довольно мурчит. По виду Матисс — чистый сибиряк, хотя матерью его была невзрачная дворовая кошка. Матисс обнюхивает Майю, трется головой о подбородок, грудь. Сквозь кожу Майя чувствует, как тело кота вибрирует от мурчания.

Она отпускает кота, идет на кухню, наливает стакан воды и выходит на балкон. Делает глоток. Вот и первый день прошел. Матисс садится рядом на еще теплые плиты и требовательно поглядывает на нее, постукивает в нетерпении хвостом.

— Мы справимся, верно, Матисс? В этот раз у нас с тобой все получится.

Опытным путем Майя уяснила некоторые правила. Перво-наперво — никакой еды. Одна и та же одежда на все дни. Ходить только босиком и пешком. Стараться не разговаривать. Минимум слов, если только уж очень сильно понадобится. Все предметы в квартире должны оставаться там и в том положении, где и как оказались, когда начался отсчет, ими можно пользоваться, но нельзя перемещать навсегда. Еще одно правило — правило равновесия: ничего не должно исчезнуть из квартиры и у самой Майи, и ничего

нового не должно появиться. И речь здесь не только о вещах.

Перед сном Майя делает обход. Возвращает стакан на восьмой квадратик на столешнице. Крышка от пива, упавшая позавчера под стул, лежит там же, возле ножки. На спинке стула замерло небрежно брошенное синее полотенце. Майя прикасается к нему — все верно, три складки. Она касается серебряных щипчиков на столе, пересчитывает пустые скорлупки от грецких орехов, что лежат на блюдечке, — все девять на месте. Стол и стулья стеклянные, коту они не нравятся, и он никогда не запрыгивает на них. Потому-то Майя и заказала их. Про Матисса, про то, что правила распространяются и на него, она догадалась не так давно, всего-то три попытки назад.

16 августа

Тёма демонстративно молчит. Грохочет ножками стула, скрипит подошвами ботинок, скрежещет ложкой по дну чашки. Чешется не переставая — скребет по коже головы, шеи, рук с удвоенным усердием. Даже Алине не удается его разговорить. Поджав губы, Алина обиженно подтачивает пилкой ноготочки. В зависимости от

обстоятельств, Алина занимает то сторону Майи, то Тёмы. Сейчас же она вынуждена быть сама по себе, что ей, похоже, не по душе.

С каждым звуком, производимым Тёмой, иглы медленно продвигаются внутрь головы Майи, разрывая все, что встречается на пути. Остановить прорастание боли еще можно. Достаточно кусочка сахара или глотка сладкой воды.

Тёма придумывает новое мучение: нервно барабанит костяшками пальцев по столу. Каждый стук сотрясает содержимое головы. Там-там, тара- тара-там. Видимо, работа над этикеткой не задалась. Тёма до абсурда не уверен в себе. Пока Майя не посмотрит, не скажет своего мнения, он не может понять, хорошо получилось или нет.

Голова взрывается около трех. Тёма и Алина ушли обедать. Майя успевает убрать листы с работами, вцепиться в ручки кресла. Зрение гаснет, и арт-студия погружается во тьму. А вот и они — давние знакомцы — золотистые шестеренки с острыми зубчиками. Шестеренки крутятся сперва медленно, то в одну, то в другую сторону, затем их движения ускоряются. Чем быстрее они крутятся, тем невыносимее становится визг внутри головы. Иногда шестеренки промахиваются, не попадают друг другу между зубчиков, тогда

раздается оглушающий скрежет, и сорвавшиеся зубчики раздробляют мозг Майи. Снова и снова.

Спустя пару часов боль утихает, зрение возвращается — первая атака отбита. Следующая будет мощнее. Чем больше противник удостоверяется в серьезности намерений Майи, тем жестче реагирует. Сила, которой противостоит Майя, ревностно следит за существующим порядком в мире, и каждая попытка его изменить встречает яростный отпор. Никто, по мнению этой силы, не смеет выстраивать события в своей или чужой жизни, или влиять на их развитие. Двадцать три раза Майя пыталась это сделать, но каждый раз в результате проигрывала, хотя каждый раз, одерживая промежуточные победы, продвигалась все дальше, все ближе к цели.

Майя выучила все ходы противника, но тот каждый год выкидывает что-то новое, бьет с неожиданной стороны. За двадцать три года противник в свою очередь изучил Майю, ее слабые места, слепые пятна в ее обороне. Противник этот, эта сила — не мистическая, нет, и не религиозная. Судя по прошлым попыткам Майи, в ее основе — физика, о которой пока мало что известно. Рано или поздно умные ученые дадут ей название и исследуют…

В этот раз Майя должна постараться. Следующей попытки может и не быть, человеческая жизнь не вечна.

Тёма и Алина вернулись с обеда в хорошем настроении. Коалиция состоялась. Майя решает заняться приглашениями. С ними ее больная голова справится. *«Уважаемая Нина Александровна и Алексей Сергеевич! Пригашаем вас на торжество».*

17 августа

Утром кот подкарауливает Майю, накидывается на нее со злобным шипением и кусает за щиколотку. Тут же дает деру, мчится, отталкиваясь одновременно обеими задними лапами в серых пушистых штанишках, добегает до дивана и, затормозив, юркает под него за пару секунд до того, как мчащаяся за ним спросонья Майя успеет схватить поганца за хвост. Запрятался глубоко, к стене — видны только две зеленоватые фосфоресцирующие точки.

Кровь струйкой течет из ранки по ноге. Ничего, кроме воды, не должно попасть внутрь Майи. Она идет в душ, крутит кран в одну, другую сторону, однако из темного туннеля вырывается только шипящий змеиный вой. Воды нет. В квартире

темно, тревожно, заходит гроза. Струйка крови достигает ступни. Майя прижимает укус пальцем, затем вытирает, размазывает кровь по ноге. Не хватало только, чтобы кровь стекла на пол и Матисс слизал ее. Кот не вылезает даже тогда, когда Майя закрывает дверь.

Гроза начинается, едва Майя ступает на улицу. Пара мгновений, и дома скрываются во мраке и ливне. Молнии пускаются в адову пляску: когтями распарывают небо; урча, вытаскивают наружу розово-синие внутренности. Противник Майи разъярился и показывает клыки. Машины движутся по дороге еле-еле, с трудом высвечивая путь, прохожих не видать. Одежда облепила тело Майи мокрым тяжелым гипсом, выставив на всеобщее обозрение полные груди, ляжки и складки жира. Волосы намертво приклеились к голове. Майя, дрожа, набирает в ладошку дождя и пьет. Не столько ради утоления жажды, сколько для храбрости.

Можно, конечно, спрятаться под остановку или забежать в ближайший магазин. Но одно из правил, в действенности которого она не раз убеждалась, — не прятаться и не пережидать. Выйдет только хуже. *Это,* чем бы оно ни было, никогда не переходит предельной черты. То бишь

— бьет, бьет да не убьет. Конечно, наверняка утверждать это Майя не возьмется.

Она двигается на ощупь, продирается сквозь стену-завесу дождя, уворачивается от научившихся летать банок кока-колы, пачек сигарет, гнилой банановой кожуры. Трехмерное пространство схлопнулось в двухмерное, исчезла перспектива: на расстоянии вытянутой руки Майя не видит ничего. Она идет маленькими шажочками — если уж на пути возникнет препятствие, она, по крайней, не налетит на него со всего размаху. Босые ступни Майи кровоточат, они исколоты камнями и битым стеклом, но крови не видно — ее тут же уносят потоки воды.

Удар приходит сверху. Рекламный щит со свистом и последующим грохотом валится из белесо-серой мглы сантиметрах в десяти от Майи. Едва она переводит дыхание, как надломленный щитом сук тополя отрывается и обрушивается следом, хорошенько хлестнув и глубоко оцарапав ей щеку мокрой холодной веткой. И тут же молнии, одна за другой, бьют над головой Майи, словно лазерное оружие из фантастических фильмов. Вдохнув побольше воздуха и бормоча нечто напоминающее по ритму молитву, Майя делает несколько шагов вперед.

Вынырнувшая из двухмерного пространства машина раздвигается, принимает обычный вид, останавливается возле Майи. Открывается дверца, и парень перекрикивает дождь и ветер:

— Садитесь.

Она, дрожа, отрицательно качает головой. Парень выскакивает из машины и, накрывшись курткой, обхватывает Майю за плечо:

— Пойдемте, пойдемте, вы целы?

Еще одна ветка летит сверху торпедой на них, но парень успевает оттащить за собой Майю, и огромный сук с гулким разочарованием падает точно на место, где только что стояла Майя.

— Слыхали, что пишут в новостях?

— Нет, — резко прерывает Майя Тёму. — Ничего не хочу знать.

Услышав впервые за три дня ее голос, он от удивления замолкает.

— Ясно, — произносит он спустя полминуты. — Могла бы и не орать. И вообще, знаешь что — не сходить ли тебе к врачу?

Майя вопросительно-враждебно глядит на него. Он показывает рукой на ее щеку, глубоко поцарапанную веткой. Кожа вокруг царапины вспухла и покраснела. Майя поджимает губы. Ее *познабывает*. Одежду она отжала в туалете, что-

бы та не капала, но футболка и джинсы все равно сырые, неприятные. Чтобы не заболеть, Майя напилась горячей воды из-под крана и теперь ее подташнивает. Хотя, возможно, ее подташнивает не от воды, а от переживаний — Майя не знает, нарушила ли она правило, сев в машину парня, или это была ловушка наоборот. В последние попытки противник полюбил устраивать такие штуки — менять в процессе правила или делать для них исключения, которые тоже суть правила в определенных обстоятельствах.

— До тебя работала у нас тут одна, — Тёма постукивает бутербродом в упаковке по столу. — Знаешь, что она натворила?

— Тёма, нам запрещено об этом распространятся, — предупреждает Алина. На ней сегодня нежный персиковый костюм, по студии распространяется благоухающий запах новых духов. Даже яблоко сегодня на ее столе не зеленое, а красное.

Тёма, не отрывая от Майи злого взгляда, продолжает:

— Приглашения. Она подписывала приглашения на очень, — он тычет пальцем вверх, — очень важное мероприятие. А писала она — в обморок от восхищения можно было упасть. И быстро

так, легко. Тебе в этом плане до нее далеко. В русской вязи ты, Майя, конечно, несравненна, но кому она нужна, эта твоя русская вязь? Так вот тысяча карточек. Никто из нас не перепроверял их. Времени не было, да и работала она давно. А потом оказалось, что на нескольких приглашениях безупречным каллиграфическим почерком выведен отборный русский мат. Адресованный, разумеется. Фамилия, имя, отчество — все как полагается, строго по списку. Как только нас не повесили за это.

— Она так разминалась, — поясняет Алина, грациозно приближаясь к столу Тёмы и демонстрируя новые туфли на высокой шпильке. Персиковый костюм сидит как влитой. Алина предпочитает одежду чистых цветов. Самое поразительное — все они, цвета, идут ей. Алина присаживается на край стола, наклоняется к Тёме. Их отношения явно продвинулись.

— Разминалась как ты перед работой, — продолжает Алина. — Ты имя художника пишешь, а она матюки выводила. Говорила, что это ей помогает вытерпеть слюнявые сюсюканья.

— Так что, Майя, — подхватывает Тёма, — если ты собираешься спятить, то предупреди нас, будь добра. А рот мне затыкать не надо. Не хочешь

слушать — не слушай.

— Так что там, Тёмочка, пишут в новостях? — Алина протягивает руку и поправляет ему ворот рубашки (сегодня — фиолетовой в синюю клетку). — Сегодня в Москве, — читает Тёма с экрана, — от грозы пострадали шестнадцать человек. Двое погибли под упавшими деревьями.

Рука Майи вздрагивает, и у *ер* в слове *другъ* появляется резкий зигзаг.

18 августа

Выходной. Закат. Вечерний город тает за окном. Противник взял тайм-аут, продумывает ход. Матисс уже не просит еды, только ласкается и громко мурлычет. Поразительно, как много лишней еды потребляют люди и домашние животные. Джинсы и майка на Майе уже висят, жирные складки понемногу вползают обратно в тело.

19 августа

По пути на работу Майя наблюдает, как голубь с распушенным хвостом крутится возле голубки.

Он явно не владеет собой, старательно выполняет составленную кем-то и когда-то программу

продолжения рода. Голубка ухажера отвергает, и хвост голубя возвращается в обычное состояние.

Придя на работу и увидев хихикающих у чайника Алину и Тёму, Майя не может не провести очевидную параллель. Поведение Тёмы и Алины подчиняется тому же закону, что и поведение только что виденных голубей. Мысль идет дальше. А, может, и сама Майя эти последние дни в некотором роде всего лишь глупо и смешно распушает хвост? То бишь всего лишь подчиняется некоему закону, и ей только кажется, что она сама что-то там решает. Ну что, в самом деле, может значить в мировом порядке этот ее распушенный хвост, все эти выдуманные ею же самой правила и ограничения? С чего ты взяла, Майя, что то обстоятельство, что ты не убираешься дома, не следишь за собой, моришь голодом себя и несчастное животное, может как-то влиять на ход событий? Подумай сама. Как это выглядит со стороны? Это выглядит так, как будто ты, Майя, ку-ку.

Это куда хуже, чем адова головная боль или молнии в глаз. Но тем-то и хорош опыт. Сколько раз Майя попадалась на этой хитрости врага. Но теперь она знает, что делать, — не реагировать на собственные слова. Представь, будто это радио

болтает. Оно болтает, а ты делай свои дела. Зажав верхнюю губу нижними зубами, Майя выводит букву за буквой:

Буде пѣхота вамъ нужна, то можете оную получить.

Все бессмысленно, Майя. Вообще все. Через сто лет никого из тех, кто живет в эту минуту, не будет в живых. И тебя не будет, и Матисса. А через тысячу лет? А через сто тысяч? Какой смысл во всем, что ты сейчас делаешь? То-то же. Ты, Майя, очень устала. Перо, которым ты водишь, кажется неподъемным. В те, прежние разы ты была моложе, можно было и поиграть в эту игру. Глупую, опасную игру. Теперь ты стареешь. Зачем же подрывать здоровье? А зачем мучить кота? Ему и так отпущено совсем немного, кошачья жизнь коротка. Он ведь ничегошеньки не понимает, у него нет иллюзии, которой ты тешишь себя. Сейчас он один в квартире, мяукает, плачет, он испуган, расстроен, несчастен. Голодный и беспомощный. Он ведь не может сам позаботиться о еде. Представляешь, как ему страшно, когда ты вдруг перестала кормить его? Ты же не дура, Майя, понимаешь, что на самом деле от тебя ничего не зависит. Иди налей себе кофе и купи коту еды по дороге.

«…по назначению его светлости действовать отделенно по данному ему прежде сего наставлению», — выводит Майя.

20 августа

Ближе к обеду Алина, поговорив по телефону, кладет трубку и поворачивается к Майе. Вначале, как всегда, — поглаживает туго-натянутые черные волосы, затем — грудь в фиалковом пиджаке, потом — фиалковые же брюки. Выполнив ритуал, Алина наконец может открыть изящно очерченный ротик: «Майя, к тебе посетитель. Сейчас приведу».

Майя чувствует себя неплохо, даже, можно сказать, полной сил. Человеческий организм — та еще тайна.

Спустя несколько минут Алина приводит с собой бледного лысого человека в рясе.

— Чай, кофе? — спрашивает его Алина.

— Нет, нет. Спасибо. Не пью ни того ни другого. Алина представляет посетителя — отец Петр. Ставит для него стул. Отец Петр усаживается, внимательно рассматривает Майю. Если его и удивил ее вид, он этого никак не показывает.

— Майя Вениаминовна, мне порекомендовали вас как человека, который занимается древне-

русским письмом.

Он достает из кармана карточку.

— Вот, у меня написано: вы выполняли заказ для РПЦ, исторического музея, частных заказчиков.

Делали копию Псалтири.

Майя кивает.

— Вы знаете о рукописных травниках?

— Слыхала. Но я не историк. Я каллиграф, — Майя откашливается: это ее первая длинная речь за пять дней.

Отец Петр кладет на подол рясы рыжий кожаный портфель, достает из него папку:

— Посмотрите, пожалуйста.

Майя осторожно берет в руки листы рукописной книги. Текст написан скорописью, заголовки — русской вязью. «*Сия трава имянуется црь а брать ея съ молитвою*», — читает Майя.

— Это тобольский травник XVIII века. Копия. К сожалению, брат Андрей, который ее выполнял, повредил руку. Мне нужен кто-то, кто доделает эту работу.

Майя перебирает листы, жадно рассматривает текст.

— Это не аутентичная копия, — поясняет отец Петр. — У книги будет роскошный оклад, за-

стежки. Иллюстрации, которых в оригинале нет. Рисунки растений, миниатюры из жизни лекарей. Брат Андрей использовал также и украшения в тексте, которых не было в древней книге. Но сам текст, разумеется, должен точно повторять оригинал.

— Когда вам нужен ответ?

— Немедленно. Я готов заплатить… — он называет сумму, после озвучки которой в студии воцаряется тишина. — Только одно условие — ежедневно вы мне должны давать отчет. Я буду заезжать к вечеру или утром, как вам удобнее, смотреть, что сделано. Это подарок дорогому мне человеку, и мне нужно успеть его сделать. Простите, — он трудно, надсадно закашливается.

Майя с благоговением смотрит на листы.

— Через два дня, — хрипло говорит она. — Я могу начать работать через два дня.

— У меня нет этих двух дней, — устало говорит отец Петр. — У меня нет даже лишних двух часов. Работу нужно начать сейчас, — он виновато улыбается, демонстрируя желтые гниловатые зубы. — Поверьте, я никогда в жизни никому не ставил условий. Но сейчас у меня нет выбора.

Майя втыкает в ладонь отросшие ногти. Идет минута, другая.

— К сожалению, у меня срочная работа, — говорит она наконец. — Я не могу ее отложить.

Отец Петр протягивает руки, чтобы взять листы, но Майя хватает их и не отпускает.

— Конечно, мы берем заказ, — Тёма поспешно вскакивает со стула, который с грохотом падает. — Майя Вениаминовна… — Голос Тёмы внезапно обретает незнакомый регистр, вполне приличествующий руководителю, — приступит прямо сейчас. Сейчас и подпишем договор. Для вас мы отодвинем все остальные заказы.

Отец Петр смотрит на Майю, листы они продолжают держать вдвоем.

— Так вы беретесь, Майя Вениаминовна? — спрашивает он снова.

Майя кивает. Потом издает всхлип, отрицательно качает головой и отпускает листы.

— Что это было, а? — Тёма наклоняется над столом Майи, едва за отцом Петром закрывается дверь. — Ты что это о себе возомнила? А? — Налившись долгожданной силой и властью, Тёма ударяет кулаком по столу, сбрасывает на пол перья и тушь, склянка со звоном разбивается, растекаясь зловещим иероглифом. — Проваливай ко всем чертям! Ты уволена. Доделывай до конца недели чертовы донесения и вали.

Домой Майя возвращается поздно ночью. Кот радостно встречает ее, мурлычет, ласкается. Он сделался таким тихим, ласковым, мудрым. Майя берет Матисса на руки, гладит, чешет за ушком. На что они теперь будут жить?

21 августа

Во сне Майе снятся буквицы, они танцуют, и Майя вместе с ними. Она тоже буква, и ей хорошо в древнерусском алфавите. Просыпается Майя с радостью в груди. Остался последний день. Вчера она чуть все не испортила, едва устояла перед искушением. Ничего, будет другая работа, другие заказы. Губы ее вздрагивают, руки вспоминают текстуру листов травника. С каким наслаждением Майя делала бы эту работу, как прекрасно бы она ее сделала, копия травника могла стать самой лучшей ее вещью. Что себя обманывать — подобного заказа уже не будет, он мог появиться только как искушение.

Комнату окутывает густой туман, дверь на балкон открыта. Москвы не видать совсем, все скрывает белесая плотная мгла. Осень совсем близко. Майя встает с постели, шлепает босиком к балкону. Влажность такая, что слипаются глаза. Туман вальяжно лежит на перилах, свешивая

толстые бока. В двух метрах — плотная завеса, чуть ближе — дымка. Можно подумать, это не балкон многоквартирного дома, а салон самолета со сплошным окном по борту.

В дальнем углу балкона копошится Матисс. Сладостно урчит, подвывая. Ступив на влажные ледяные плиты, Майя подходит ближе к коту и вскрикивает — Матисс загнал в угол голубя, придавил и явно намеревается сожрать. Голубь вздрагивает крыльями, вертит головой, издавая невнятные обреченные звуки. Матисс оборачивается на крик Майи, в звериных желтых глазах — угроза. Заурчав, поспешно ухватывает добычу, поднимает птицу в зубах, шарит ошалелыми глазами, ища путь для бегства. Майю захлестывает ярость и негодование. Она набрасывается на кота, нажимает ему на бока, щеки, живот, горло — и Матисс разжимает пасть, орет, напрыгивает на поднимающегося уже вверх голубя.

Птица еще не успевает исчезнуть в тумане, как Майя понимает, что ошиблась. Она угадывает это по наступившей вдруг тишине. Точно рычаг с жестяным кляцаньем повернули и закрыли дверь в зал, на порог которого Майя уже собиралась ступить. Ощущение пустоты стремительно расползается по телу. Это была ловушка наобо-

рот: коту позволено самому добывать еду. Майя могла бы догадаться об этом, но она не успела подумать. Ее ослепила человеческая мораль, диктующая спасать жертву. Противник же мыслит нечеловеческими категориями, понятие морали, по крайней мере, человеческой, ему неведомо. А о другой морали Майе неизвестно ничего.

Майя опускается на холодные влажные плиты. Она проиграла. И даже хуже. Противник заявил следующий уровень, к которому она оказалась не готова. Заявил его почти по-детски, нащупывая ходы, и в один миг обрушил всю защиту Майи. История с голубем — это так, гребешок над водой. Но Майя знала, что под гребешком — громадный жирный монстр, и он покажется в следующий раз. Сможет ли Майя исходить из правил, не предназначенных для людей? Или пришло время отступить и признать, что ей шах и мат?

21 августа

Стар он стал. Победа в полуфинале ежегодного коммерческого турнира в Австрии отняла у Игоря Ивушкина все силы. И вот финал. Черно-белые клетки расплываются перед глазами, темные фигуры его войска норовят сбежать не только с клеток — со стола. В голове туман. Сегодня ночью

Ивушкин не спал. Как настоящий старик, всю ночь пялился в окно и давал волю воспоминаниям.

Он вспоминал, как познакомился с Майей, время, когда она стала его женой. Как обещал ей однажды сгоряча выиграть этот турнир и свозить на выигранные деньги в кругосветное путешествие. Сперва это путешествие виделось им как путешествие молодоженов, которым нужны только дикий пляж да спальня, потом как увлеченных путешественников, жадных до развалин, дворцов и труднодоступных горных вершин. Сейчас, пожалуй, будет достаточно комфортабельного корабля с хорошей кухней и неспешных прогулок на остановках в незнакомых странах.

Сегодня двадцать четвертая попытка выиграть турнир. Возможно, последняя. Стар он стал. Ивушкин опережает Майю в квесте по жизни на двенадцать лет. А еще он начал опасаться оставлять Майю одну. Возвращаясь, каждый раз находит ее исхудавшей, измученной, с запавшими глазами. В прошлом году и вовсе обнаружил в больнице с сотрясением мозга. Ивушкин знает, что Майя переживает за него, за победу. Не из-за выигрыша. *Ты не можешь не выиграть, ты умнее их всех. Тебе просто не везет, но рано или поздно*

эта несправедливость будет исправлена.

Когда идет турнир, она не смотрит новости и выключает телефон. Когда Ивушкин возвращается, соседи жалуются, что Майя без него ходит босиком по улице, перестает следить за собой и здороваться. А еще — мучает кота, оставляет голодным на целый день, и бедняга истошно мяукает часами в пустой квартире. Ивушкин не знает, как к этому относиться. Майя встречает его всякий раз взглядом, полным любви. *Все равно ты лучший в шахматах,* говорит она, обнимая его и плача. *И все знают, что ты лучший. В следующий раз непременно выиграешь, я тебе обещаю.* Год за годом она продолжает верить в него.

Ивушкин пытается сосредоточиться на шахматной доске. Сегодня ему достаточно сыграть вничью, чтобы победить. Так Ивушкину не везло за двадцать четыре года на этом турнире ни разу. По правде сказать, ему отчаянно не везло все эти годы, не зря его называют самым невезучим шахматистом.

Соперник — молодой, лет тридцати, Туровский (отличная фамилия для шахматиста) — волнуется. Понятно, в этом году призовой фонд — сто тысяч долларов. И Ивушкин как никогда близок, чтобы взять его.

Он ставит коня на f6. Туровский отвечает предсказуемо. Сделав ход, смотрит-не-смотрит на Ивушкина, сжимает губы и кулаки, золотой перстень вспыхивает на толстом указательном пальце. С такими толстыми пальцами ему бы в солдаты идти или строители.

Игра близится к концу. Так — пешку на f5, перекрыть слона Туровского. Ивушкин тянет руку и вдруг, как это в последние дни случалось не раз, в глазах его темнеет, будто он резко поднялся с корточек. Через мгновение приходит в себя. В зале — гнетущая тишина. Ивушкин глядит на доску — его рука по ошибке переместила не пешку на f5, а короля на g7.

Туровский передвигает ферзя на h7. Шах и мат. Ивушкин проиграл. Он слышит, как у противника часто-часто бьется сердце. Или это так стучит его собственное?

Иван Бескровный
Убью ее под Питером

Для Ю.

I

— Почему ты работаешь посреди дня? — спрашивает. — «Таксисты любят ночь!» — хлопает дверью позади меня и хохочет. — Постоянно это слышу!

— Сверхурочно, — говорю.

— А я в Питер! Догадался? Ленинградский вокзал же. Вот это я работку выбрала, да? Даже не пообедать. Ты обедал?

— Нет еще, — отвечаю и выруливаю на Покровку; на Ленинградском я за ночь был раз пять. — Тебя отвезу и поем.

Пытаюсь разглядеть ее в зеркале заднего вида. Внешность у нее не модельная, она даже не симпатичная. Но как будто кем-то и кому-то сделана на заказ. Ручная работа. Не идеальная, конечно, пару раз у создателя точно дрогнула рука. Где-то в области подбородка и ушей. Но в конечном счете — работа такая всего одна. Единственный экземпляр какой-никакой, и в моем такси.

Стараюсь поменьше смотреть назад.

— Зато работа интересная. Это ведь важно? Когда интересно? Важнее денег, я думаю. И ничего, что мотаться каждую неделю. В движении всегда

интереснее, чем на месте, согласен?

— Конечно, — говорю, а она хохочет.

— Ты вообще круто можешь! И едешь, и сидишь!

Молчу на это. Мы уже на Садово-Спасской.

Вообще как таксист лучше других я точно умею делать вот что: выполнять, не задумываясь, все, что не относится к вождению. Обедаю, говорю по телефону, ругаюсь, даю бессмысленные ответы и комментарии. Так вот едешь, а в голове может происходить чёрт-те что. Любая потусторонняя чушь.

Только с Ксюхой не так. Когда она начинает что-то говорить, меня всерьез передергивает, и уже ни о какой дороге или чем-то еще думать не могу. Слушаю и стараюсь поймать ее отражение в зеркале.

— Можешь особенно не торопиться. У меня поезд только через полчаса. Кажется, кажется… — тыкает что-то в телефоне. — Ну да, 14:25, Ленинградский. Успеваем. А командировки в Питер — это даже очень хорошо. Ты был в Питере?

— Нет еще, — говорю и закладываю на Академика Сахарова; «ловлю» ее позади.

— Эх ты, как же так?! Давай, — говорит, — как только потеплеет, сразу в Питер! Не пожалеешь!

А сама в легком желтом платье. Куда в таком в Питер посреди весны? Все в куртках вон. А вообще мне наплевать. Хотя бы потому, что все это отвлекает меня от вождения. Очки ее, например. Те так вообще последний аксессуар, довершающий уродство этого мира. Не могу не смотреть на них!

— Поможешь мне донести сумку до перрона? — спрашивает.

Киваю; паркуюсь у Ленинградского вокзала.

— Не тяжело? Ты мне только до перрона помоги, — говорит. — Через все эти, знаешь, рамки и ленты, — смеется; маленькая дамская сумочка похлопывает ее по бедрам. — Однажды такая лента выплюнула мой чемодан на целый метр. Он кувыркался полвокзала!

— Так на метр или полвокзала?

— Представляешь?! — смеется.

Проходим несколько рамок. Она задерживается у расписания поездов. Я позади задерживаюсь взглядом на ее фигуре.

Выходим на седьмую платформу к поездам.

— Весь грязный потом ехал, — Ксюха продолжает вспоминать тот случай с чемоданом. — Надо было лучше на «Сапсан» брать, да? Он всего через час. И едет меньше.

— Не знаю.

— Просто у меня встреча только завтра утром. Поэтому особенно и не тороплюсь. Купе же тоже ничего. И по цене удачно вышло.

Ничего не могу на это ответить. Не люблю ни вокзалы, ни поезда. И тут хоть купе, хоть ваш трижды хваленый «Сапсан».

А Ксюха уже забралась в поезд, и какой-то мужик закидывает ее чемодан на верхнюю полку. Мне это не нравится. Смотрю на них. Какие все же ужасные у нее очки, и как странно, что они ей идут.

Говорит по мобильному и пьет воду. Смеется.

Из поезда выходит мужик, который прикасался к ее сумке. То есть почти что к ней. То есть он это проделает еще как минимум раз, на вокзале Петербурга. Злюсь, будто касается чемодана, который мы покупали вместе. Думаю, надо его предупредить, что мне такое не по душе! Пусть знает. Он как раз проходит мимо меня, выкуривая сигарету. Похож на какого-то грузина. Особенно носом.

Открываю рот, даже что-то говорю ему вслед, но, видимо от волнения, не слышу собственной речи. Опять смотрю на Ксюшу через окно. Она занимается все тем же. Грузин проходит обратно

с новой сигаретой. Время течет из рук вон плохо! Все нахрен занимаются здесь одним и тем же! Мужик поглядывает на меня. И на нее тоже поглядывает. На меня и на нее. Закуривает третью.

— Отправляемся, — говорит проводница у двери вагона. — Кто уезжает, заходим!

Мужик роняет сигарету, придавливает ботинком кончик фильтра. Только вместо вагона идет ко мне. Подходит почти вплотную. Так делают, когда собираются втихаря пырнуть ножом. Или рассказать секрет. И то и другое вызывает легкий испуг.

— Паслюшай, — точно грузин; говорит и косится на меня, потом на Ксюшу. — Ми с нэй вмэсте едэм. В адно купэ. Ти нэ пэреживай. Всо харашо буит. Отворачивается и вроде бы уходит. Но нет. Снова ко мне. Его костлявые пальцы смыкаются на чьей- то невидимой шее. Скалится.

— Под Питэром, — подмигивает мне.

Прыгает в вагон, и проводница закрывает двери. Следующее, что помню: бегу за отъезжающим поездом, пока не заканчивается перрон. Спрыгиваю в мазут и щебенку; бегу дальше. До первого работника РЖД.

— Ну-ну-ну! — Мужик в оранжевой безрукавке растопыривает руки. — Куда несешься?!

Тычу в хвост поезду, и прерывистое дыхание не может вывезти на себе ни единого понятного людям звука.

— Ты отдышись, успокойся. Уехал кто-то? Девушка? Чай не навсегда уехала твоя девушка! — У мужика огрубевшая кожа таджика. — Не в армию же ее провожаешь, дорогой. Вот я в армию уходил, на Байконур, два года…

— Слушай, — говорю, — иди ты в жопу со своей армией! Он убьет ее!

— Кто?

— Грузин!

Рабочий задумался. Крутит в руках какую-то железнодорожную кривую железку. Сам весь чумазый, и форма у него чумазая, и штаны от грязи стали «кожаными».

— Да нет, дорогой, не думаю, — говорит мне. — Сейчас в поездах не то, что раньше. И грузины вполне себе неплохие ребята. Вот, когда в 90-е, к примеру, ходил поезд на Бишкек…

Больше не слушаю. Обратно лезу на седьмую платформу Ленинградского вокзала.

— Ни хрена себе любовь! — говорит кто-то с перрона. — Бывает же!

— Еще как-только-на-хрен-не-бывает! — кричу, пробегая мимо толпы провожающих, и в душе

прямо люто ненавижу вокзалы. Их чертову нездоровую суету.

II

Молодой человек в форме охранника выслушивает меня и возвращается к своим будничным делам — без остановки вертит башкой налево-направо как спятившая сова.

— Мало ли кто что сказал, — говорит мне. — Пошутил, может. Какой маршрут?

— Санкт-Петербург, — говорю и пытаюсь совладать с мобильным.

У меня самый дешевый телефон, какой только можно придумать. И это проблема. Он мой такси-штурман — вывозит одну единственную программу для бомбил и больше ни черта не умеет. Даже звонит с трудом. С ним только таксовать. Но где-то же должен быть в нем номер последнего пассажира.

Нахожу, пытаюсь дозвониться.

— Недоступен… — говорю и тут же ору на ухо человеку-сове: — Вот кто недоступен?! ЭТО дерьмо не ловит или ТО дерьмо не ловит?!

— Связь не всегда стабильная, особенно в поездах, это понимать надо, молодой человек, — говорит сотрудник. — А что вы от меня, собственно, хотите?

— На поезд сообщить нужно! — говорю. — Чтобы проводник знал, а еще лучше — в полицию. Там же есть наряд полиции? В поезде? Пусть ее пересадят или охраняют.

— Молодой человек, — говорит сотрудник вокзала, — успокойтесь. Не кричите. А по вашей проблеме хочу заверить, что мы проводим все необходимые меры по обеспечению безопасности людей на территории вокзала. Мы проводим досмотр багажа, у нас организовано прохождение металлоискателя, мы обучены визуальной диагностике психологического и эмоционального состояния посетителей…

И так далее. Опять не слушаю. Сегодня это уже вошло в привычку.

Иду в окошко к женщине, продающей билеты на маршруты дальнего следования.

— Я могу… — говорю. — Здрасьте. Я могу доехать до Питера, но сесть в Твери?

— Что? — женщина улыбается; видно, радуется еще одному дебилу и дебильному вопросу этого дебила. Складывает руки на столе и готовится внимательно слушать.

— Поезд на Санкт-Петербург. Который только что ушел. Я могу сесть на него в Твери?

— А вы супермен, да?

— Чего?

— Ну у вас же какая-то суперсила есть, правильно? Искривление времени, полеты, суперскорость, супертупость…

Снова не слушаю. Это довольно удобно. Перехожу к соседнему окну и задаю тот же вопрос.

— Нет, не можете. На этот поезд нет билетов.

— А хоть нагнать его в Твери могу? Мне надо… Кое-что передать человеку с этого поезда.

Тыкает куда-то в компьютере. Тыкает и тыкает — черт-ти-нахер! — все вокруг только знай куда-то тыкают!

— «Сапсан», — говорит наконец. — Девять тысяч четыреста сорок восемь рублей, только бизнес- класс остался, отправление в пятнадцать сорок. В Тверь пребывает в шестнадцать сорок две.

Молчу. А в голову почему-то лезут воспоминания о соседе, который за такую же цену съездил на неделю в Адлер. При чем здесь Адлер? Сознание, похоже, пытается отсрочить неизбежное принятие решения. Вдруг грузин действительно пошутил?

Сзади сопят покупатели билетов.

— Мужчина!

— А этот, — спрашиваю, — который ушел, во

сколько там? В Твери.

— Мужчина, — женщина наваливается грудью, веками, щеками, бицепсами, господи — всем что есть, на бедный стол и клавиатуру. Страшно подумать, что она там натыкала в своем компьютере! — Мужчина, над вами табло. У вас у всех интернет, не задерживайте никого. Брать будете «Сапсан»?

Взял я «Сапсан». Куда деваться? Вот не верю, что этот грузин шутил! Я вообще еще ни разу не видел, чтобы грузины хоть как-то шутили. Смеялись — да, пили вино и резали баранов, тосты у них интересные, с выдумкой, но чтобы шутили — не видел. До Твери он ее не тронет. Шутки шутками, а слово грузины держать умеют.

На табло Ксюшин «Москва — Петербург» уехал час назад. Каким образом я должен понять, когда он в Твери по этому глупому табло? Решаю довериться женщине из окошка. Не зря же она столько времени что-то тыкала.

До «Сапсана» полчаса. Выхожу из здания Ленинградского вокзала, через толпу к парковке, еще раз пытаюсь дозвониться. Хрена-с-два.

До кучи антиквариата у меня еще старая «Мазда». Тоже куплена — как телефон, — лишь бы ездила.

Сажусь в машину, дверь оставляю открытой, воздух уже теплый и наносит приятные ароматы фастфуда с Ленинградского и Ярославского вперемешку. На автомате запихиваю телефон в держатель, снизу втыкаю шнур, на экране сразу что-то появляется, из аппарата доносятся какие-то требовательные звуки. Эти, из приложения, постоянно твердят, что отключат меня от системы, если долго не таксовать. А я больше недели не таксовал. Задолжал за квартиру. Но там другая история.

Из Питера можно не возвращаться, думаю. Теперь точно отключат.

Достаю из сумки бутерброд; ем и думаю: зачем я отдал последние деньги за «Сапсан», если можно было отдать их за квартиру? И зачем вообще решил спасать ее? Но, думаю, не «зачем-то», а несмотря на то что мне теперь кранты по всем фронтам. Да как в конце концов можно бросить в беде человека в таких очках?!

Но если он пошутил? Пашютиль! И сейчас они едут вдвоем, он угощает ее вином и абрикосами… Зараза! Лучше бы он ее все-таки убил! А то ведь неудобно получится…

Сижу в машине, барабаню пальцами по рулю и нервничаю. Распаляю себя изнутри от присту-

па ответственности за наши жизни. Отменяю появляющиеся в телефоне заказы; выгружаю в бардачок ключи от квартиры, кошелек, какую-то мелочь из карманов. Оставляю при себе только права и карточку, на которой гроши. В куртке у меня паспорт, туда же закидываю телефон. Закрываю машину и возвращаюсь в здание вокзала.

«Сапсан» уже подан на третью платформу. Спасибо, хоть не на седьмую.

— Билет, — требует проводница Наталья-побейджику. — Или паспорт, что там у вас?! Какой билет? Электронный?

Она как Ксюша. Тоже сотни непонятных слов за раз. Бумажный билет; его и протягиваю.

— Место пятьдесят три, направо.

Ничего себе, думаю, и вспоминаю электрички из детства. Зеленые, коптящие, ободранные машины прямиком с сурового фронта российских реалий. Единственное, что в них можно было знать с такой же точностью, — это в каком месте наблевано.

Сажусь в кресло в бизнес-классе «Сапсана», смотрю в ясное окно на ясное московское небо. Удивительно! Не через желтизну и сотни матерных, начерченных гвоздем слов, а как есть,

словно и окна никакого нет.

Едем. До Твери всего час. Мобильный не ловит никаких палок, да и черт с ним. Возвращаю в карман.

— Сколько стои́т в Твери? — спрашиваю проводницу.

— Две минуты.

Две минуты. Зачем мне это? Важно же, сколько тот, Ксюшин, стоит! Пытаюсь придумать, как попасть на ее поезд. Такое у меня свойство поганое есть — ничего не могу придумать, пока не окажусь перед проблемой нос к носу. Не в моем характере планы строить. Поэтому и в пробках часто стою. Но на то она и Москва — сама по себе огромная пробка России. А мы — шампанское. Бурлим, бурлим, но как-нибудь как выстрелим!

— Шампанского?

Я обалдел.

— Зачем? — спрашиваю.

Оказывается, приветственный напиток, бизнес- класс, положено. Теперь вынужден пить шампанское. Не отказывать же Наталье? Думаю, это может несколько затруднить операцию спасения. Надеюсь, грузин все-таки пошутил. Залпом выпиваю бокал за Ксюшино здоровье.

Еду дальше.

III

На последние деньги покупаю бутылку вина из бара «Сапсана». Почти выпиваю ее. Надеюсь, что грузин не пошутил. Пусть поднимет на нее руку!

Теперь очень хочу его убить. Это больше не обсуждается.

Сжимаю кулаки и в отражении окна на фоне каши леса строю решительные гримасы.

Потом у нас, конечно, все наладится. После того как грузин будет повержен. Мне бы хотелось двоих. Если говорить о детях. Квартиру бы мы взяли по какой-нибудь семейной программе, это сейчас пожалуйста. Ну а если она так любит Питер… Разве что в холодном и сыром климате бомбить не слишком комфортно. А остальное наладится.

Когда грузин будет повержен.

Время. Пятнадцать минут до Твери. Встаю и иду в туалет. Пора бы немного подготовиться. На ходу пробую дозвон. В каком на хрен танке она едет?! Разве что грузин соврал и сделал это раньше. Выкинул телефон из окна. Тот разбился и, возможно, мы только-только проскочили мимо него на скорости Сапсана. Мимо предмета, который она прикладывала к щеке, который выбирала

в магазине, и раз уж выбрала — значит, есть в нем частичка ее души. И что с ним теперь? Экран разбит, корпус треснул, он скатился по щебенке в грязную траву и навсегда потерял связь. Частички ее души больше нет.

— Вы идете? — спрашивает какой-то мужчина.

Стою напротив туалетных кабинок и раскисаю. Вино делает меня сентиментальным.

Захожу в кабинку. Смотрюсь в зеркало. Пьяный и небритый. Ну хотя бы не расплакался. Делаю дела и возвращаюсь на место.

Ничего не могу, к черту, спланировать. Внутри все ежится. От мысли что предстоит, скручивает живот и сбивается дыхание. Не понимаю, что страшнее: влезть в поезд, вырубить грузина или предстать героем перед Ксюхой. Наверное, последнее. От последнего прямо перекручивает. Стараюсь просто ехать. Будто за рулем. Кладу руки на спинку кресла впереди, как будто на руль. Это немного успокаивает. Возвращает к проблемам арендованной недвижимости и работы. Там все ужасно, и это выравнивает общую картину. Все равно что у стоматолога втихаря щипать себя за яйца. Равномерно распределить боль, называется.

— Поезд прибывает на станцию…

— Тверь, твою мать!

Вскакиваю, аж мутнеет в голове, и к выходу. Пытаюсь сообразить, как пробраться в здание вокзала, кручу башкой. Вижу переход, бегу туда, под землю. По лестницам вверх-вниз. Табло, табло, табло… Поезд «Москва / Петербург» прибывает через 25 минут. На ту же платформу. Возвращаюсь назад. Что же это получается? Обогнал ее? В какой-то момент этой истории мы промчались мимо нее, возможно, в тот самый момент, когда грузин готовился или не дай бог… Со всей дури пинаю лавочку на перроне. Грохот стоит страшный — рикошетом задело урну. Все для того, чтобы избавиться от этих мыслей.

Время идет. Поезда все нет. Случись ужасное, и они наверняка бы задерживались. Еще раз пинаю скамейку. Смех смехом, а, похоже, я повредил ноготь.

Едет. Вижу, как выползает из-за поворота. Медленно тянется вдоль платформы, люди тянутся за ним. Иду в обратном направлении, в самый конец поезда. Не могу вспомнить, какой в итоге мне нужен вагон. Все потом. В голове вырисовывается план. Поезд останавливается. Из вагонов, как в синхронном плавании, одновременно вываливаются проводницы. За ними толпа курящих и

прибывших. Выйти им мешает толпа отъезжающих. То, что надо.

Стреляю сигаретку у одного из пассажиров. У него же прикуриваю. Иду к последнему вагону. Вроде как прогуливаюсь, смотрю окрестности, покуриваю. Любуюсь Тверью. Сигарета просто тлеет во рту. Едкий дым жжет нос и глаза. Только без этого никак. Образ, маскировка. Думаю, вполне схожу за пассажира. У меня нет сумок, и я весь такой налегке. Просто вышел покурить.

Время идет, курящие потихоньку возвращаются на места. Жду и стараюсь растянуть жизнь сигареты. На перроне остается всего несколько человек. Вскоре и те тушат бычки. Остаются одни проводницы. Сигарета почти истлела. Еще немного и пойдет фильтр.

— Мужчина, отправляемся! — кричит ближайшая ко мне проводница. (наконец-то!)

— Ой! — изо рта выпадает бычок. — Мне ж в первые вагоны!

Делаю вид, что стартую в начало поезда.

— Куда!? — кричит проводница. — Не успеете! Заходите!

Миссия выполнена. Я внутри. Но и проводница рядом.

— Какой вагон? — спрашивает. — Билет с со-

бой?

Судорожно вспоминаю, какой у Ксюши может быть вагон. Точно где-то в начале.

— Вот черт, — хлопаю себя по карманам, — в сумке билет остался! Один из первых вагонов.

— Пойдемте. Как вы так в конец ушли? Не знали, что ли, что всего четыре минуты стоим?

— Задумался.

Идем с ней через вагоны. Скучаю по проводнице Наталье из «Сапсана». Все в ней было чисто и аккуратно. Сама была худенькой и симпатичной. Только голова теперь трещит из-за ее шампанского и вина. Но все равно было лучше, чем тут. Тащусь за огромным телом новой проводницы. Одним бедром она протирает двери купе, другим задирает занавески. Настоящий «Титаник». Думаю, иди мы в обратном направлении, и бедра моей проводницы вскрывали бы все купе, как банки с тушенкой.

— С кем-то едете? — спрашивает.

— Один, — говорю.

— Соседи есть?

— Да, девушка в желтом платье и мужчина. Предположительно грузин.

Титаник кивком приветствует каждую проводницу вагона, и все не прекращает болтать.

Нервничает. Интересуется у проводниц, не едет ли в их вагоне грузин. Правильная тактика, думаю, сам бы с этого начал.

Так и движемся. Не знаю, что было бы, не найди она ни одного грузина в поезде. Наверное, пошли бы с ней ко дну.

Но нам повезло. Повезло не оттого, что грузин разыскался в четвертом вагоне, а оттого, что мой Титаник не растрепал проводнице вагона обо мне раньше времени. Та, наверное, подумала, что тут воссоединяются потерянные сердца, и провела меня прямо в нужное купе. А Титаник, не долго думая, распахнула дверь.

Когда я увидел Ксюшу, сразу понял — грузин обязательно ее убьет.

Она сидит на нижней полке, аккуратно поджав под себя ноги. Стрижка-каре по-детски небрежно лежит на щеках. Крупные глаза и эти ее ужасные очки… Начинаю понимать, зачем они ей. Все это вроде небольшого изъяна, который делает человека интереснее. Маскирует истинную красоту, чтобы ты раскапывал ее вдумчиво и постепенно. А он же грузин… От тоски, что они могут быть вместе только в поезде, или, например, соседями в маршрутке, он ее и убьет!

— Ваше купе, — говорит мне Титаник. — Про-

ходите, чего в проходе…

Тут-то все и раскрылось. Она даже договорить не успела. Местная проводница завыла сиреной; все растерялись; а грузин, будь он неладен, очень неожиданно вскочил. А ведь я никогда ничего не планирую. Все как-то само собой приходит. Врезал я ему, конечно, от души.

Он тут же хватается за нос, но это всего лишь запоздалая реакция его старого организма. На самом деле — нокаут. Грузин падает в проход и вокруг начинается совершенный дурдом.

И все его абрикосы катятся со стола.

IV

Вслед за грузином и его абрикосами падаю я. Прямо на него и абрикосы. Третьим слоем. Это все Титаник. Я очень горд за нее, правда. Не каждому удастся вырубить взрослого мужика одним ударом. А я помню всего один. Еще помню смешение криков, свет, мерцание и в конце концов краткосрочную темноту.

Потом опять Титаник. Теперь она пинает меня в бок.

— Подымайся! Подымайся! Товарищ сержант, вот, пожалуйста. Нарушитель. Наручники? Обязательно! Буйный! Гражданину… Грузину сломал нос!

Все бы отдал, чтобы Титаник заткнулся. Но открываю глаза и вижу Ксюшу. Нет, поправляю себя, все бы не отдал.

Бедная Ксюшка. Вжалась в угол у окна. Кто ж знал, что все начнется так, без объявления войны. Нас с грузином заковали в наручники. Болит затылок, и никак ведь не почесать! Сидим друг напротив друга. Но это хорошо, думаю, в таком состоянии он никому не опасен. Я даже рад, что полиция здесь. По крайней мере Ксюша теперь в

безопасности.

Только она молчит, не общается с сержантом. Непривычно видеть ее такой. А Титаник, напротив, долго и неправильно излагает версию произошедшего. Говорит, сразу поняла, что я гнилой человек. И вопрос времени, когда она собиралась скрутить мне руки самостоятельно.

— Достаточно, — прерывает ее сержант.

В купе нас пятеро, жмемся, дверь нараспашку.

Проводница четвертого вагона куда-то сбежала.

Наверное, чтобы в свидетели не загреметь.

— Мни показалос, что маладой человек, — грузин тычет в меня глазами. — Ооох… Что вас ни хватаэт агня!

— Чего-о? — говорю. — Какого огня на хрен?!

— Не ругайтесь, гражданин, — прерывает меня сержант. — До вас дойдет очередь. Расскажите.

— Хрен ли тут рассказывать?! — кричу и киваю на грузина. — Говорит, убью ее под Питером! Что я должен был делать?!

— Спокойно.

— Между прочим, — меня не остановить, — я обратился за помощью к вашему коллеге на вокзале. Он сказал, чтобы я на хрен проваливал!

— Разберемся. На вас, оказывается, — говорит

сержант Ксюше, — планировалось покушение. Этим вот мужчиной.

— Что-о-о! Никого я нэ хател убиват! Такая прэкрасная дэвушка!

— А вы что делали у поезда? — спрашивает меня сержант. — Если не собирались на него садиться? — Я всего лишь таксист, — отвечаю. — Подвозил ее, — киваю на Ксюшу. — Помогал с чемоданом. — Девушка, — обращается сержант к моей Ксюше. — Этот гражданин, — смотрит на грузина, — совершал какие-нибудь действия…

— Да вы издеваетесь! — Вскакиваю и кричу; чуть не задеваю головой верхнюю полку: — ПОД ПИТЕРОМ! Убью ее ПОД ПИТЕРОМ! А я до Твери успел! Мы теперь никогда не узнаем!

Титаник покатывается со смеху. Тихо, скромно, в углу у двери сидит и хохочет, зараза. Совсем забыла о своих пассажирах. Бедные трясутся в последнем вагоне без чая и информации, а она сидит тут и хохочет! Шла бы лучше…

— Я вас сдам наряду в Петербурге, если не успокоитесь! — говорит сержант. — И не важно, что тут случилось! Все на 15 суток пойдете! Девушка, еще раз повторяю, этот мужчина совершал какие-то насильственные действия?

— Нет, — говорит Ксюша и на меня косится. —

Никаких. Мы просто ехали…

Молчу. Про себя думаю — ну что за идиот этот сержант! Еле сдерживаюсь. А он опять что-то спрашивает у Ксюши, и все внимательно смотрят на нее. Словно ждут, что она скажет что-то невероятное. Тогда как ситуация, как слеза, понятна и проста!

— Первый раз в жизни их вижу, — говорит Ксюша. — Нет, таксиста, конечно, видела, он помогал с чемоданом. Но никого из них не знаю.

А вот если бы спросили меня — сказал бы, что знаю ее всю жизнь! Я даже двойню запланировал и всяких ипотек набрал. Ведь невозможно так за первым попавшимся человеком в Питер броситься!

— Вы знаете эту девушку? — спрашивает меня сержант.

— Нет, — говорю. — Не знаю, к сожалению. Тебя Ксюша зовут?

— Нет. Оксана. Почему именно Ксюша?

— Нельзя же спасать человека без имени, — говорю. — Ксюша — мое любимое. Любимое спасать всегда проще. Я и звонил тебе, хотел предупредить, — киваю на грузина, — об этом.

— Я нэ этам! Не кивай на меня! Что он кивает на мэня?!

Сержант почесывает висок ручкой и листает блокнот. Совсем, бедняга, запутался в истории.

— Если вы не собирались причинять ей вред, — рассуждает сержант, — тогда зачем вы сказали этому мужчине, что… Что убьете ее под Питером?

— Да, ой-я, эта проста жэ! Пасматрите! Он жэ всо сказаль! Он жэ влублен! Я сразу эта заметил! Он эта-а-а жэ… С первага взглада! Ему толька агня не хватает!

Нехило грузин загнул. Снова хотел на него кинуться, но призадумался. Смотрю, что дальше будет.

— То есть это была шутка?! — не унимается сержант.

— Вы баран! — орет грузин; вскакивает, трясет над нами скованными руками. — Эта не шютка! Ви ничего ни понили! Я сделать эта нарочна! Этат мюжина влублон! Ему агня надо извнутри! Талчок! Я талчок! — грузин так разнервничался, что ни черта слов не разобрать, плюется от возбуждения. — Влублен! В эта женщина! Я сразу эта заметил! Он в акно пялится и пялится на нео, пака мы не атъехали пялится! Ана что? Проста сидит, вода пьот! А он пялится! Что эта?! Люблев!

— Любовь? — уточняет сержант для протокола.

— Люблев!

Выдает грузин на выдохе и садится. Дышит он тяжело, бедняга. Курит много, оттого и оскал желтый. И ведь ничего мужик оказался. Все верно понял! Даже я бы так не сформулировал. А я убивать его хотел. Он ж нахрен купидон, если подумать. Правильно говорят, грузины знают толк в любви. Этот точно всем знатокам знаток.

— Влюблен не влюблен, — говорит сержант, — а бить людей нельзя.

— А я атрицаю, что меня били! — опять вскакивает.

— У вас нос сломан!

— Я сам его! Аб туалэт!

Все-таки очень он хороший мужик, зря я так на него. И думал плохо зря, и бил по носу тоже зря. Такие носы… Такие носы надо ЮНЕСКО передать под охрану.

— Хотите сказать, что вас не били?! — бедный сержант даже пошел испариной. — Дурдом тут устроили! Что, получается, ни у кого нет друг к другу претензий?!

Мы с грузином молчим.

— Девушка?

Ксюша-Оксана молчит. Затем пожимает плечами, улыбается и почему-то начинает смеяться;

мотает головой.

— За хулиганство вам все равно штраф! — смотрит на меня. — Свидетелей достаточно!

— И билет пусть оплатит! Безбилетник же! — всполошился Титаник.

— А вы из какого вагона? — спрашивает сержант Титаника. — Из этого?

— Четырнадцатый, — говорит. — Мой последний.

— Передаю его вам, — сержант поднимает меня за локоть. — Пусть у вас в купе посидит до конца поездки. Если что, зовите! Потом к начальнику вокзала… Короче, чтобы полную стоимость оплатил!

Сержант убирает блокнот и ручку, снимает с нас наручники, на прощание опять говорит про «дурдом» и уходит. Мы с Титаником плывем следом.

До Питера еще долго. А народ все равно суетится, толпится у туалетов, глотает горячий чай, а мы идем и «Титаник» вскрывает все купе своим тазом, как банки с тушенкой.

В своем вагоне она не сводит с меня глаз.

— Простите за причиненные неудобства, — говорю. — Только у меня нет денег за билет заплатить. Совсем никаких.

— Это не мое дело! Мое дело…

Не слушаю. Достаю из кармана верного друга — такси-штурмана — телефон. Смеюсь, глядя на него. Ни разу за всю историю ему не удалось ни до кого дозвониться!

Протягиваю проводнице. Почему-то мне кажется, он ей подойдет. Он такой же, как она… Слабенький, но свою работу делает на «отлично».

— Он мало что может, — говорю. — Но если надоедят поезда — в нем есть все, чтобы начать таксовать.

Титаник улыбается. Протягивает руку и забирает телефон.

— А с меня хватит, — говорю. — Больше никакого такси.

На Московский вокзал мы прибываем поздно вечером. Титаник лично выводит меня из вагона и смотрит вслед. Спасибо ей, все спустила на тормозах. Как будто и не было ничего.

В карманах у меня только права и паспорт с пустой карточкой. Иду за толпой. Пытаюсь разглядеть желтое платье. Толпа выходит на площадь перед вокзалом.

Ночной Питер. На здании напротив сияет — «Город-герой Ленинград». А так хотелось, чтобы

таксист-герой Я. Ничего не вышло. Стою и пялюсь на Питер. Народ пихается багажом, локтями. Все гудит и движется.

— Ты говорил, что никогда не был в Питере, — Оксана подходит сзади с чемоданом; ее желтое платье теперь скрыто под серым питерским плащом.

— Нет. Не был.

— Могу показать тебе город, у меня встреча только утром.

Надежда Алексеева
Определители

Она со всей силы швырнула черно-зеленый шар. Ударившись о стену, тот растекся, цепляясь липкими внутренностями за гладкую поверхность, и засветился.

Ракра нажала кнопку на миниатюрном пульте, и вязкая масса шлепнулась на пол, поискрила еще немного и нехотя приняла целостный вид. Центаврианка грациозно выскользнула из гнезда, изогнулась, расправляя перепончатый гребень, идущий вдоль позвоночника. Ступая на переднюю часть стопы, она пересекла каюту,

поспешно подобрала шар и спрятала его в белой коробке. Приложила палец к верхней крышке — раздался писк, мигнула красная лампа. Шар был в безопасности. Время воспоминаний еще не пришло.

* * *

Корабль поглощал расстояние до 545-й, сжимая пространство перед собой, которое складывалось, будто карточный домик.

Они преодолели уже больше половины пути. Но сейчас вынуждены были замедлиться, чтобы обогнуть 403-ю, звезду, вокруг которой обращалось восемь планет. Пока приходилось петлять, но вскоре можно будет окончательно скорректировать курс. Капитан Ракра просматривала файл миссии, когда ее едва не выкинуло из кресла: звездолет дернулся, завибрировал в эпилептическом припадке и замер. Выругавшись, она повернулась к пилотам и навигаторам.

— Какого вы творите?!

Мужчины переглянулись и пожали плечами. Щупленький Кростор в самом дальнем углу даже не оторвал головы от дисплея: он маниакально тыкал пальцами в кнопки, запуская алгоритм проверки.

— Кростор?

— Минуту, кэп.

— Где мы, Хтор? — Она пересекла мостик и встала у пилота за спиной.

— Между четвертой и третьей планетами.

— Разберитесь с двигателями, и побыстрее. Не хватало только застрять рядом с обитаемым объектом.

* * *

Воздух голубой планеты оказался тяжелым, его приходилось силой проталкивать в легкие, зато можно было обходиться без атмомасок. Ракра их не любила — слишком уж плотно облегали морду, словно паразит, и зрение в них расфокусировалось. А она не привыкла чувствовать себя слабой. Капитан обвела взглядом собравшуюся возле шаттла толпу: коренастые инопланетяне смотрели на центавриан снизу вверх, первые ряды крепко сжимали длинные черные трубки, видимо, оружие. Ракра моргнула — зрачки из желтых стали фиолетовыми. Она считывала их эмоции, страхи, гребень за спиной потрескивал, улавливая вибрации. От землян исходил горько-кислый запах пота и андрогенов. Тошнота подступила к горлу, и капитан поспешила отключить сенсо-

ры. Их мясо было совершенно непригодно. Она сглотнула, чувствуя, как подрагивают вибриссы, и откалибровала сознание, сосредоточиваясь на предстоящих переговорах. Если держаться на достаточном расстоянии… они и сами едва ли рискнут встать близко…

Прямо перед Ракрой вырос мужчина. Он был выше остальных и по меркам инопланетян, наверное, широкоплеч. Центаврианке он доходил до груди и потому стоял в нескольких шагах, чтобы не слишком задирать голову. Ракра аккуратно проверила — аромат, исходивший от чужака, заставил ее поморщиться, но от него хотя бы не разило страхом. Оружия при нем тоже не было. Выбритый череп украшала цветная татуировка с разрубленной головой какого-то зверя. Она оскалилась, сверкнули желтоватые клыки, и толпа отпрянула. Но не он. Он протянул руку и сказал: «Сергей». Дерзко, решительно. Ракра опустилась на всю стопу и вложила руку в его ладонь. Сухая и шершавая от мозолей рука мужчины крепко стиснула ее пальцы. Шелковистые охристые волоски, густо покрывавшие ее кожу, встали, будто наэлектризованные. Центаврианка опустилась еще чуть ниже, приблизила морду почти вплотную к человеку и втянула носом воздух. Вязкий

морской запах забил все чувства. Он был альфа. Хотя это ничего не значило. Куда важнее, он был определитель.

* * *

Они возвращались от 545-й, имея все необходимые данные. К тому моменту, когда они окажутся дома, Ракра успеет доработать формулу, чтобы представить ее Астериуму. Возможно, тогда верховные прислушаются. Капитан сидела в гнезде, подобрав длинные ноги в неестественной для центаврианина позе. Она выучила ее у 403-й. Древнее искусство йоги. Сергей благодаря ему отточил навык самоконтроля и предельной концент рации, правда, сознание… Ракра вздохнула. Для этих землян, как они себя называли, существовали лишь категории силы и смерти. Что до самовосприятия… половина считала себя сверхсозданиями, остальные поклонялись высшей силе и стремились соединиться с этим провозглашенным божеством, хотя даже не могли определиться, кто он. И почему он? Нарциссичная примитивраса. Ракра фыркнула, швырнула переносной дисплей и вскочила с насиженного места. Она расхаживала из угла в угол, в три шага пересекала каюту, хвост разъяренно бил

по воздуху, едва не задевая предметы на полках. Год. Она задержала миссию центавриан на год, чтобы изучить земную цивилизацию, раскрыть для них роль определителей, показать ему, кто он такой, но…

Ракра замерла вполоборота. Дверь отъехала — на пороге стоял первый пилот Хтор.

Центаврианин протянул ей переносной дисплей. От Ракры не укрылось, что гребни за спиной и на плечах помощника сложились. Хороших новостей не жди. Капитан уставилась на экран, где светилась единственная диаграмма с подписью. Зрачки Ракры стали абсолютно черными. Медленно она подняла глаза на Хтора.

— Когда?

— Вскоре после нашего отлета.

— Но определители установили…

— Ты же знаешь, если появляется новый, предыдущие расчеты аннулируются. А ты сама сказала, что этот Сергей — определитель.

— Да, но он…

— Постарайся быть объективной, — Хтор улыбнулся.

Однако Ракра ощерилась. Глухой утробный рык заставил Хтора отшатнуться и вспомнить о своем положении. Он молча кивнул и покинул каюту.

* * *

Ракра вытянулась на кровати. Длинные ноги, будто одетые в леопардовые лосины, наполовину болтались в воздухе. Даже в самых люксовых номерах для нее не находилось достаточно большого ложа. Сергей изучал ее, стоя у окна, покуривая сигарету. Она не любила запах табака, особенно вишневого, но ему позволяла, изредка. По человеческим меркам, центавриянку едва ли сочли бы привлекательной — слишком крупные бедра, слишком мускулистое тело и вся эта… полушерсть. Как писали некоторые — густой волосяной покров: все-таки центавриане выглядели скорее гуманоидной расой. Кончик хвоста покачивался из стороны в сторону. Но она не злилась — наоборот, демонстрировала удовольствие. Сергей выбросил окурок и вернулся в кровать, присел и провел пальцами по ее шее. Тело было еще разгоряченным, мышцы расслабленными. На Земле мало кто мог похвастаться тем, что видел центаврианскую хищницу нежащейся, открытой. На публике она всегда представала суровой, напряженной и неизменно в форме.

Ракра была интересным экземпляром, любопытным. Дикая физическая сила вкупе с

сенсорикой, инстинкты, подавляемые сознанием, которое способно просчитывать ходы не хуже компьютеров, контролируемое бессознательное, когда ты одновременно и кукла, и кукловод. Центаврианка постоянно говорила о неких определителях — функциях, выстраивающих судьбу вселенной, корректирующих ее уравнение. Несмотря на обилие формул, звучало как религиозный бред, да и говорила она со рвением фанатика. А еще Ракра была эмпатом. После долгих наблюдений он стал замечать, как меняют цвет ее зрачки, изучая людей, даже если все остальные реакции ей удавалось сдерживать.

Ракра лежала, закрыв глаза, и Сергей продолжал следить за ней. Биологом он, конечно, не был. Но ведь модель поведения особи вполне можно построить по математическим принципам. И даже запрограммировать. Выйдет неплохая статья. Военные уже не раз обращались к нему с предложениями…

Сергей нахмурился: выглядело так, будто он шпио нит за Ракрой. Нет, его интерес был чисто научным.

Центаврианка потянулась, перевернулась на живот и посмотрела на него своими обычными желтыми глазами.

— Все в порррядке? — Ее гребень пошел волной.

— Да. Просто поцеловать тебя хочу.

Ну и пускай она другая — другая внешне, умственно, социально. Она, конечно, чужачка, но достойная внимания. И восхищения. Редкий экземпляр.

* * *

Определители. Кто их открыл? С чего все началось? Даже в самых старых библиотеках, созданных на праязыке, не было ни одной записи о них. Никто не знал, откуда появились субъекты, детерминирующие состояние Вселенной, — говорили лишь, что они запускают трансформацию, что сами они — элементы трансфер-матрицы. От сверхновой до разумного существа, от смерти до воспоминания.

Ракра заперлась в номере отеля, наглухо задернув шторы. За окном лил дождь, облака насаживались на шпили и волочились грузным брюхом по крышам домов. Она не хотела этого видеть. Чтобы скоротать время, капитан занялась расчетами: пыталась встроить Сергея в громоздкую формулу, но результат не сходился. Стоило ли волноваться?

Их команда направлялась к 545-й за другим определителем — с ним все работало. Ракра отложила переносной дисплей и уставилась в одну точку на дальнем конце кровати, на желтой радужке проступили фиолетовые прожилки. Тонкой струйкой потекли сигналы и эмоции, но они не перебивали ее собственных мыслей. Кроме того, среди них не было знакомого запаха, знакомой сигнатуры. Статья Сергея о центаврианах произвела фурор. Ракра восприняла новость спокойно, даже хорошо. До сих пор люди шарахались от них в сторону, несмотря на все заявления и доказательства, что человеческое мясо не подходит в пищу центаврианам. Статья могла помочь. Но было что-то еще. «Физиология центавриан отчасти схожа с человеческой, но нервная система, согласно Гардену и Инину, строится на иных принципах. В результате у центавриан иная математическая функция жизненного цикла. Особи с Проксима Центавра b…»

Особи…

Картинка в памяти переключилась.

— Сколько еще мы будем торчать на этой планете? Нас ждет 545-ая, — заявил Хтор. — Кростор полностью рассчитал маршрут туда и обратно. Дома недовольны задержкой.

— Я знаю, — резко одернула Ракра. — Я должна включить в уравнение Сергея.

— Ты должна перестать с ним спать.

Ракра отключила память, вылезла из кровати, отдернула шторы и вышла на промозглый балкон. Хтор, конечно, не прав. Просто функция Сергея сложнее. Земляне до сих пор оставались параллельной, неподключенной секцией в электрической цепи вселенной.

Они считают, что мир — лишь локация, а на деле это огромный живой организм. Не бог, не сверхсущество — просто иная форма жизни, которая зависит от входящих в нее переменных. Если им это объяснить…

* * *

Ракра стояла на капитанском мостике и смотрела, как ее планета превращается в черную растрескавшуюся сферу. Запись обрывалась спустя минуту, но этого зрелища центаврианке было достаточно.

Она просчитала землян, отправила домой все нужные формулы, включая одну из формул Сергея. Она была уверена, что формула правильная. В конце концов, она прожила на 403-3 год. Год! Никто не покушался на них за это время, диплома-

тические отношения установили, Сергей принял теорию определителей и матрицы Вселенной. Он даже сам проверял часть расчетов. Как она могла ошибиться?! За плечами десятки отработанных определителей, новое интегральное исчисление. Где она допустила ошибку? Как не заметила, что земляне обладают таким оружием?

«Потому что ты ему доверилась», — пришел ответ.

Капитан вздрогнула — на плечо легла рука Хтора. Пилот стоял чуть позади, и на его лице читалась жалость к ней: зрачки стали ярко-фиолетовыми. — Знай свое место, — тихо прошипела она, сбросив его руку.

Мужчина лишь покачал головой и спросил:

— Какие будут распоряжения?

Ракра снова взглянула на обугленный ком, некогда бывший ее домом.

— Я могу настроить лазеры, — продолжил пилот.

— Не нужно.

— Но, кэп, они…

— У меня для землян другая функция.

* * *

— Все готово, — на стенном экране Кростор улыбался во весь рот.

«Лучший программер на борту. Надеюсь, ты все сделал, как я просила».

Ракра опустила глаза на переносной дисплей, где сгрудились графики и диаграммы. Кажется, на этот раз она рассчитала досконально. Всех дыр не залатаешь, но у матрицы будет время, чтобы восстановить разрушенные части. Пусть даже это не вернет ее родной планеты.

Месяц она проверяла все известные определители в формуле и стоящие рядом с ними элементы, а Хтор тем временем подгонял ее испепелить Землю и отправиться дальше. Дальше… усмехалась она. Ей не хватило бы и девяти жизней, чтобы пройтись по всей матрице, но и того, что она уже сделала, на первое время достаточно. Провалы — десятки, сотни. И никто раньше не обращал на них внимания. Создавалось ощущение, что Вселенная болеет. И виной тому… Ракра никак не могла понять — ответ раз за разом ускользал от нее. Она видела, что все связано с определителями, но они были своего рода симптомом или даже не так — иммунной

реакцией организма.

— Когда запускаем сеть, кэп? — Кростор устал ждать на другом конце провода.

Ракра в последний раз сверилась с расчетами.

— Заводи таймер. Пятнадцать минут.

— Есть, кэп.

Видеосвязь прервалась. Ракра отложила свой переносной дисплей и нажала на красный треугольник на большом экране. Раздался протяжный гудок, затем три коротких, и каюту наполнило тихое потрескивание радиоэфира.

— Всей команде занять свои места, приготовиться к аварийному старту. Повторяю. Всей команде занять свои места. Пристегнуть ремни.

Отключив громкую связь, капитан вывела схему звездолета. Красные точки сновали туда-сюда и замирали. Через минуту на экране была статическая картинка. Ракра вытащила из ящика под экраном белую коробку, приложила к ней палец. Щелкнул замок — теплый, будто живой, черно- зеленый шар лег ей в руку. Капитан вернулась в свое гнездо, села в позу лотоса и прикрыла глаза. Громкая связь снова заработала — Кростор пустил таймер. Отлично.

Гигантские цифры мигали на большом экране. Ракра знала, что сейчас антенны звездолета, все

до единой, разворачиваются в сторону 403-3. Она представила, как ощетинился корпус корабля, и подумала, что земляне сейчас наверняка запускают систему ПРО. С их стороны глупо было бы не следить за теми, чью планету они уничтожили. Что ж, посмотрим. Она подумала о своем экипаже — каждый сейчас сидел в своем кресле, руки утоплены в мягкие подлокотники, кишащие датчиками. В обычной ситуации они снимали показания организма, но после перепрограммирования… Кростон, чудак, так и не заметил приписанных ею строк кода…

Часы показывали 00:00:13. Совсем чуть-чуть. Ракра покатала шарик в ладони, затем приложила его к грудине. Раздался писк на очень высоких частотах. На черном экране бело-голубым светилось 00:00:00. Ракра вдавила шар что было силы.

* * *

Центры нацбезопасности по всему миру не успели отреагировать. Да, собственно, они и засечь ничего не успели. Звездолет центавриан не выпустил ракет, не включил лазеры — он просто начал передавать сигнал. Кодировка была непривычной, и только. Прежде чем компьютеры взялись за расшифровку, все люди — в центре,

в других офисах, во всем городе, на всей планете — отключились. По-прежнему гудели вышки электропередач, из колонок в кафе и на заправках разносилась музыка, телевизоры показывали новости и сериалы домохозяйкам, повсюду горел свет — в офисах, квартирах. Жило все, кроме людей. Сидя, стоя, лежа, на работе, в квартире, на улице, в магазине они замирали: нервные клетки переставали подавать сигналы конечностям — функционировал только мозг. Глаза оставались открытыми, зрачки расширялись, но они не видели того, что происходило вокруг. Они видели то, на что заставлял их смотреть сигнал с корабля. Раз за разом. Словно зацикленный плейлист. Скулы и челюсти сводило судорогой. У некоторых текли слезы, хотя они даже не могли их сморгнуть. У одних пересыхало во рту, у других обильно выделялась слюна. И на всех без исключения лицах застыло выражение ужаса. Ужаса вскрывшихся воспоминаний. У каждого своих…

∞

Я еду в машине. Небо уже окрасилось розовым. Полупустое шоссе. В приоткрытое окно сочится запах травы и медоносов. Впереди маячит придорожное кафе, и я подумываю, а не отведать ли

мне шашлычка. До Казани еще 800 километров, сообщает указатель, а я и так в пути без малого целый день. Я уже почти чувствую островатый вкус специй и томатную кислинку кетчупа, хруст слегка подгоревшего лука и вязкое, немного жестковатое мясо. Буууууу… трубит зачем-то фура, едущая навстречу. Бум. Что-то массивно и глухо ударяется о капот. Пальцы инстинктивно вцепляются в руль, боковым зрением вижу крупный силуэт, который описывает дугу в воздухе. Сердце судорожно колотится. Слева визжат тормоза фуры. Я тоже бью по тормозам, криво выворачиваю на обочину, выскакиваю из машины. Что-то произошло. Возвращаюсь назад. Фура замерла впереди, метрах в десяти. Ноги то семенят, то вязнут. На неровном асфальте лежит куль. Я наклоняюсь, не дыша вглядываюсь. Обратно на меня смотрят остекленевшие глаза, вставленные в кусок изодранного в клочья мяса. Я еду в машине. До Казани ровно 800 километров.

Бесконечно…

∞

Я лежу на кровати и таращусь на яркие лампочки. Свет в них кажется жидким, будто его можно потрогать. Я знаю, что с руками и ногами все в

порядке, но не могу заставить их пошевелиться. Сквозь неплотно притворенную дверь слышно, как в душе течет вода. Это он моется. Моется после того как… Я ведь не хотела. Я просила. Свожу ноги. Кажется, чувствую каждый синяк. Раздается шлепание мокрых ног по линолеуму, и скрипит дверь. Я лежу на кровати. От яркого света перед глазами бегут пятна. Чувствую каждый синяк на теле…

Бесконечно…

Бесконечно…

Бесконечно…

∞

Я…

∞

Я…

∞

Я…

«Вспоминайте… Вспоминайте…»

* * *

Звездолет центавриан двигался по орбите 403-3. Двести три члена экипажа мирно спали, каждый на своем месте, словно их погрузили в гибернацию перед длительной экспедицией. Компьютеры показывали время в полете — пятьдесят два часа. Шел пятьдесят третий виток вокруг голубой планеты. Но если приглядеться к экипажу, на лицах застыло выражение крайней сосредоточенности — не было в них ни радости, ни печали, ни умиротворенности. В мозгу каждого строчка за строчкой бежала гигантская формула с подсвеченными желтым определителями. Каждые три часа формула сменялась картой Вселенной, на которой красными опухолями пульсировали детерминанты. Еще тысяча циклов, и ее команда будет знать, как действовать, что делать с определителями. Тогда корабль запустит двигатели и отправится по заложенному маршруту. Она уже едва ли сможет им помочь. У нее остались лишь воспоминания, режущие скальпелем. Ее воспоминания:

∞

Я стою под проливным дождем на стартовой площадке космодрома. Сергей напротив. Он улыбается, но как-то извиняюще, отстраненно. «Улетай, если надо», — говорит он, совершенно не сожалея. «И ты не будешь скучать?» «Знаешь же, сколько работы. Нужно будет подключить все твои расчеты в нашу базу и мою формулу». А меня ведь не будет, может, лет десять. Может, никогда. «Ну, давай. Не стоит вам задерживать старт, да и у меня дел… ну ты сама знаешь». Он раскрывает руки, и мы обнимаемся. Он даже похлопывает меня по спине, этак по-дружески. И я понимаю, он больше никогда меня не поцелует. Я стою под проливным дождем… Бесконечно…

* * *

Сергей открыл глаза и заморгал. Он сидел у себя в кабинете. Царила тишина. Никаких взрывов, горящих звездолетов на краю Вселенной. Он не очень понимал, что творилось в его голове последние… Сергей сверился с часами на дисплее и не поверил глазам — на экране мигало 13 февраля. Три недели! Но это точно был не сон. Очень

походило на воспоминание, но он ведь ни разу не летал в космос. И космодром посещал лишь однажды — когда Ракра покидала Землю. Три недели назад она отправилась к другим звездам, улетела, чтобы пересечь расстояние, которое он установил между ними. С глаз долой — из сердца вон? Она хотела забыть, забыться в своих определителях. Он же теперь хотел вспомнить. И помнил. Давно ушедшее желание… Сработала квантовая запутанность, для которой световые годы ничего не значат. Но не это главное. Он знал то, чего не знала она.

Сергей с трудом поднялся из кресла и добрался до окна. Мышцы походили на кисель, в голову будто вживили колючую проволоку. Город дрейфовал в летаргическом сне. Сергей не сомневался, что это дело рук Ракры. Он вернулся к компьютеру и ввел ряд команд. Машина не спешила выдать ему ответ. Наконец появились данные. Звездолет Ракры был на орбите, но он никак не реагировал на его запросы и сообщения. Сергей повторил алгоритм — безрезультатно. После долгого разрушительного сна он чувствовал себя истощенным. Не время отдыхать. Он опустился на стул и принялся за работу. Во что бы то ни стало нужно установить с ней канал связи. Он

должен переговорить с Ракрой, показать ей свою формулу, сказать, что она ошиблась, что все еще можно спасти. Что она — определитель.

Тим Яланский
Имена и котята

Падение было нелепым и обидным до ярости.

Мгновение назад Денис шагал к стоянке, сжимая в кармане автомобильный брелок, говорил по телефону, когда из-под ног вывернулась кошка. В темноте слепого от фонарей осеннего вечера серая тварь метнулась стремительно и внезапно, Денис запнулся, сделал полшага вбок, зацепился каблуком за мокрый от недавнего дождя газонный бордюр и рухнул прямиком в лужу.

Пальцы сжались, брюки на коленях промокли насквозь, в лицо плеснуло жижей. Денис зарычал и выругался. На зубах скрипнула грязь — в рот попала вода.

Денис сплюнул, поднялся и, стоя на коленях,

вытер колючим рукавом пальто губы, оглянулся в поисках телефона.

Ну конечно! В желтом свете фонаря треснувший экран переливался радугой, по нему змеились разводы жижи. Приехали.

На раскисшей газонной грязи отчетливо вырисовывалась цепочка кошачьих следов.

Денис поднял умерший телефон, сунул в карман измызганного пальто. До вылета самолета пять часов, нужно успеть метнуться домой и сменить одежду. Где-то в ящике стола валяется старенькая четверка — вечер поработать сгодится.

Чтобы не испачкать салон, Денис снял грязное пальто, свернул и кинул на заднее сиденье, захлопнул дверь и поехал прочь от погасившего окошки здания офиса.

Свет встречных фар песком сыпал в глаза, Денис хмурился и едва сдерживался, чтобы не заслониться рукой. Под веками чесалось, во рту пересохло, явственно ощущался привкус грязи. Денис ослабил узел галстука. Что же это такое? Не хватало заболеть перед вылетом.

Выруливая во двор, он чувствовал себя разбитым. На лбу проступила испарина, фонарь над подъездной дверью расплывался мутным гало,

хотелось зажмуриться. Денис захлопнул дверцу, попутно отметив, что забыл пальто в салоне. Домой… Домой… Выпить таблетку чего-нибудь от разгорающегося гриппа. Мокрые штаны облепили голени, от влажных носков закоченели ступни.

Скрипнули перила. Дрожащими пальцами Денис вставил ключ в замок, едва не упал, когда дверь послушно подалась.

Мокрую одежду долой… Зашипела таблетка в стакане воды, цокнули стучащие от холода зубы.

Скоро лекарство подействует. Нужна теплая ванна.

Рефлекторно кликнув по выключателю, Денис скривился. Слишком ярко. Он пригасил свет и включил воду. Зеркало отразило взъерошенные волосы и черные расширенные зрачки. На дне их что-то пульсировало.

Горячая вода шумела, катилась по покрытой мурашками коже, не в силах вымыть озноб. Денис сидел, обхватив колени, когда почувствовал тошноту. Вкус уличной лужи усилился, перекатывался на корне языка. Денис выключил кран, выбрался, ощущая слабость, закутался в махровый халат и поплелся к дивану. Нужно посидеть. От горячей воды стало только хуже.

Потом — подойти к шкафу, одеться и лететь… Вызвать такси…

Реальность двоилась и плыла мутными пятнами, а потом рассеялась дымкой на ветру.

Тук-тук-тук-тук… Сердце стучало, отдаваясь гулом в ушах.

Душная тряпка мешала дышать. Денис повернулся и сел, опираясь на руки, ткань сползла с лица. Тошнота прошла. Наполненная серебристым туманом комната изменилась, как в болезненном сне: пространство вытянулось, а предметы нависали, давили чужеродностью.

Денис прищурился, пытаясь сосредоточиться на «неправильности», заморгал. Туман мешал смотреть, сглаживал контуры предметов, искажал цвета.

Попытка встать принесла неудачу — Денис чуть не свалился, едва успев вцепиться когтями в велюр дивана.

Когтями?

Он смотрел на руки, в горле затухал стон ужаса. Гладкая подушечка, мех цвета золы. Кошачьи лапы органично смотрелись в комплекте с пушистым животом, испещренным полосами и пятнами — метками простого дворового хищника.

Денис отрывисто дышал, оцепенев от страха и иррациональности происходящего. Он смотрел на мерно вздымающийся мохнатый живот и чувствовал, как дрожат уши, послушно складываясь и расправляясь навстречу теням в углах. Сейчас он проснется, вспотевший от болезненного сна, мерный гул в салоне самолета и затекшая шея вернут в реальность. Денис сгорбился, отвел от живота взгляд, покосился на узор паркета: понимание, что это не сон, накатывало все сильнее.

Он сделал несколько выдохов и осторожно слез на пол. Мысль о том, чтобы ходить как обычно, отпала, стоило попытаться ее воплотить. Непривычно маленькие ступни заставляли балансировать, выпячивать живот, напрягать шею. Денис сдался. Опустился на все четыре конечности и поплелся на кухню. Пить хотелось неимоверно. На диване остался лежать мятый халат.

Денис держался стенки, отмечая серые тени в прихожей, пространство заполняла серебристая дымка, стены уходили вверх на недосягаемую высоту. Цвета поблекли и переливались.

Кухонная мойка возвышалась над головой, и Денис замешкался. Он знал, что обычные коты вспрыгивают на такую высоту спокойно. Денис оглянулся. Урчащий холодильник, катышки пы-

ли за плитой, паутина под батареей… Все тонуло в тумане, одновременно не ускользая от внимания и размыто мерцая. Даже тьма отступала, подсвеченная этой серебристостью.

В принципе, если он не допрыгнет, никто не увидит промаха. Ноги напружинились и вознесли тело вверх. Чуть не врезавшись в шкафчик, Денис растопырил лапы, когти скрипнули по столешнице. Не рассчитал. Тело дрожало, но в глубине души разгоралась гордость. Вот как он может! Ничем не хуже настоящих котов.

Напряженный хвост метался из стороны в сторону, по нему катилась приятная волна бодрости. Рычаг крана подался нажиму лапы, и Денис с наслаждением подставил рот, захватывая струю языком, вылизывая ее, направляя. Он пил, жмурясь от удовольствия, после закрыл кран, отряхнул лапы и мягко спрыгнул на пол.

Что же делать? Он даже не знал, что именно случилось и почему.

Почему он превратился? И почему — в кота? Должна быть какая-то причинно-следственная связь. Хотя о какой рациональности речь? Тут фантастика, сказка. Но сказки — это детские выдумки, тем более про превращения в животных. Совершенно антинаучно. ДНК, масса тела же…

«Не пей из лужи, козленочком станешь», — всплыло в голове, и Денис опешил.

Ведь он действительно попробовал водицы из кошачьего следа.

Что же там дальше было?

Денис уперся лбом в холодную дверцу холодильника и попытался вспомнить. Аленушка и маленький глупый Иванушка. Была еще старая ведьма, которая хотела козлика съесть, а он спасся, и…

Перед глазами замелькали цветные червячки. Иванушка кувыркнулся и стал человеком.

А самолет уже улетел.

И его-человека будут искать. Вот только в кошачьем облике не узнают, хоть убейся.

Денис поежился.

Холодильник урчал и вибрировал. Кот уперся головой между лап, оттолкнулся. Гладкий пол ударил по хребту, тело извернулось, Денис вскочил, напружинил хвост. Ничего не получилось. Может быть, нужно подпрыгнуть и уже в прыжке перевернуться? Он вздохнул, покосился на стену и потрусил в спальню. Там хоть коврик есть… Прыжки с кровати ничего не дали, и, расхрабрившись, Денис сделал великолепное сальто прямо на полу. В зеркале мелькнуло изогнутое

кошачье тело.

Ничего. Ноль. Зеро.

В задумчивости Денис хотел потереть подбородок, поднял лапу и начал ее вылизывать. Язык сновал между крючковатыми страшными когтями, прочесывая шерстинки и щекоча пальцы. Может быть, сказка ошиблась, и переворачиваться нужно там, где случилось превращение?

Денис вздохнул. Как выбраться из квартиры, он не представлял. Третий этаж, застекленный балкон.

Язык укладывал шерстинку к шерстинке, скользил по локтю, по груди — порядок умиротворял и успокаивал. Он у себя дома. Холодильник есть, вода, тепло…

Постель была родной, знакомой и пахла человеком. Денис свернулся клубочком, уткнулся носом в лапу и задумался. Нужно включить компьютер и найти легенды об оборотничестве, где-то должен быть ответ…

Хлопнула дверь, Денис проснулся, вскочил и выгнул спину.

Он совсем забыл, что попросил соседку со второго этажа присматривать за порядком и поливать дареную сотрудниками драцену. Пожилая Марья Васильевна была в семейном кругу деспотом, но

дотошность в мелочах делала ее надежным человеком. Она ворчала, перекатывалась колобком на подагрических опухших ногах, но от острого наметанного взора не ускользал и малейший беспорядок. А уж сколько энергии скрывалось в пожилом ответственном человеке! Уму непостижимо. Как в термоядерном реакторе, не меньше.

Денис стек с кровати и подкрался к дверям. Уставшие после ночных кувырканий лапы ступали бесшумно, по позвоночнику прокатилась волна возбуждения, уши ловили каждый шорох.

Шаги раздавались в соседней комнате.

Свет дверного проема заиграл, замерцал, пропуская в заполненный неизменным серебристым туманом коридор женскую фигуру с ворохом одежды в руках.

Это не Марья Васильевна!

Шерсть на загривке поднялась дыбом, и Денис потрусил в сторону кухни, где скрылась незнакомка, осторожно заглянул. Девица сидела спиной к коридору, утрамбовывая разбросанную вечером грязную одежду в стиралку. Светлые волосы были завязаны в два хвоста, синяя полосатая футболка задралась над джинсовыми шортами, обнажила украшенную ложбинкой загорелую поясницу. Так и есть! Это не Марья

Васильевна, а ее родственница… как ее? Варька? Ларка? Как-то так.

Ну, Марья Васильевна, ну, дрянь старая! Доверила его гнездо какой-то девице с голыми коленками. Денис трепетно относился к своему холостяцкому логову и ревновал каждый раз, когда очередная подружка, нарядившись в *его* рубаху, пила из *его* чашки, разбрасывала по полу белье, оставляла в ванной на расческе волосы, а на подушке — помаду.

Девица — Варька или Ларка — тем временем устроилась в кресле, поджав ноги и прихватив — его! — книгу с подоконника.

Этого Денис стерпеть не мог. Он прижал уши и выругался — шипение вырвалось из глубины кошачьего «я». Девица удивленно оторвала взгляд от страницы и уставилась на крупного полосатого кота в дверях кухни.

— Откуда ты?.. — она махнула книгой в сторону подобравшегося зверя, таращившего злые зеленые глаза, и поискала взглядом, чем бы его прогнать: «Небось, проскользнул сюда из подъезда, стервец! Неужто двери не закрыла?»

Выгнать кота необходимо самой, ведь иначе она подведет бабушку Машу, которую сегодня замучил прострел, и она доверила миссию внуч-

ке. Уж если животное успеет пометить углы, то вонять будет немилосердно, и Денис Сергеевич, когда вернется, станет хмуриться и морщить нос.

Дениса Сергеевича Варвара побаивалась и стеснялась. Еще школьницей она была влюблена в высокого широкоплечего мужчину из сто второй квартиры — он казался идеалом. Изредка сталкиваясь на лестнице, она шепотом здоровалась, не решаясь поднять взгляд. Голова кружилась от острого запаха дорогого одеколона и от улыбки, сквозившей в теплом низком голосе. Варя, заливаясь румянцем, смотрела ему вслед из окна — черноволосый, стройный, всегда в ладно сидящем костюме — и рисовала сердечки пальцем на запотевшем стекле, а маркером — на стене подъезда, за что теперь ей было невыразимо стыдно. Сейчас, находясь в его квартире, Варя чувствовала смущение и волнение. Когда она заметила разбросанную грязную одежду и решила ее убрать, сердце зашлось от одного прикосновения. И вот сейчас в святая святых появилась угроза — постороннее животное.

Варя исполнилась храбрости, ухватила сложенную на полке скатерть, чтобы набросить, если кот попытается удрать. Такого голыми руками

не возьмешь!

— Котик… Котик… — обратилась она к нему, стараясь умиротворить животное ласковым голосом. — Брысь! Иди домой! — Она махнула скатертью. — Туда иди!

Брови сошлись над сверкающими синими глазами.

Денис опешил.

Эта дрянь! Кричала! На него! В его доме!

Да он сам ее сейчас выгонит!

Денис не знал, как ведут себя настоящие коты, когда взбешены, потому заорал и прыгнул, стараясь напугать девчонку.

Она взвизгнула, отскочила — когти увязли в ткани скатерти, и кошачье тело по инерции врезалось в холодильник.

Бамс! — вышибло дух, и Денис шмякнулся на пол. Загремела по полу турка, непрошенная гостья накинула на Дениса скатерть и обхватила его обеими руками. Кот рычал и отбивался, всем телом выворачиваясь из ловушки, но пальцы на загривке держали крепко.

— Тяжелый какой, — пробормотала запыхавшаяся девица.

Щелкнул замок — и Денис перевернулся в воздухе, стараясь упасть хоть чуть дальше ступеней.

Когти скрипнули по бетону, заболели ушибленные о холодильник ребра. Двери квартиры победно захлопнулись.

Вот и все.

* * *

Ветер лениво шевелил листья в палисаднике. Денис ступал по узкой асфальтированной полоске вдоль стены.

Со вчерашней ночи лужи высохнуть не успели, а ноги мочить не хотелось. Зато асфальт был отвратительно колким и неровным. Лапы страдали. По крайней мере он мог добраться до офиса и кувыркнуться там. Должно сработать. Пусть только попробует не сработать.

— Кис-кис-кис, — услышал он и обернулся.

Старушка в плюшевом балахоне и меховых ботах высыпала из банки в щербатую миску объедки. У ее ног крутились две облезлые кошки — черно- белая и трехцветная.

Денис потянул носом и понял, что хочет есть. Он уже двинулся в сторону миски, но отвернулся.

Сначала дело: он превратится в человека и съест что-то настоящее.

Денис потрусил через чужой двор с качелями, затененными облезлыми кустами. В центре дво-

ра был небольшой неработающий фонтан.

— Ми-и-и-иу… — донеслось оттуда жалобное мяуканье.

Денис вспрыгнул на бордюр и заглянул вниз.

В бетонной чаше в ворохе блеклых листьев кто-то шевелился. На Дениса уставились большие светло-голубые глаза.

— Ми-и-и-иу… — повторил котенок.

«Ну вот, теперь с ним нужно что-то делать, — думал Денис, наблюдая, как спасенный Рыжик весело крутится под отсыревшей лавкой, ловит собственный хвост. — Он же совсем маленький. И, наверное, тоже голодный».

Он не знал, бывают ли у котов имена, ведь он не совсем кот.

Поход к офису откладывается.

Денис подхватил за шкирку пушистого мелкого и потащил назад, в свой двор. Бабка-кошатница ему молока нальет — хоть какой-то шанс выжить сегодня, а, может быть, и пережить грядущую зиму.

Он нес через дорогу смиренно болтающегося Рыжика. Лапы кололо камешками асфальта, неровно крашеными белой краской на «зебре». Кто- то клацнул фотоаппаратом. В душе бурлило раздражение.

От котенка пахло молоком, ромашками и мокрой грязью.

«Я теперь спасатель одиноких котят», — морщился Денис, но продолжил семенить вперед.

— А-а-аргх! — здоровенная псина дернулась навстречу, клацнули страшные зубы, звякнул удерживаемый хозяином ошейник с шипами.

Котенок испугался, растопырил лапки навстречу чудовищу, теплая жидкость оросила асфальт.

Изо рта псины воняло, капельки слюны брызнули в морду.

Денис чувствовал, как затряслись ноги, а шерсть на выгнутой спине встала дыбом. Эта тварь легко порвет его пополам, и всем будет все равно!

Он прибавил ходу и, не разжимая зубов на загривке Рыжика, скрылся в серебристом сумраке двора.

Луна выкатилась в непроницаемое, подернутое пеленой небо, осветила колодец двора. Похолодало. Ночной ветерок трогал шерсть, холодил нос. Где-то вдалеке лаяла собака.

Живот от голода подвело, бок грел свернувшийся клубком рыжий котенок.

Денис не мог спать. Его одолевали блохи.

Кот лежал на лавке, свесив лапу, и мысли его

были нерадостными.

Если он не добудет хоть что-нибудь съестное, сил на путешествие может не хватить. А что если теория не верна и он не превратится обратно, даже если найдет то самое место, где упал? Завтра он должен научиться ловить крыс и голубей, иначе придется рыться в мусорке…

Стоп. А что, если найти лужу в отпечатке человеческой ноги и попить из нее? Произойдет ли обратная реакция?

Денис взволновался. Он осторожно подвинулся, чтобы не разбудить приблуду, сел и уставился в окутанный серебряным полумраком двор. Даже ночь теперь не сильно отличалась от дня. Где можно найти отпечаток босой ступни в жидкой грязи? Со вчерашнего вечера все подморозило, теперь никаких луж…

Денис вспомнил голые колени сидящей в кресле девушки с книжкой и улыбнулся. В квартирах его знакомых почти не водилось бумажных книг, и, надо сказать, в подсмотренном мельком зрелище светилось что-то уютно-невинное. Интересно, а эта… Галя… тоже не помнит, как его зовут?

Словно откликнувшись на мысли, раздался девичий возглас. Денис обернулся и уставился в конец двора, растопырив уши.

— Не трогай меня!.. — послышалось со стороны въезда во двор, затем последовало неясное мужское бурчание и смех.

Денис спрыгнул с лавки и потрусил на звуки.

Давешняя гостья — внучка Марьи Васильевны — прижималась спиной к кирпичной стене рядом с водосточной трубой, стараясь загородиться простеньким пластиковым тубусом. Студентка. Двое гопников подступали к ней, Денис видел ухмылки на мерзких рожах.

— И-и-и-и! — взвизгнула Галя — или Валя? — пнула ногой в колено одного из уродов и попыталась сбежать. Тот сграбастал ее за светлые волосы, вывернул так, что у девушки подкосились ноги, она закричала. Каблук поехал по асфальту.

Второй протянул ладонь, сжал ее лицо.

Денис, не раздумывая, прыгнул, выставив перед собой когти. Он чувствовал, как расплывается в оскале ощеренная морда, он был барсом, львом и леопардом, сконцентрированными в одной зверюге!

Теплая кровь брызнула в рот, когда он вцепился в кадык ублюдку, держащему девчонку за волосы. Противник выл и хрипел.

В бок тупо и страшно ударило, кот отлетел в сторону. Было больно вдохнуть, но глаза засти-

ло красной пеленой ярости. Он снова зарычал и прыгнул на второго, ударившего его кулаком. Руки пытались оторвать его, но кот только ожесточеннее атаковал, когда сквозь кровавую пелену пробился девичий голос:

— Брось!.. Фу!.. Хватит!.. Фу!..

Денис оттолкнулся от добычи и неуклюже упал. Тело ломило. Кот тяжело дышал, слушая хриплый вой убегающего. Куда подевался второй — его не волновало. Он победил!

Зашуршало пальто, девушка присела рядом с ним, Денис прижмурился. Узнает в нем того самого кота, которого выкинула из квартиры?

Ладонь коснулась ушей, опасливо погладила по лбу.

— Котик… Герой мой… Ты чей, котик?

Денис ткнулся в теплую девичью ладошку, и в глубинах его кошачьего «я» родилось урчание.

— Бабушка заругается, — улыбалась Аля… Или Валя? Пальцы растирали мыльную пену по кошачьей шерсти.

Денис терпел. Он был рад смыть с себя грязь и кровь. Бок болел немилосердно. Может быть, Аля… Валя… догадается показать его ветеринару? И купить что-нибудь от блох.

Надо же, сколько лет живут бок о бок, а он нико-

гда не бывал в этой квартире. Да и саму девушку привык воспринимать как малолетнюю пигалицу со светлыми косичками. Он вдруг осознал, что совершенно ничего о ней и не знает.

— Ну и пусть ругается, — девушка сдула гроздь мыльных пузырей. — Ты будешь моим, я буду о тебе заботиться. И назову тебя… — она внимательно поглядела в умные зеленые глаза с вертикальными щелочками зрачков. — Назову тебя…

Время замедлилось. Казалось, невидимая нить протянулась между сидящим в ванне огромным полосатым котом и девушкой в мокрой от брызг футболке.

Удар сердца… Еще удар…

Варе вдруг показалось, что она этого кота знает. Он выглядел совсем как…

— …*Денис*, — сорвалось с губ. — Денис.

Его настоящее имя.

Что-то в мире переключилось, пространство стянулось пуповиной, захлестнуло мгновенной тошнотой и головокружением.

— Привет, — сказал Денис, по-прежнему сидя в ванне, теперь поджимая колени. — Только тс-с-с-с… — Он приложил к губам мокрый палец.

Варя запищала, зажимая ладошками рот, во

все глаза глядя на голого, покрытого мыльными хлопьями мужчину. Она отпрянула, заскользила пятками по полу ванной, чуть ли не теряя сознание от испуга.

— Я все объясню, — пообещал он, — только сначала давай заберем с улицы Рыжика.

А соседку, как он узнал позже и никогда уже не забывал, звали Варварой.

Евгения Овчинникова
Пробуждение

— Мы не даем гарантий, что вас когда-либо оживят. И если в будущем технология оживления будет изобретена, мы не гарантируем, что ваше сознание будет воссоздано. Мы продаем возможность увидеть будущее. Пусть и с крошечной долей вероятности. У экскурсовода язык был подвешен. Она говорила громко, звучный голос добивал до дальних рядов, где сидели мы с женой Разношерстные посетители забили лекционный

зал до отказа, некоторые сидели в проходах. Экскурсовод взглядом опытного продавца шарила по залу, останавливалась на нескольких лицах, в том числе на моем. Убедительно смотрела в глаза, делая ударение на словах «будущее», «заморозка», «бессмертие».

— Вы сможете путешествовать во времени, если крионика достаточно разовьется к моменту вашего первого пробуждения. Главное — сохранить ваш мозг в целости и сохранности.

Экскурсовод Елена Анатольевна виртуозно управляла эмоциями. Наверно, бывшая актриса, подумал я. В моменты, когда речь шла о неизбежности смерти, ком подкатывал к горлу и слезы набегали на глаза. Когда она рассказывала о пробуждении и новых мирах, сердце прыгало от счастья так, что перехватывало дыхание. Криокомпании были в начале своего пути, и им было необходимо привлекать последователей. Больше безумцев, которые отдают деньги за призрачную возможность.

Нам обещали, вернее не обещали, оживление и восстановление согласно уровню развития технологий на момент пробуждения.

— Если мы овладеем технологиями восстановления тела целиком, то вы вернетесь жить в свое

тело. Может быть, технологии дойдут до того, чтобы напечатать вас, включая внутренние органы, на 3D-принтере. А возможно, ваше сознание будет оцифровано, и вы будете жить в виртуальной реальности, — глаза у нее светились, и вся разномастная экскурсионная группа воспаряла вместе с ней над землей и перемещалась в облака сияющей виртуальной реальности, где можно стать кем захочешь.

— А теперь заглянем в хранилище, где находятся пациенты, уже поставленные на паузу, — Елена Анатольевна сделала приглашающий жест в сторону дверей.

Все встали одновременно, задвигались стулья. Мы дождались, когда все вышли в холл, и двинулись к выходу последними — жена боялась толпы и всегда держалась подальше.

Группу, человек пятьдесят, завели в небольшую комнату с торчащими по периметру вешалками с висящими на них белыми халатами. Мы накинули их поверх одежды. Потом спустились в подвал и, попетляв по извилистому лабиринту, вошли в тускло освещенный зал, в котором стояло несколько сияющих металлических баков выше нашего роста. Под затейливой крышкой каждого бака, в самом верху, лепился синий ло-

готип CryoRussia.

— В одном таком дьюаре помещаются четыре цельнотельных пациента и шесть нейропациентов, — сказала Елена Анатольевна, указывая на баки.

— Цель-но-тель-ных, — шепнула жена на ухо и рассмеялась, уткнувшись лицом мне в плечо.

Экскурсовод строго посмотрела в нашу сторону.

— Что значит нейропациент? — спросил я.

— Значит, сохраняется только мозг, — отчеканила Елена Анатольевна. — Это стоит несколько дешевле, но и перспективы на оживление, сами понимаете… — Она многозначительно посмотрела нам в глаза.

Блестящие дьюары стояли рядами. Экскурсовод отражалась в сияющих баках, и группа — размытое пятно у нее за спиной. Мы с женой немного в стороне — белое пятнышко.

— Сколько людей вы уже заморозили? — спросили из группы.

— В настоящее время на паузу поставлен сто двадцать один пациент, — ответила Елена Анатольевна. — Сорок — цельнотельных, шестьдесят пять — нейропациентов.

Группа поскрипела мозгами.

— А остальные? — спросил другой голос.

Экскурсовод замялась.

— Это… ммм… животные. Некоторые из наших пациентов — животные.

Все удивленно молчали.

— Так что, можно заморозить кошку?

— Конечно! И кошку, и собаку. У нас есть даже мозг шиншиллы.

Раздались смешки.

— Боже, зачем оживлять шиншиллу? — спросила жена вслух.

Елена Анатольевна пожала плечами:

— Некоторые привязываются к животным не меньше, чем к людям.

Нам показали хранилище, и как оно защищено. Показали, как заливают жидкий азот в дьюары. Показали приспособление с миллионом шлангов, предназначенное для удаления крови из тела пациента. Показали баночку с жидкостью, которую вливают в мертвое тело вместо крови. Рассказали, что для хранения не требуется электричества и что содержание криопациентов достаточно дешево и по карману любому человеку со средним достатком, — на этих словах экскурсовод цепко посмотрела на тех, кого выбрала себе в жертвы.

Потом мы поднялись в холл, сняли халаты, и

началась часть экскурсии, где группе надлежало задавать вопросы, а Елене Анатольевне — отвечать на них. И когда все обычные, логичные вопросы были заданы и ответ на них получен, и только старик со всклокоченными сальными волосами и бородой до пояса выкрикивал несвязные фразы про кару небесную и отступников, Елена Анатольевна сказала, что экскурсия окончена и если среди присутствующих есть кто-то, кто хочет более детально обсудить свою криоконсервацию, пусть проследуют за ней.

И мы, и еще несколько человек проследовали за ней в небольшую переговорную комнату с овальным столом, на котором были в беспорядке разбросаны буклеты и стоял такой же, как в лекционном зале, человеческий мозг на подставке. Буклеты кричали: «Билет в мир будущего», «Плюс один шанс от крионики», «Заморожен сотый пациент, кто следующий?».

Пришел менеджер по продажам.

Нам рассказали, сколько стоит криоконсервация цельнотельного пациента (жена опять хрюкнула, услышав «цельнотельного») и если замораживать только мозги. Была еще куча услуг, которые налеплялись сверху, увеличивая финальную стоимость, как при покупке авиа-

билетов, если не отжать все галочки. За двоих выходило многовато, мы отговаривались, сказав, что придем через месяц, но менеджер по продажам держался за свои проценты. Он предложил заключить договор на одного цельнотельного пациента и одного мозга, а потом, когда будут деньги, внести изменения. Жена не выдержала и начала громко смеяться. Договоры мы подписали.

— Давай будешь цельнотельным, — сказала она. — А я оставлю только мозг.

— Почему не наоборот? — не понял я.

— Отпечатаю себя заново на принтере, когда проснемся. Нос, скулы подправлю. Ну и ноги, шею, рост.

— Ясно, — ответил я.

Осталось решить несколько вопросов. Будем ли брать браслет, который сигнализирует в компанию о смерти. Будем ли оплачивать доставку тела или парамедика к месту смерти. В общем, сотня мелочей, которая отвечала за качество тела при заморозке.

Тогда никто не говорил о бессмертии, ничего такого. В трех криокомпаниях в мире была заморожена тысяча человек. Друзья крутили пальцем у виска. Говорили, что лучше бы мы съездили в

кругосветку. Или купили квартиру. Или машину. Или завели ребенка.

Но мы ржали и фантазировали, как будем ездить наперегонки на тележках с ментальным управлением.

— Я — банка с мозгами на колесиках! — Она прыгала на нашей скрипучей кровати в квартирке на Парнасе, из окна — вид на новостройки. — Я врезаюсь в тебя, вжжжжж! — И она бросалась с размаху мне на руки, и я никогда не успевал подхватить ее, а если и подхватывал, то не удерживал, и мы падали на пол, и соседка снизу колотила по батарее.

Нам было по двадцать пять, поэтому разговоры про заморозку казались смешными. Два года назад она сбила меня на пешеходном переходе. Был первый снег, я шел к метро от работы. На перекрестке Виленского и Восстания шагнул на переход и увидел скулящую тормозами маленькую синюю машинку. Она скользила прямо на меня, девушка за рулем махала руками, я не сообразил отпрыгнуть, и, свалившись на капот, глухо стукнулся о лобовое стекло, потом скатился на дорогу. Машина остановилась прямо у меня перед носом, я перевалился на спину и в падающих с неба снежных хлопьях возникло ее озабоченное

лицо. Она встала коленями мне на грудь и от души шлепала по щекам:

— Вы живой?

Потом затащила меня в машину и усадила рядом с собой. Мы поехали в ближайшую Мариинскую больницу и долго сидели в очереди к травматологу. Так мы познакомились.

А еще три года спустя мы ехали в Выборг на выходные. На той же синенькой машинке, она за рулем, как всегда. Она рассказывала, как на работе откуда-то узнали, что после смерти ее мозг заморозят, и как над ней смеялись, и вдруг замерла. Вцепилась в руль и тяжело дышала, голова опускалась ниже и ниже. Я звал ее по имени, она не отвечала. Я перехватил руль — мы выехали на встречку, и ее голова опустилась мне на плечо, а руки упали на колени. И от того, как безвольно они упали ладонями вверх, мое сердце почти остановилось. Я бросил руль, машину болтало вправо-влево, а я кричал, не переставал звать ее по имени, понимая, что уже все, все, сейчас все закончится. Потом мы закрутились, в салон посыпались стеклянные крошки, и я крепко прижимал ее голову к себе, закрывал лицо ладонями, чтобы его не порезало осколками. И думал почему-то о том, что она расстроится, когда увидит

порезы. А потом наступила темнота.

Расконсервация 1

— Ты живой?

Удар по щеке.

Я вздохнул и почувствовал, как воздух наполняет пустые легкие. Воздух входил со скрипом, я закашлялся, но потом снова стал жадно дышать.

— Этот живой, давайте следующего, — голос удалился, и я, кашляя и захлебываясь воздухом, перевалился на бок. Но после этого в легкие будто вонзили нож. Сил закричать не было. Задыхаясь, перевалился обратно и, когда боль утихла, осмотрелся.

По серому бетонному потолку тянется нитка тусклых лампочек. Пахнет сыростью. Все тело в трубках и датчиках. Я рванул трубки, они оказались отсоединены, но датчики отлепились вместе с кусками кожи и волосами. Перетерпел боль и сел в капсуле, похожей на гроб. Длинный, тускло освещенный подвал. Впереди маячит светлое пятно — выход. Плотно стоят капсулы с криопациентами. Замороженные люди лежат под прозрачными крышками.

Те, кто меня разбудил, ушли уже далеко. Их было двое, мужчина и женщина в рабочей одеж-

де. Они катили скрипучую тележку на колесах, заставленную оборудованием с трубками. Они открывали крышки капсул, шаманили с трубками и кнопками, и вот следующий пациент садится, задыхаясь, в своем гробу.

— Как чувствуешь себя? — грянул голос сверху.

В ушах зазвенело. Я оглянулся — рядом стоял мужчина в рабочей одежде.

— Нормально, — попытался ответить я, но вместо слов раздался хрип.

— Связки пересохли. На, глотни. — Он держал в руках металлическую кружку и фляжку. Плеснул в кружку немного, протянул мне. Я заглянул. Мутно-белая жидкость. Выпил залпом. Сладковатая, похожа на жидко разведенное сухое молоко. Отдал кружку обратно. Мужчина обтер ее о робу и повесил, как и фляжку, на карабины на поясе.

— Спасибо.

— Все, иди, иди, дорогой. — Он подталкивал меня, помог перекинуть ноги через капсулу и опуститься на пол. Ноги хоть и были деревянными, но слушались. Все было как в тумане.

— За перила держись. Специально сделали. — Он указал на деревянные перила вдоль стены.

— Куда идти? — спросил я, хватаясь за брусок. Голос почти вернулся.

Он кивнул головой в сторону света. Я стоял, набираясь сил, — до выхода было никак не меньше пятисот метров. Тем временем мой помощник, насвистывая, натянул перчатки и подкатил к моей капсуле тележку с ведром и щетками. Он ловко убрал подушку и простыню и стал протирать капсулу изнутри. Уборщик.

Я с трудом дошел до выхода, обогнал тех, кто меня оживил. Они не обратили на меня внимания, даже головы не повернули. В конце туннеля с бесконечными рядами криокапсул был холл со стеклянными стенами. Я зажмурился, а когда глаза привыкли к свету, увидел, что холл похож на больничный. Сновали медсестры, врачи подходили к сидящим на каталках пациентам. За окном был сумрачный день поздней осени. Голые деревья, мутная речушка с мостиком. Во дворике прогуливались группки пациентов в пижамах. За оградой — город. Не разобрать какой. Вдалеке — сверкающие небоскребы, ближе — жилые дома, похоже на отреставрированные хрущевки.

— Вас уже прослушивали? — Меня подергали за рукав.

Молоденькая медсестра отвела меня на свободную каталку. Измерила давление, посветила в глаза фонариком. Врач подошла через час, холл

был переполнен. Спросила имя, фамилию, дату и причину смерти. Я, запнувшись, сказал, что автокатастрофа.

— Сознание сохранное, — сказала врач и напечатала на планшете.

— Какой сейчас год? — спросил я.

— 2132-й, — ответила она.

— А моя жена? Мы были вместе в машине.

Врач покачала головой:

— Этим занимаются другие службы. Выясните позже.

— В каком я городе?

Но она уже перешла к другому пациенту.

Я провел в больнице «восстановительный период», три дня. Огромный зал, разделенный только занавесками. Сотни оживленных пациентов. Несколько общих туалетов, столовая в том же зале — ряды столов. Пресную еду, какая бывает в больницах, подавали неуклюжие роботы. Кто- то радовался, кто-то плакал. О женах и родственниках нам ничего не сказали, информация была только в картотеках снаружи.

Это была Москва. CryoRussia разорилась пятьдесят лет назад, ее консервы (так сейчас говорили) перекупила большая московская компания. Мы собирались у телевизора. Показывали протесты.

По всему миру, на всех языках. «Сократите количество консервов». «Кто будет работать, если все спят?» «Введем квоты на заморозку». «Скинем консервы с шеи!» «Долой мнимое бессмертие!» Треть мира спала в своих металлических гробах после того, как криоконсервацию узаконили для живых. Оставшиеся протестовали, не желая платить налогов на их содержание. Похоже, крионикой чересчур увлеклись.

Компаний по заморозке развелось тысячи. Замораживали всех подряд: умерших от старости, от рака и от сердечных приступов, погибших от новых эпидемий. Даже в редчайших авиакатастрофах замораживали все останки подряд, в надежде, что в будущем воссоздать человека можно будет по любой части тела. Улицы были увешаны рекламными плакатами: «Путешествуй во времени вместе с крионикой», «Оставайся в том времени, которое придется тебе по душе».

В некоторых странах пошли навстречу протестующим и размораживали цельнотельных пациентов, чтобы они отрабатывали свое содержание. Потом, через пять лет, пациента могли заморозить снова, по его желанию. Правда, среди пациентов был такой уровень самоубийств и алкоголизма, что митингующие могли не беспо-

коиться — содержать становилось почти некого.

В больнице рассказывали о женах, мужьях, детях. Рыдали, вскрикивали по ночам. Три дня спустя нас отвезли в общежитие — беленькие каморки с мебелью, ванная в каждой комнате. В моей была розовая занавеска. Окно выходило в парк, там на детской площадке, с виду футуристической, а на деле — самой обычной, резвились дети.

— Заработаете денег — съедете, — сказал нам комендант на общей встрече. — Завтра в девять — явиться к начальнику картотеки. Оттуда распределят на работу.

На следующий день я явился в низенькое серое здание картотеки на улице Баженова. Начальник картотеки, похожий на тестя, только с усами, задавал вопросы. Имя, дата рождения, дата первой смерти, образование, род занятий при первой жизни. Род занятий при первой жизни, маркетолог, его не заинтересовал. Зато хобби пришлось по душе.

— О, автомеханики нам нужны!

— Вы до сих пор ездите на машинах?

— Не совсем, но принцип тот же.

Он отправил меня на станцию технического обслуживания. Недалеко от общаги, четыре

человека и один молчаливый робот. Второй автомеханик рассказывал за обедом пошлые анекдоты. Начальник был бывшим криопациентом. Он второй год дожидался разморозки сына и не мог говорить ни о чем другом. Он верил в одну из идей, которую высказывал один из миллионов проповедников крионики.

— В общем, есть такая теория, ну, знаете, в которой мир развивается не по восходящей, а по синусоиде, вверх-вниз. Так вот. Если прыгать во времени, ну, не прыгать, а замораживаться, вы поняли, то мы рано или поздно проснемся в точке, в которой развитие будет точь-в-точь, как когда мы умерли. Понимаете? Почти что вернемся домой.

Было целое психологическое сообщество, которое изучало феномен низкой социальной интеграции криопациентов.

Вечерами и в единственный выходной я искал ее. Картотеки, фонды информации, поездки в Питер. Я делал запросы, строчил требования и жалобы. Год спустя расследование привело в компанию, перекупившую CryoRussia. Тогда в компании стажировались студенты. Одна из них, Маша, с наивными голубыми глазами, искренне пыталась мне помочь. Однажды она пригласила

меня в офис и повела в подземное хранилище. Мы спустились на лифте на самый последний, двенадцатый этаж и петляли по лабиринтам, потом про шли несколько залов, где спали люди в стеклянных гробах.

— Я нашла незарегистрированных нейропациентов, — возбужденно рассказывала стажерка. — Их лет пятьдесят назад признали негодными к восстановлению, поэтому не поставили на учет. — У меня похолодело в груди. — Но еще хранят. — Она обернулась на ходу, широко улыбаясь — с таким энтузиазмом я в детстве интересовался динозаврами. — Там есть папки с информацией. На бумаге, представляете?

После бесконечных поворотов, казалось, мы прошли под землей всю Москву, мы оказались в тупиковой комнатке без вентиляции. Единственная лампа освещала тускло светящиеся прозрачные хранилища с мозгами. На каждом из них был налеплен номер. Пока стажерка перебирала папки в коробках на полу, я присел и рассматривал контейнеры. В одном мозг был словно подернут тусклой пленкой. В другом — повреждено правое полушарие.

— Красавина Ирина Сергеевна, — Маша повернулась ко мне. — Она?

Я кивнул.

— Разрыв аневризмы головного мозга, вследствие чего — автомобильная авария и сильные повреждения тела, — перечисляла она.

— Нам не хватило денег на сохранение всего тела, — сказал я.

Она оторвалась от папки, сказала с сожалением:

— Ее все равно не стали бы сохранять целиком.

— И что теперь?

— Сейчас с такими пациентами не работают. Мы еще не восстанавливаем тела. И не знаем, как работать с мозгом после разрыва.

— Но я могу хотя бы заплатить за хранение?

Маша сморщилась:

— Не знаю, спрошу у начальника отдела.

Мне в порядке исключения и, наверное, только из-за просьбы Маши разрешили перезаключить договор на хранение ее мозга. Криокомпаниям все еще были нужны деньги.

Когда срок моей разморозки подошел к концу, медики все еще не имели понятия, как восстановить мозг после разрыва аневризмы. Поэтому я отработал последний день в мастерской, угостил всех тортом, вечером пошел в свою криоком-

панию, перепроверил у администратора свое завещание разморозить меня, когда станут доступными технологии восстановления мозга и тела, лег в свой гроб и умер во второй раз.

Расконсервация 2

Гудение аппаратов. Рассеянный свет, глаза не режет. Снова воздух наполняет схлопнутые легкие. Снова боль и хрип вместо слов.

Надо мной склонилось озабоченное белое лицо андроида, какими их показывали в кино во время моей первой жизни. Он двигался заторможенно и слегка поскрипывал. Андроид помог мне сесть в капсуле.

— Как. Вы. Себя. Чувствуете? — спросил он раздельно. Голос был женский.

— Мимику вам хорошо сделали, — хотел ответить я, но закашлялся.

Андроид протянул мне прозрачный стакан с белой жидкостью:

— Выпейте. Вам. Станет. Лучше.

Я выпил.

— Почему ты как мужик, а говоришь женским голосом?

— У. Нас. Нет. Пола. — Андроид нахмурилась и укатила.

В белом зале с медицинским оборудованием не было никого, кроме меня. Но как только я, набравшись сил, спрыгнул на пол, ко мне подбежали несколько врачей. Меня снова усадили на каталку, измеряли давление, светили в глаза и спрашивали имя и дату первой смерти. Когда с формальностями закончили, перевели в отдельную палату. Я дожидался дежурного врача и смотрел в окно. За ним был утопический мир: белые каскадные здания со свисающей зеленью, пролетали квадрокоптеры с грузом. Во дворе так же, как всегда, гуляли пациенты в пижамах. Я порадовался знакомой картине.

Был 2456 год. На мой второй вопрос ответили, что замена тела хоть и возможна, но аневризма не позволяет восстановить ее мозг.

— Зачем вы меня разбудили?

— Видите ли, по новому законодательству, мы обязаны будить пациентов, если они заморожены более трехсот лет. Чтобы сообщить им о перспективах.

Три дня в больнице. Врачи и медсестры замеряли, брали анализы и проводили тесты на сохранность интеллекта.

Криоником больше не увлекались. Пока я спал, стало модно жить без заморозки так долго, как

возможно. Продавались искусственные органы взамен испорченных.

В этом мире к нам относились с сочувствием, хоть многие и считали, что пора всех перебудить и закончить с этим мнимым бессмертием. Мы имели право на пожизненную пенсию и жилье, официально — ментальная инвалидность, неизлечимый случай. Но все это меня не интересовало.

Я вышел из больницы и в тот же день отыскал ее хранилище. Они перевезли нейропациентов за город. Меня долго проверяли, требования к безопасности были повышены, но все-таки пустили внутрь. Мозги пациентов стояли на стеллажах в алфавитном порядке, как в библиотеке. Я блуждал между рядами, сверяясь с номером, который мне дали. Тут были и другие родственники. Старики, стайка хихикающих подростков. Полки с поврежденными и целыми мозгами. Наконец я нашел ее. Тот же самый контейнер с тем же номером. Взял со стеллажа, ожидая, что сейчас заверещит сигнализация и прибежит охрана, чтобы скрутить меня, но ничего такого не произошло. «Они никому не нужны», — догадался я. Как старые, потрепанные издания в библиотеке. Но контракты на заморозку обязывали хранить их.

Прижимая контейнер к себе (ее голос: «не прижимай так сильно, помаду сотрешь»), прогулялся между рядами. Хотел рассказать ей о новом мире и о том, как скучаю, но не нашел слов. Потом пол под ногами вздрогнул. Задрожали полки с мозгами. Несколько контейнеров нырнули вниз и разбились. В ноги мне полетели осколки. Я выскочил из-за рядов — столб пыли, тянется в мою сторону. Помчался к выходу, отсчитывая ряды: один, два, три. Рвануло во второй раз, я кувырком покатился вперед и, кажется, сломал нос, но удержал контейнер. Судорожно ощупал его — не разбит, трещин нет. Никак не поврежден. Третий взрыв, совсем рядом. На голову посыпались контейнеры с ближней полки, прикладывая меня острыми концами. Закашлялся от пыли. В нескольких метрах пронзительно верещали подростки. Но я думал только о ней. Спасти, унести ее подальше туда, где никто не достанет. В кромешной темноте я ощупью пробирался к выходу, запинался и шарил перед собой рукой, как слепой. Наконец выбрался из пылевого облака, впереди маячило светлое пятно. Перехватил контейнер другой рукой, рассмеялся. Но впереди будто распустился пыльный цветок, и в меня полетели куски стеллажей. Так я умер в третий раз.

Пробуждение

Воздух наполняет легкие, по чуть-чуть, но все равно больно. Хриплю и кашляю, нож в груди, невозможно дышать и шевелиться. Наконец боль проходит, осматриваюсь. Белая капсула с кнопками, не такая, как предыдущие разы. Светлая жилая комната, я даже потряс головой. Кроме моей капсулы — кровать, шкаф, письменный стол и стул. Над столом — «Подсолнухи» Ван Гога. Единственное окно выходило на луг, спускавшийся к озеру. Над озером склонилась плакучая ива. Лето, примерно полдень. Солнце скрывается за огромным облаком.

На трясущихся ногах я вышел из комнаты. Большая гостиная. Снова захотелось протереть глаза, потому что она выглядела точь-в-точь как на картинках из журнала ИКЕА, которые мы рассматривали, когда мечтали о своей квартире. Дверь из гостиной вела на улицу и была распахнута. В центре гостиной, на ковре, играл двухлетний малыш. Он разбрасывал бруски от пирамидки, но бруски, как под действием гигантского магнита, медленно притягивались и становились на место. Мальчик хохотал. Заметив меня, он несколько секунд рассматривал, будто думал,

что делать, а потом предпочел разреветься. В дом вбежала девочка лет десяти. Она увидела меня и сорвалась обратно во двор, крича:

— Он проснулся, проснулся!!!

Малыш успокоился и снова принялся разбрасывать пирамидку. На стене гостиной висело зеркало, я подошел и отшатнулся — на меня смотрел чужой человек. Даже цвет волос был темный вместо светло-русого.

— Нам пришлось восстанавливать вас почти полностью. Надеюсь, вам понравится новое тело.

Я обернулся. На пороге стояла красивая черноволосая женщина, высокая, выше нового меня. Девчонка выглядывала из-за матери и хитро улыбалась.

— Как вы себя чувствуете? Вам нужно прилечь. — Она говорила по-русски, но с акцентом, и смотрела с сочувствием. Подошла ко мне, взяла за руку и усадила на диван.

Все здесь дышало спокойствием, и я тоже успокоился и не стал задавать вопрос, который меня тревожил. Их звали Мари, Лиза и Эмиль. Между собой они говорили на языке, похожем на смесь русского, английского и турецкого. Я ничего не понимал.

— Это новый русский. Вы быстро его выучите,

он не сложный, — улыбнулась мне Мари.

Она доставала из шкафов приборы, дочка помогала ей. Они измеряли мне давление, светили в глаза фонариком, в общем, делали все, как обычно. Я задремал на диване, и проснулся от того, что хлопнула дверь. На пороге снимал ботинки мужчина. Тоже большой и черноволосый, с сочувствующим и одновременно любопытным взглядом.

— Здравствуйте, — произнес он, запнувшись. — Я правильно сказал?

— Да.

Он рассмеялся:

— Мы учили старорусский, чтобы первое время вам было комфортно. Он неуверенно протянул мне левую руку:

— Иван.

Я пожал ее.

— Вообще-то пожимание рук — архаизм. Так не делают уже несколько сотен лет. Я изучаю историю и нахожу это очень любопытным… — Он осекся от взгляда проходившей мимо жены. — Мы повесили в вашу комнату репродукцию Ван Гога. Он ведь был популярен в ваше время, верно?

Он с азартом расспрашивал меня обо всем подряд.

На ужин была простая еда: рыба, салат, хлеб. Пили сладкий напиток, похожий на дюшес. Я не переставая искал сходства. Семейный ужин. Лиза совала кусочки рыбы в рот брату, он выплевывал. В гостиной бормотал телевизор. Он подсказал год: 3018. На экране — картинки рая. Я никак не решался задать свой вопрос.

— Вас, наверное, интересует, что случилось с вашей женой? — аккуратно поинтересовался Иван. Мари пихнула его ногой под столом.

— Она погибла? То есть ее мозг, я хотел сказать.

— В хранилище было несколько взрывов. Сбой системы энергоснабжения. Спасали в первую очередь живых. От вас остались только фрагменты мозга. Вас криоконсерсировали снова.

— Ее контейнер был у меня в руках.

— Ничего нельзя было сделать.

— Знаете, что, — сказала Мари, — я слышала, то массовое захоронение открыто для раскопок. Может быть, вам удастся найти ее останки и похоронить.

Они смотрели на меня оптимистично, улыбаясь. Я взял стакан с дюшесом, повертел его в руках.

— Почему я у вас?

— О, Мари — биотехнолог, — ответил Иван за нее. — Ее очень интересовал ваш случай. Почти полное уничтожение, понимаете. Было очень сложно восстановить вас. Потом, когда осталось только ждать пробуждения, мы переехали сюда и забрали вас с собой.

— И сколько вы ждали пробуждения?

— Десять лет, почти одиннадцать, — ответила Мари и отпила из стакана.

Это меня удивило. На вид ей было лет тридцать пять.

— Сколько вам лет?

— Девяносто.

Я поперхнулся лимонадом. Она ждала, пока я прокашляюсь.

— У нас многое по-другому. Вы привыкнете.

Несколько дней я провел в доме своей воскресительницы и, несмотря на то что они были очень милы, не переставал чувствовать себя подопытным животным. Иван взял выходные и показывал мне окрестности. Московский пригород, небольшие домики. В двух метрах над землей сновали бесшумные машины.

— Смотрите, дороги теперь не нужны. Природа остается в сохранности.

Я думал о массовом захоронении семисотлет-

ней давности.

— Теперь никто не замораживается?

— Крионика давно запрещена. Заморозка снижает продолжительность жизни.

— А как же бессмертие и путешествие во времени?

— Мы живем в среднем двести лет. Успеваем попробовать то и другое.

Они упрашивали меня остаться, но я уехал. В городе мне дали жилье, стандартное, как у всех. Я бродил по улицам и смотрел телевизор. Оказалось, что людей из моего времени осталось совсем мало, человек сто. Нас называли ветеранами. Первоначальный смысл слова давно забыли, последняя война была четыреста лет назад. Некоторое время мы встречались, но потом встречи сошли на нет. Каждый из нас купался в своем горе. Мы застряли в прошлом, и никакие психологи не помогали справиться с одиночеством.

Хотя мой психолог считает, что я интегрировался лучше всех. Язык в самом деле дался мне легко. У меня есть работа, я по-прежнему чиню старые машины, их много у коллекционеров и в музеях. Иногда катаю детей на пыхтящих выхлопными газами автобусах. Меня приглашают в университеты и школы читать лекции. Все

относятся ко мне с большим сочувствием и постоянно пытаются усадить, будто я старик, хотя мне, если не считать времени, которое я проспал, всего-то тридцать семь лет. Иван записывает мои воспоминания и говорит, что я — ценный материал для его научной работы. Я рассказываю ему о жене, но его больше интересует устройство городов, система обучения и быт.

— Любовь — не моя зона интереса, — говорит он.

В благостном мире нет стран, нет денег, нет истеричных президентов, терактов и ничьи права не ущемляются. Стерильный мир, очень правильный и очень скучный. Иван смеется, когда я так говорю. Он считает, что моя психика привыкла к потрясениям, поэтому ждет их постоянно. А в новом мире их нет.

Недавно меня приглашали в школу Лизы открывать скульптуру в честь восстановления популяции дельфинов в Черном море. Во дворе школы стоял накрытый простыней памятник. Директор произнесла речь, а потом я сдернул простыню. Все зааплодировали. Под ней были два дельфина, они закрутились один вокруг другого и плыли мордами вверх. В соответствии с новой скульптурной модой, похожие на гигантских

черных слизней. Я рассмеялся от нелепости.

И хоть я и занят работой и выступлениями почти каждый день, я всегда нахожу время, чтобы поехать в Москву. Еду к огромному стеклянному куполу на окраине. В определенные дни там собираются добровольцы, студенты и школьники старших классов. Мы надеваем рабочие комбинезоны, берем инструменты и идем на раскопки. На месте прежнего хранилища — обломки здания, капсул, контейнеров. С годами мы с группой опускаемся ниже и ниже, и под куполом сейчас яма, похожая на амфитеатр. Обязанности в группе четко распределены. Самые сильные орудуют лопатами. Самые терпеливые вооружаются кистями и аккуратно обметают землю вокруг твердых предметов. Любители возиться с мелочами надевают сверхчувствительные перчатки и осторожно, по крупице, перебирают землю. Мы ищем любые следы останков. Любой кусок косточки даст возможность определить, что за человек тут умер, и похоронить его как следует. Однажды мы наткнулись на чудом сохранившийся контейнер с мозгом. Говорят, того человека уже восстановили. Не знаю, рад ли он этому.

Правда, для восстановления нужны еще живые или крионированные останки.

— Я закончила ваши медицинские тесты, — сказала мне как-то Мари, когда я пришел поужинать с ними. — К сожалению, ваш мозг сильно поврежден криоконсервацией и несколькими пробуждениями. Мои коллеги пришли к выводу, что вы проживете еще максимум пятьдесят лет. — Она и правда сожалела, что я проживу еще всего-то пятьдесят лет.

Она не знала, что в тот момент меня переполнила надежда. Еще целых пятьдесят лет. Я думаю об этом постоянно. Ныряя в старый автомобильный двигатель и поднимаясь по ступенькам очередной школы. Перебирая по крупицам землю. Я думаю, что если даже мы найдем ее мозг не годным к восстановлению, то у меня будет еще целых пятьдесят лет, чтобы попытаться что-то сделать. Может быть, биотехнологии смогут восстановить человека почти что из праха. А может, где-то глубоко под куполом ее мозг все еще пульсирует в своем контейнере. И каждый раз, когда я подношу прибор определения личности по ДНК к комкам, похожим на окаменевшие останки, я зажмуриваюсь и надеюсь, что когда открою глаза, на мониторе будет ее имя с датой рождения и датой смерти.

Александра Романова
Пташка

— Душно, — простонала Милана. Она раскинулась на основательно измятой простыне, блуждая взглядом по потолку. Ее тело почти сияло на фоне черной ткани — экстравагантный выбор, о котором Влад нисколько не жалел, — и все мягкие и сочные изгибы манили к себе. Складочка на животе поблескивала мелкими каплями пота. Влад заставил себя отвернуться.

— Окно открыто, — напомнил он, прекрасно зная, что его слова останутся не услышанными. После секса Милана, как по команде, включала скандалистку и принималась излагать сбивчивые претензии в адрес то ли бывших любовников, то ли мужчин вообще. Что бы ни говорил при этом Влад, значения никогда не имело. Но в этот раз он впервые получил что-то вроде прямого ответа.

Женщина уставилась чуть выше его головы и провозгласила:

— Это ты меня душишь! Только и думаешь, как подчинить своей воле. Держишь меня и даже не представляешь, какая между нами бездна, насколько меня это унижает!

Она вскочила и начала причитать на сербском, воздевая руки к потолку. Влад вздохнул и пошел в душ. Большинство его знакомых назвали бы Милану психопаткой, но Влад не зря предпочитал умалчивать о подробностях своей интимной жизни. Ему доводилось сталкиваться и с чем-то пострашнее выкрутасов Миланы. А так достаточно было пятнадцать минут провести в ванной — и проблема исчерпана. Милану это устраивало, а Влад терпел, помня о собственных неприятных тайнах. Так что сейчас он улыбнулся уже почти

привычному широкому курносому лицу в зеркале и включил воду.

Наслаждаясь теплыми струями, Влад думал о том, как Милана встретит его, спокойная и причесанная, все еще покрытая его запахом, они оденутся, сдерживая взаимное влечение, и он повезет свою женщину на другой конец города, к застрявшей в средневековье матери. Он высадит Милану за углом, чтобы никто не заметил; она поцелует его на прощание и упорхнет.

Ему представлялось, как затем Милана входит в дом — прадедовскую дачу, чудом выжившую среди новостроек, — где ее встречает озлобленная карга, подряхлевшая раньше времени, обиженная на весь мир. Милана выдумывает очередную байку о том, как заболталась с коллегами, и под укоризненным взглядом проскальзывает к себе. Влад на месте этой старухи давно бы уже понял, где проводит вечера перезрелая одинокая дочь и от кого она возвращается раскрасневшаяся, с блеском в глазах, но, может, в этом состояла часть игры, которую так любят женщины? Промолчи, не подай виду — и сможешь убедить себя, что ничего не изменилось. Влад не понаслышке знал, какой прочной стеной лжи способны окружить себя люди. Порой он ненавидел себя за то, что его

влекло именно к таким.

Милана должна была оказаться другой. Владу частенько вспоминался день, когда они познакомились, — в разгар лета на старом карьере, куда съезжалась позагорать четверть города. Кое-кто даже купался, но Влад избегал вечно холодной воды. В тот раз он подвез на пляж троюродного брата с семьей и, пока те млели на ковриках, прошелся по обрыву вдоль берега к возвышавшемуся над озером холму. Там прятался захудалый узкий пляжик, спускаться к которому приходилось по крутой тропе. Но сегодня и на нем кипела жизнь. Стайка из семи блондинок смело зашла в озеро по пояс. На вид девушкам было от двадцати с небольшим до тридцати пяти, и их можно было принять за сестер: все с косами и подчерненными бровями, миловидные округлые лица, телосложение русских венер. Отважные купальщицы плескали друг в друга водой, визжали и заливисто хохотали, а на берегу их восьмая подруга понуро охраняла груду одежды. Едва Влад решил возвращаться, она встала и крикнула:

— Милька!

И тут на него сладко повеяло знакомой печалью. Одна из девушек словно сжалась от этого оклика, осунулась и неохотно заняла место по-

звавшей. А Влад развернулся и начал спускаться по тропинке, ощущая, как меняется его тело под действием чужих воспоминаний. Немного увеличился рост, расширились кости и, что приятно порадовало, подтянулся живот. Может, грустную купальщицу покинул спортсмен? Сама она, впрочем, выглядела вовсе не как завсегдатай спортзала. Она не замечала Влада, пока он не спустился почти к самой воде и не обернулся к ней. А заметив — вздрогнула. В этот момент Влад чувствовал в ней только страх, но остановиться уже не мог, да и не хотел. Он улыбнулся и помахал девушке рукой.

— Привет! Интересное у вас имя. Югославское? А я Влад, будем знакомы.

Она с видимым усилием заставила себя вернуть улыбку.

— Здравствуйте, Влад. Простите, вы мне напомнили одного знакомого… Но я рада, что вы не он. По-русски она говорила чисто, без акцента. Тем не менее оказалось, что родилась она и выросла на территории нынешней Сербии, а в Нетинск переехала, когда они с матерью получили наследство от прадеда. Во время разговора Влад следил одним глазом за ее подругами. Те оглядывались и исподтишка подавали друг другу знаки. Когда

две из них двинулись к берегу, Влад понял, что пора, чмокнул Милане руку, одновременно подсунув клочок бумаги с номером своего телефона, и поспешно удалился. По пути назад в его голове крутилась одна фраза: «Я рада, что вы не он». Она обещала нечто новое и восхитительное. Роман, построенный не на иллюзиях и хотя бы отчасти не на обмане.

Троюродный брат при виде Влада неодобрительно цокнул языком, но согласился заново зачаровать документы. Позже они с Миланой, конечно, созвонились втайне от ее матери и, может быть, даже подруг, украдкой сходили в кино, в ресторан, постепенно убеждаясь, что привлекают друг друга намного больше, чем отталкивают. Через две недели встреч Милана напросилась к Владу в гости и обрушила на него всю свою нерастраченную страсть. А когда он лежал без сил, вдруг сказала: «Ох, Заре. Знал бы ты, как мне тяжело». «К кому ты обращаешься?» — спросил Влад, но Милана как будто его не замечала, пока не выговорилась. Потом она краснела, плакала, просила прощения — и Влад от волнения почти признался, что тоже отчасти виноват. Что сама его сущность оборачивает ее память против нее. Но не решился, подумал — рано. В его памяти

горело заветное «вы не он». Но то же самое повторялось раз за разом, до самого сентября. А потом настал этот самый день, этот самый час, и в его квартире громко хлопнула оконная рама.

Влад тотчас выключил воду и прислушался. Где- то там, в спальне, окно постукивало на ветру. Милана затихла. Из-за двери потянуло сквозняком. Влад наскоро вытерся и закутался в халат. Он окликнул Милану на случай, если та пришла в себя и ждет его, но ответа не получил и отправился разбираться. В спальне женщины не было. Все ее вещи тоже пропали, включая пальто и высокие безупречно белые сапоги. Влад заметался по квартире, бросился к входной двери, по привычке повернул собачку — и замер. Даже с ключами собачку на место не вернешь. Просто уйти Милана не могла.

Словно в ответ на его мысли, на улице пронзительно закаркали вороны. Окно все еще стояло распахнутым настежь, и, хотя думать о худшем не хотелось, других вариантов не оставалось. К такому Влад не был готов. Обычно он заранее понимал, когда придет пора скончаться очередной его возлюбленной, и успевал принять это как должное. В конце концов, людской век и так недолог. Отчаяние, истощение, болезни — все

это многих забирает до срока. Но Милана хотела жить. Она пыталась забыть этого своего Заре, кем бы он ни был. И, вероятно, забыла бы, если бы ей попался не Влад, само воплощение болезненной страсти. Теперь вина обжигала сильнее раскаленного металла, как ни тверди себе, что никто не в силах изменить свою природу. Меньшее, что он мог сделать, чтобы заглушить эти муки, — проверить, что бедная женщина скончалась, а не мучается на асфальте перед домом.

Влад глубоко вдохнул и посмотрел вниз. Он всякого успел навоображать за истекшую минуту. Но только не то, что асфальт окажется чист, если не считать мусора из переполненной урны и чьих- то плевков, темнеющих в свете уличного фонаря. Он моргнул. Прищурился. Никакого следа. Бурлящие в нем чувства прорвались громким злобным шипением. Вороны снова загалдели, и Влад поскорее закрыл окно, чтобы не привлекать лишнего внимания. Он бессильно рухнул на кровать и попытался сосредоточиться. Как Милана смогла ускользнуть незамеченной? Сама ли она это сделала? Да и покидала ли она квартиру? Влад не ощущал поблизости живого тепла, но что стоило неведомому врагу столь же таинственным образом проникнуть в дом, убить женщину,

спрятать труп и оставить Влада разбираться с последствиями? Чтобы хоть немного отвлечься и успокоиться, он решил сначала исключить эту версию. Прошелся еще раз по квартире, проверил шкафы, заглянул под кровать. Постепенно негодование сменилось азартом поиска, и в глаза начали бросаться детали. Песок на подоконнике. Домашние тапочки под тумбочкой. Судя по всему, собралась Милана тщательно и даже не пыталась звать на помощь, а значит, вряд ли кто-то коварно застал ее врасплох и похитил. Но кто тогда она сама, и чего добивалась? Влад не мнил себя ни интеллектуалом, ни знатоком женской психологии, поэтому он выбрал самый легкий путь: спросить саму Милану.

«Абонент вне зоны действия сети», — сообщил телефон уже в шестой раз. Влад еле сдержал желание вышвырнуть его в окно следом за неуловимой подругой. Может, он бы тоже улетел, как птичка? Медлить было нельзя. Если Милана вздумала пропасть без вести, Влад оказывался последним, кто видел ее живой и невредимой. И ему предстояло объясняться не только с полицией, но и с ее знакомцами, которые, как он с изумлением осознал, могли быть у них и общие. Не все из древнего люда жаловали змеиный народ, огнен-

ных змеев многие недолюбливали и подавно. Едва ли не больше чем не получать ответов. Так что единственной надеждой избежать опасных для здоровья столкновений было разобраться на опережение самому.

Еще в самом начале отношений Милана назвала Владу свой адрес. Но к ее дому он подъезжал впервые и даже не мог припомнить, чтобы раньше бывал в этом квартале. Тем не менее все выглядело именно так, как ему и представлялось. Здесь город вгрызался в край старой деревни, и блочные многоэтажки на обновленной, залитой асфальтом улице наступали на ветхие деревянные домики. Под самым боком современности ютилась черная и косая избушка Бабы Яги, украшенная некогда изящной резьбой. То самое место. Влад припарковался рядом, вышел из машины и испытал смутное сомнение. Несмотря на поздний час, свет в окнах не горел. Участок зарос сорняками, забор заваливался, а таблички с номером дома не было и следа. И почему он решил, что Милана живет здесь? С учетом последних событий, Владу уже трудно было представить, чтобы наследство, которое она делила с родней, заключалось в клочке земли на пути растущего города. Но в вариант с квартирой в новостройке

верилось еще меньше.

Едва ли прошла минута, как Влад понял, что его заметили. Странный шум с разных сторон, словно несколько огромных птиц одновременно разминали крылья, выдал наблюдателей. Не успел Влад оглядеться, как из неосвещенной полосы между высоткой и заброшенным домом выступила аккуратная блондинка с густыми темными бровями. Ее плечи покрывала ажурная светлая шаль, а туфельки из змеиной кожи беззвучно касались тротуара. Жестом незнакомка поманила Влада к себе, но он предусмотрительно не тронулся с места. Она скривилась и подошла ближе сама, и тогда Влад наконец ее узнал. Когда-то он принял ее за одну из подруг Миланы, но теперь видел, что эта женщина старше. Намного, вероятно на столетия. Слишком холодным было ее изящное, почти красивое лицо, слишком явно проступала жестокость в глазах. Если Милану легко было перепутать с обычным человеком, то ее мать — практически невозможно.

— Тебе здесь не рады, — сказала старая самовила. Влад ощутил по бокам и за спиной еще шесть источников тепла. Видимо, сестренки. По крайней мере к нему они не двигались. Он набрался смелости и ответил:

— Очень жаль, но тем не менее желаю здравствовать вам и вашим домочадцам.

Женщина скорчила презрительную гримасу. Влад продолжал:

— Вы же знаете Милану? Я только хотел уточнить, все ли у нее в порядке. Она обещала со мной встретиться.

Старая самовила гневно топнула, и порыв ветра всхлестнул ее шаль.

— Я знаю, кто ты! — рявкнула она. — И моей дочери ты не ровня.

Все инстинкты Влада били тревогу. С такой противницей ему было не совладать. Сердить ее не стоило, иначе ему грозило в лучшем случае проклятие. Взгляд непроизвольно возвращался к ее экстравагантным туфелькам. Определенно, кожа выглядела натуральной. Как будто ее сняли с нетипично большой змеи. Может быть, даже заживо. Влад начал отступать к машине, сжимая ключи в кармане куртки.

— Не понимаю, о чем вы говорите, — произнес он настолько обыденно, насколько мог. А потом, потому что стоял уже у самой двери, не удержался и добавил:

— Но это не тебе решать, старая кошелка.

Он быстро запрыгнул в автомобиль и завел

двигатель, ожидая, что на машину сейчас обрушится яростный ливень, вьюга или даже град. Но его настиг только голос, подобный грому:

— Чтоб глаза мои тебя не видели, летун!

Влад выжал газ и помчался по кривым деревенским улочкам. Каким-то чудом ему удавалось не сбивать фонарные столбы, кошек и припозднившихся прохожих — словно автомобиль стал продолжением его тела и напрямую повиновался сигналам нервной системы. Сердце колотилось как бешеное, хотелось смеяться и петь, но на это не оставалось времени. Голова шла кругом. Он утер нос самовиле с выводком! Остался жив, здоров и вроде как невредим! Даже Милане наверняка приходилось непросто с такой матерью. Влад вспомнил, как менялось лицо женщины каждый раз, когда наступало время ехать домой, и с детским восторгом признал в ней сообщницу. И пускай она сбежала, пускай он, оказывается, знал о ней не больше, чем она о нем, — тайна у них, выходит, была одна. Разве не стоило это того, чтобы отыскать беглянку и хотя бы один последний раз объясниться?

Память снова и снова возвращалась к моменту их знакомства, теперь уже во всей его полноте. Неявная угроза, которую Влад ощущал со стороны

других купальщиц. Их неотлучные дежурства у одежды. И, конечно, те слова о наследстве. Все наконец сходилось, как нити к центру паутины, и в их хитросплетении таился нужный ему ответ. Водяницы, целое семейство. Им всем требовались источники, наполняющие их чистой природной силой, и в этом городе они нашли искомое. Потому и не вернулись на прежние места. В этом городе они получили желаемое. Влад не знал, сколько родников питает озеро в старом карьере, но подозревал, что никак не меньше семи — каждой из сестер своя доля.

Он повернул у бывшей сельской аптеки и выехал на знакомый проселок, по которому горожане в сухую пору добирались до карьера. Дожди в эту осень уже начались, но Влад бесстрашно перелетал ухабы, словно машина не касалась земли. Когда в свете фар замелькали предупреждения о том, что разводить костры, мусорить и тонуть не рекомендуется, он остановился, надежно спрятал ключи от автомобиля во внутренний карман и пошел напрямик сквозь редкую сосновую рощицу. Влад слышал, что когда-то, еще до его рождения, люди здесь поклонялись холмам. Сам он не водил знакомства с местными духами и не знал, остался ли еще кто-то, но в эти минуты

был готов поклясться, что они рядом. Наблюдают, ждут, готовятся оценить его намерения. Влад не знал, чью сторону они занимают, если не исключительно свою собственную, но шагал прямо и уверенно. Сегодня он ничего не собирался скрывать.

Тропинка вывела его к берегу у подножия холма, куда он приходил в тот судьбоносный день. Над озером, пустынным в сырой сентябрьской тьме, разносился плеск и женский смех. Стараясь не шуметь, Влад подкрался к обрыву и заглянул в воду. Милана купалась одна, нагишом, ничуть не заботясь о посторонних взглядах. Хотя какие безумцы явятся сюда ночью в сентябре? В сторонке на пляже ворохом лежала одежда — Влад различил белые рукава пальто и сапожки. Он убедился, что женщина его не замечает, спустился и сел рядом с вещами. Только тут до него дошло, насколько же он устал от погони и переживаний. Метрах в десяти от берега Милана ныряла, а затем выскакивала из воды, как уточка. При взгляде на ее светлую фигурку Владу становилось спокойнее и теплее, как будто лето и не проходило. Не выдержав, он зевнул, и как раз в этот момент Милана обернулась.

Отчетливый стон прокатился над водой, и

издалека ему ответили уханьем совы. Милана подплыла и поднялась на мелководье, сгорбившись и стыдливо прикрываясь руками. Влад не шелохнулся, ожидая, что она подойдет за одеждой. Однако Милана мялась на месте и, казалось, готова была разрыдаться.

— Опять? — выкрикнула она наконец. — Иначе ты и не умеешь! Это все, что вы можете — обокрасть и принудить! Племя насильников, как были дикарями, так и остались!

— Да забирай ты. — Влад кивнул в сторону вещей. — Сдалось мне твое барахло, я его даже не трогал.

Милана тотчас подскочила, сгребла все и начала торопливо одеваться. Влад собрался с духом и продолжил:

— Ты хоть помнишь, в каком году ты рассталась с Заре? Сколько лет прошло — сто, двести? Думаешь, он из могилы за тобой вернется?

Милана вздрогнула и выронила пальто. Нагнулась за ним и заговорила нараспев низким, тяжелым голосом:

— Мать заманила его в быструю реку, сестры разорвали его тело на шесть кусков. Не могли простить, что он похитил меня у них. Лежат его кости под зеленой елью. Если полить ту ель сле-

зами, выть о нем перед небом и землею, вырастет на ели заклятое яблоко. Если съест это яблоко молодка, заново родится мой Заре.

— И как с этим успехи? — поинтересовался Влад, отгоняя пробежавший по телу холодок.

Милана посмотрела на него с ненавистью.

— Я позвала ветер и повалила злосчастное дерево. Видимо, этого мало, чтобы раз и навсегда от вас отделаться. Ты кажешься совсем другим, но я вижу Заре каждый раз, как смотрю на тебя. Кто ты, если не он?

Влад встал. Сейчас ему предстояла самая сложная часть разговора, и готовиться стоило ко всему.

— Слушай… Что, если я скажу тебе, что ты до сих пор по нему тоскуешь?

Даже в темноте было заметно, как она побледнела. Теперь ее кожа по цвету мало отличалась от одежды, словно Милана составляла со своим пальто единое целое.

— Ты лжешь! — крикнула она.

— А ты подумай получше, — огрызнулся он. Милана развернулась и побежала. Влад бросился следом, но не успел. Едва ступив в воду, она оттолкнулась, взмахнула руками и упала вперед, оборачиваясь крыльями, перьями, длинной

лебединой шеей… Белая птица разбежалась по водной глади, сделала круг над озером и набрала высоту.

Влад не собирался ее отпускать. Он крутанулся волчком и почувствовал, как преображение спазмом прокатывается по телу. Человеческий облик соскользнул, как старая кожа, и наружу вырвалось пламя. Огненный вихрь зигзагом метнулся ввысь, опаляя кроны сосен, и впервые за долгие десятилетия насладился открытым небом. Где-то в глубине этот вихрь был и Владом, но сейчас его не удерживали никакие соображения скрытности и здравого смысла. Он чуял рядом женскую печаль и томление, и его неумолимо влекло к ним.

Вихрь нагнал белую птицу над склоном холма, упал сверху, опутал чешуйчатыми кольцами — и они рухнули среди деревьев, растрепанная рыдающая Милана и разгоряченный Влад, хватаясь друг за друга, как перед гибелью. В спину Владу впился сучок, на боках начинали зреть синяки, но он прижимал к себе желанное Миланино тело и чувствовал, как черты не то насильника, не то мужа на его лице уступают тем, которые он предпочитал считать своими собственными. Он вдохнул дикий, отдающий гусиным пухом запах

самовилы и прошептал ей на ухо:

— Теперь все по-честному. Давай попробуем заново. Тебе решать.

Милана глухо отозвалась, уткнувшись ему в плечо:

— А ты заберешь мою жизнь?

— Только если ты захочешь, — заверил Влад. — И это потребует времени.

Она чуть отстранилась, посмотрела на него холодно, словно на незнакомца — впрочем, лицо огненного змея она действительно видела впервые — и проронила:

— Я буду начеку.

А затем накрыла его губы жадным поцелуем.

Татьяна Никитина
Сикстинская мадонна

История эта началась давно. Думаю, многие — не я один — позавидовали тогда его отчаянной смелости, граничащей с дуростью. Белокурое существо в джинсах и женской блузке пришло к нам в девятом классе, вызывающе, можно сказать, нахально заявив о себе. Новенький вышел к доске и объявил, что по досадной ошибке природы ему досталась женская душа в мужском теле,

которое он ненавидит и непременно изменит при первой возможности. Никто сначала ничего не понял, потом до нас медленно стал доходить смысл его откровений. — Вы можете замордовать меня насмешками, сдать в психушку, сжечь на костре, но я такой, какой есть, и не считаю нужным скрывать это, — продолжал он эпатажные признания, пока класс озадаченно молчал, — я мечтаю выглядеть так, как хочется мне, а не мучиться всю жизнь в чужом ненавистном теле.

Одинокий жалкий смешок беспомощно затих, не получив поддержки. Под общее оцепенение новенький прошел к парте недоступной красавицы Сони Левицкой. Она убрала сумку со стула, приглашая его сесть рядом, и подарила такую лучезарную улыбку, о которой вся мужская половина класса могла только мечтать. Соня бросила нам вызов, демонстративно выбрав эксцентричного чудика, но ее поступок поставил точку в этом казусе. Как ни странно, мы приняли Киру, не обсуждая, будто признания подобного рода были в порядке вещей.

Кира Новак обладал незаурядными способностями к точным наукам и черным поясом айкидо. Победитель всех городских математических олимпиад не был жмотом, и мы беззастенчиво

этим пользовалось, сдувая у него контрольные. Новенький окончательно стал своим после скандального инцидента в душевой. Все замерли, когда Гарик Кабан из параллельного, подмигнув дружкам, со скабрезной улыбочкой вошел в кабинку к Кире, и разошлись ухмыляясь, страшно довольные, когда он вылетел оттуда с воплями, скользя голой упитанной задницей по мокрому кафелю. У директрисы, разумеется, случились большие неприятности. Ей пришлось изрядно покрутиться, улаживая конфликт из-за сломанной руки мажористого Гарика, но байка о посрамленном мачо прочно вошла в анналы гимназии.

* * *

Спустя семь лет история отозвалась меланхоличным рингтоном «Yesterday» в кармане джинсов, когда я, опаздывая на лекцию по госпитальной терапии, взбегал по эскалатору.

— Вадик, ты можешь мне помочь? — спросил далекий полузабытый девичий голос.

— Соня? — изумился я.

— Они не хотят отдавать его мне…

Голос подозрительно завибрировал и пропал. Сквозь непрекращающийся базарный гомон толпы и гул отходящего поезда подземки я уловил

всхлипывания.

— Соня! Что произошло?! Ты где?!

Она молчала несколько секунд, показалось — вечность. По обрывкам фраз сквозь приглушенные рыдания я понял, что случилось непоправимое, но осознал не сразу, только выяснил, где она.

— Бюро судебно-медицинской экспертизы на Екатерининском, десять.

Соню я увидел издали. С совершенно прямой спиной, подпирая поясницу руками, она сидела на скамейке у безликого многоэтажного здания из серого силикатного кирпича. Зареванное лицо с припухшими губами показалось мне совсем детским и по-прежнему прекрасным, а неожиданно огромный живот, обтянутый платьем, только подчеркивал сходство с мадонной.

* * *

Соня появилась у нас годом раньше, в восьмом классе. На школьной линейке первого сентября. Я повернул голову, собираясь что-то рассказать Максу, и остолбенел: рядом стояла девочка с лицом Сикстинской мадонны, той самой, из Дрезденской галереи, перед которой мы с дедом провели больше часа, а потом, быстро пробежав

по другим залам, опять вернулись к ней. И следующим днем зашли еще раз. Краем уха слушая слова деда о запечатленном Рафаэлем образе материнской души, я, тогда тринадцатилетний мальчишка, разглядел в ее глазах то, что ищет каждый мужчина в глазах своей избранницы.

Мадонна в синем платье и простеньких балетках, сбежавшая с живописного холста, стояла совсем близко — на расстоянии вытянутой руки. Темные волосы, разделенные на прямой ряд и собранные на шее в пышный хвост, играли на солнце красноватыми бликами. Желание дотронуться до шелковистых прядей, упругими змейками сползающих по спине, не оставляло меня все школьные годы. Я сидел позади нее и часами любовался нежной ложбинкой на тонкой шее с выбившимися из-под заколки каштановыми колечками. Репродукцию «Сикстинской Мадонны» — самую огромную, из тех, что оказались в магазине канцтоваров, полтора на два метра, почти как оригинал, — я повесил у себя в комнате, но не над столом, а напротив кровати. Дед, проникнувшись моим чувством к живописи, одел ее в золоченый багет. Несколько лет я засыпал и просыпался, видя перед собой подернутые печалью глаза Сони. В мечтах я бесконечно

долго целовал ее пухлые детские губы и сотни раз признавался в любви, но мысль предложить встречаться даже не посещала мой воспаленный любовью мозг. Я догадывался, что все парни в классе тайно влюблены в нее, но никто не говорил об этом. Видели они в ней тоже Мадонну или просто красивую девочку с грустными глазами, я так и не узнал.

Соня отличалась от остальных девчонок, но не экстравагантностью нарядов, не ультрамодными прическами — вьющиеся пряди роскошных волос она собирала заколкой либо в хвост, либо в узел на затылке — в ней не было кокетства с налетом высокомерия, что обычно присущ первым красавицам класса. Подруг у Сони не было, во всяком случае, школьных. Держалась она со всеми приветливо, как и подобает королеве, никого не выделяя, пока не появился Кира Новак.

Выше меня на полголовы, гибкий и стройный, с гладкими, как у девушек, щеками (не знаю, брился ли он?). Светлые до плеч волосы носил забранными в хвостик «мистер Бун». Лояльность директрисы к внешнему виду учеников позволяла нам такие вольности. Улыбчивый и общительный математический гений во всем был выше меня, и я смирился с этим.

Материнские педагогические эксперименты со скрипкой, французским, бальными танцами и фигурным катанием чуть не сделали меня изгоем двора, если бы не покровительство олигофрена Сережи. Под его защитой все дворовые разборки меня не коснулись, а в гимназии споры кулаками не решали — ценился интеллект, но после знаменитой драки в душевой, когда все безоговорочно признали первенство Киры, вернее, согласились с выбором Сони, я пожалел, что никогда не дрался.

То ли друзья, то ли влюбленные, они никогда не расставались. Класса не сторонились, но держались особняком. В женских блузках Кира больше не появлялся. Его заявление о трансгендерстве вскоре забыли, посчитав банальным выпендрежем.

После школы мы ни разу не встречались. Я не стал монахом и, даже был весьма популярен среди девушек нашего факультета, но ни с одной из них не испытывал той робости, что перед Соней.

* * *

Она ждала его на набережной Фонтанки у БДТ. Кира опаздывал, что было непривычным, но, главное, не отвечал на ее звонки, а это уже встревожило всерьез — такого просто не могло

быть. Премьера «Грозы» началась без них. Киры не было и дома. Прождав его до полуночи, она позвонила в Бюро несчастных случаев. Ни в одну из больниц города он не поступал, а под утро в колонке криминальной хроники «Nevatoday» Соня нашла сообщение о мужском трупе «приблизительно двадцати лет», обнаруженном в сквере почти рядом с их домом. Потом она весь день искала его по моргам и опознала в лилово-черном от кровоподтеков, избитом, переломанном теле с размозженным лицом. Били, похоже, армейскими берцами. И не только ими… На глазах у прохожих. Полицию кто-то вызвал, но не сразу, поэтому и скорая безнадежно опоздала. Следователь допросил Соню, но Киру ей не выдали из-за гендерно-бюрократических неувязок. Плохо соображающая от горя Соня предъявляла работникам морга паспорт, выписанный на Киру Новак, но в нем был указан женский пол, а труп на каталке под грязной простыней принадлежал мужчине со всеми удостоверяющими первичными половыми признаками.

Переговоры с начальником Бюро ни к чему не привели.

— Паспорт женский! А труп мужской, — кричал судмедэксперт на беременную Соню, — а если вы

его кремируете? А это окажется не он? Меня же потом затаскают. Нет, не могу! Труп числится в неопознанных. И почему я должен вам верить? Только с санкции прокурора. Или несите заключение из ЗАГСа о смене пола.

Справку из ЗАГСа получить тоже не удалось: незарегистрированный брак встал на пути признания ее родства. Дама в отделе регистрации актов гражданского состояния захлопнула окошко перед зареванной Соней:

— Живот, милочка, еще не доказательство.

В прокуратуру идти было бессмысленно. Следователь отложил идентификацию личности до понедельника. До приезда настоящих родственников — его отца. Проблемы с идентификацией преследовали Киру и после смерти.

В «Кофе Хауз» на Невском я заставил Соню выпить чашку горячего шоколада — «ради твоих двойняшек». Она нуждалась в поддержке, и не только моральной. Родители давно прекратили общение с дочерью, выставив ультимативное: «Не позорь нас. Или мы, или оно». Как — без хирургического вмешательства — Кире удалось получить паспорт с измененным полом, Соня не знала. Только прерывисто вздохнула:

— Как-то достал справку. Мы хотели детей,

поэтому от пластики и гормональной терапии Кира отказался. Отложил операцию на потом.

— А как же ты? Ну, потом…?

Она подняла на меня непросохшие от слез шоколадные глаза в пол-лица:

— Человека ведь любишь за его душу. Разве нет?

— Ну-у, где-то ты права, — смутился я, чувствуя, как детское томление по любви перерождается в нечто большее. Заснувшее чувство всколыхнулось и стремительно разрасталось.

— В июне мы с Кирой прошли собеседование в австралийском посольстве, — продолжала Соня, — ему предложили работу в консалтинговой компании. Он уже и контракт подписал. Вызова ждали со дня на день.

— А почему так далеко?

— Там узаконили права третьего пола. В паспорте можно указать неопределенный пол и операцию не потребуют. А здесь — масса унизительных обследований, заключения психиатра, по которым Кира считался больным. Вот скажи, в чем его психическая ненормальность?! То, что был не таким, как все? А ты знаешь, что в будущем понятие пола совсем исчезнет? Знаешь, что игрек-хромосома постоянно уменьшается? — Она

судорожно всхлипнула и добавила: — Оставаться здесь ему никак нельзя было. Из-за хантеров.

— Из-за кого?

— Они себя так называют. Охотники за гомосексуалами. Игра такая есть. Господи, какие только гадости ему не пересылали. Караулили то в подъезде, то в сквере, заманивали на свидания.

— Но он же не был геем? Я правильно понимаю?

Она погладила живот, вздохнула и устало, как многократно повторенную истину, подтвердила:

— Мужчины его не интересовали. Он считал, что у него нейтральный пол, но для «чистильщиков» с их однолинейным мышлением — это одно и тоже. Внесли его в список на уничтожение. Но даже если бы он и был геем?! Что с этого?! Разве человек не вправе носить одежду, которая ему нравится, и жить, как хочется? А они устроили за ним охоту. Звонки, эсэмски с угрозами…

Косой солнечный луч упал ей на лицо, высветив тени под глазами и почти бесцветные губы.

— Что у тебя с гемоглобином?

— Что?

— Ты очень бледная. Гемоглобин давно проверяла?

— Да, конечно. Я проверяла…

— А Кира в полицию обращался за помощью? Ты следователю все рассказала?

— Пытался. Отнес заявление. Потом его год вызывали для показаний. И следователи все время менялись, некоторые хохмили, задавали идиотские вопросы. Однажды он увидел в планшете у мента игру «Охотник за геями» и забрал свое заявление. Поднялся и ушел.

Воспоминания истощили ее, и она опять заплакала. Я не пытался успокаивать. «Горе слезами выходит», — говорила бабушка. Когда Соня перестала всхлипывать, задал столько лет мучавший меня вопрос:

— А когда ты поняла, что любишь его? Неужели с того момента, когда он появился в классе?

— Нет, конечно, — по ее лицу пробежало подобие улыбки, — но когда он вышел к доске… Такой смешной в этой блузе с воланами и понес всякую чушь про трансгендерство, я поняла: парня нужно спасать.

— Ну да, ты же не знала, что у него второй дан мастера айкидо.

— Черный пояс годился от таких, как Гарик Кабан, а я защищала Киру от вас.

— И тебе это удалось.

Я впервые видел перед собой не богиню, а за-

реванную беременную девочку. Беспомощную, измученную, уставшую. От моей былой робости не осталось и следа. Хотелось упасть перед ней на колени, целовать и говорить о том, что она всегда для меня значила. Я понимал всю несвоевременность своего чувства в этой ситуации, но ничего не мог с собой поделать. В голове все время билась дурацкая фраза: «Только мужчина, способный на поступки, может быть любимым».

— Он был такой прикольный, но очень одинокий. Кира с трех лет считал себя девочкой. Я думаю, смерть матери на него повлияла. Ты, наверно, знаешь, что отец его один воспитывал? Кира в детском саду переодевался в девчачьи платья, в куклы играл, а в семь лет, перед школой, ему выставили диагноз: расстройство гендерной идентичности. Отец не хотел принять его особенность. Таскал по разным секциям. Все мужские виды спорта перепробовал: бокс, хоккей, футбол, но клюшки, шлемы, штанги только вредили — чем больше отец нажимал на него, тем отчаянней он сопротивлялся. Такой же упрямец, как и отец, не желавший понять сына. Айкидо оказалось удачным компромиссом. Если бы не его подготовка!

— А где сейчас его отец?

— Три года, как женился и уехал в Израиль.

* * *

Тело Киры выдали нам в понедельник после дактилоскопической экспертизы и предъявления свидетельства о рождении, привезенного отцом. Я избавил его от хлопот по погребению сына и беготни по инстанциям. Больше двух часов простоял в ледяном подвале за справкой, подтверждающей смерть Киры, потом столько же — за разрешением прокуратуры на кремацию, затем в ЗАГСе за официальной бумагой с гербовой печатью.

Это были три лихорадочных дня, заполненных похоронной суетой, бюрократической волокитой с ворохом бумаг и моим неприличным счастьем от возрожденной любви. Мысли о Соне ни на минуту не покидали меня. Я никак не мог решиться на признание, но уже не от неуверенности или страха услышать в ответ отказ. Теперь это было совершенно не важно. Я понял, что любить и быть нужным важнее взаимности. Но так и не выбрал подходящий момент, а сразу после похорон Соня сказала, что отец Киры предложил ей уехать с ним в Израиль. Я все-таки попытался и успел сказать, что всегда буду рядом, но она

прижала ладонь к моим губам:

— Не надо, Вадик. Я знаю. Ты лучше всех. Если бы не было Киры.

И поцеловала меня в губы.

* * *

Мы едва не опоздали на рейс. У стойки, где шла регистрация на Тель-Авив, не было уже ни одного пассажира. Два Сониных чемодана одиноко поплыли по транспортеру в брюхо «боинга». Перед тем как пройти в зону предполетного контроля, она вернулась и еще раз уткнулась мокрым от слез лицом в мое плечо.

— Спасибо тебе!

Уезжала вся семья Новаков. Отец Киры, ссутулившийся и поседевший, увозил с собой Соню, неродившихся внуков и сына. Не захотел оставлять его здесь дважды. Я прислонился лбом к стеклянной перегородке, зонирующей пространство, наблюдая, как Соня поставила дорогую ношу в пластиковую корзину, потом на ленту сканера, прошла рамку металлодетектора, как бережно достала урну с прахом. В сутолоке она потеряла где-то заколку, и волосы волной рассыпались по спине. Оглянувшись, она нашла меня глазами в толпе провожающих и вскинула руку в

прощальном приветствии. А я застыл безжизненным истуканом, выдавливая пылающим лбом холодное стекло — в панорамных окнах зала вылетов я увидел, как на фоне синего неба, не касаясь облаков, парила надо всеми Сикстинская Мадонна, прижимая к животу с сыном и дочерью то, что осталось от их отца.

Владимир Орестов
Кто откроет эту дверь?

В коридор выходит четыре двери.

Одна — ведет на кухню.

Вторая — в спальню.

Третья — в туалет.

Четвертая же практически всегда закрыта.

Иногда я захожу туда — в комнату без единого окна — подметаю пол, протираю хрусталь.

После — обычно напиваюсь, уж больно тяжело мне находиться там.

Словно в склепе.

Хотя почему словно?

У Ани зеленые волосы с фиолетовыми прядями и ветер в голове.

Я искренне уважаю людей, у которых он дует без употребления чего-либо.

Думаю, именно благодаря этому ветру Аня верит мне.

Верит в то, что видит в замочную скважину.

Верит в мое существование.

Она не живет постоянно со мной, но приходит часто, возможно, даже слишком часто. Я ей не препятствую, потому что знаю — вскоре и она уйдет. Навсегда. А я останусь здесь, на посту у закрытой двери.

Аня дергает ручку и тянет дверь на себя.

— От себя, — комментирую я. Те, кто бывал здесь до Ани, тоже совершали эту ошибку. И тоже долго не могли поверить, что эту дверь невозможно открыть.

В комнату могу заходить только я, и только тогда, когда в квартире никого нет. Кто-то же должен протирать хрусталь?

Спустя десять минут Аня сдается и замирает на корточках, глядя в замочную скважину.

— А она… жила здесь… тогда? — спрашивает Аня. — В этой квартире?

Я качаю головой:

— Нет, конечно. Это же старый доходный дом — один из худших в городе, если быть честным.

Здесь жили люди попроще — мастеровые, рабочие, кузнецы — мой взгляд падает на фотографию на стене. Бородатые лица улыбаются мне сквозь столетие. — Она жила в особняке за Литейным, рядом с Козьмой и Дамианом.

Аня косит глаза в сторону — она всегда делает так, когда не понимает, о чем я говорю.

— Церковью Святых Козьмы и Дамиана.

Ноль реакции.

— Лейб-гвардии Саперного батальона.

Ноль превращается в отрицательную величину.

— Ее взорвали в пятьдесят седьмом. Там теперь метро.

Аня кивает, а я глупо улыбаюсь, стоит мне произнести последнее слово. Ну что тут можно сказать — я действительно люблю метро.

Больше, чем метро, я люблю только горы. Но я их очень давно не видел.

По утрам Аня любит курить на кухне, накинув мою куртку с надписью: «Санкт-Петербургский метрополитен». Я не возражаю — мне нравится, как она в ней смотрится. А когда я веду поезд по туннелю, запах духов нет-нет да и напомнит мне прошедшую ночь.

— Ты же был не один? — внезапно спрашивает

Аня, небрежно туша сигарету. Я тянусь рукой к пепельнице и затаптываю пальцами дымящийся окурок.

Когда пауза становится совсем неприличной, я все же отвечаю:

— Нет, конечно. Революция. Война. Жизнь.

— Они все… умерли? — Аня не видит или же не хочет видеть, что мне не нравится об этом говорить.

— Нет, — качаю головой. — Не все. Один — в Африке, алмазы добывает. Двое уехали в девяностые — на Урал, строить… тебе говорит что-нибудь название Ямантау?

Аня пожимает плечами.

— Не важно. Это… бункер глубоко-глубоко под горами. Может, они остались там, не знаю… Остались — во всех смыслах, — думаю я про себя. Аня смотрит на часы, спохватывается и убегает. Ее кеды топают по лестнице. Я смотрю на фотографию на стене в прихожей. Бородатые лица улыбаются мне сквозь столетие.

— Зачем. Ты. Это. Принесла? — Я говорю по слогам. Мне неприятно даже смотреть на эту упаковку — с бессмысленными ятями и завитушками. Но больше я боюсь, что запах каким-то образом проникнет через плотно закрытую

дверь.

— Это вкусно! — возмущается Аня. — И натурально!

— Ты знаешь, из чего это делается? — Выхватываю у нее из руки картонную коробочку и швыряю в открытую форточку.

Аня краснеет. Аня выдыхает. Аня раскрывает рот, вероятно, чтобы сказать что-то неприятное, но тут до нее доходит.

— А-а-а… — тянет Аня. — Да… точно. Это же пастила…

Я часто киваю.

— А пастилу делают из… То есть, — Аня выглядит удивленной, — на самом деле все произошло из- за пастилы?

— А ты что, думала, в сказке живешь? — Я отражаю Анину улыбку, как старое, потрескавшееся зеркало. — Ей подсунула ее торговка на Мальцевском рынке, — добавляю я, но Аня уже меня не слушает — последнее время она не любит говорить о комнате без окон.

Аня делает вид, что целиком и полностью поглощена содержимым моего холодильника.

— Я очень хотела сладкого, а ты меня его лишил, — нарочито капризным голосом сообщает Аня. — Что мне теперь есть?

— Яйца. Колбаса. Огурец, — озвучиваю я то, что вижу через ее плечо.

— Овощи, хлеб и вино? — поворачивается ко мне Аня, и я морщусь.

Зачем она все это читает? Неужели она не понимает, что все давным-давно пошло не так, как написано? И никакого выхода не предвидится?

— Яйца. Колбаса. Огурец, — повторяю я. — И никакой пастилы.

— Но тарелки у тебя все равно маленькие, — Аня оставляет за собой последнее слово.

На улице жарко. Гуляющий по квартире сквозняк распахивает дверь спальни.

Аня зачем-то закрывается одеялом и долго, не мигая, смотрит в коридор — на закрытую дверь, выходящую туда.

— Почему ты не уйдешь? — спрашивает она, и то, что я слышу в ее голосе, мне не нравится. — Почему ты не уйдешь?! — повторяет она громче. — Ты что — самый глупый брат? Ты остался один. Все плюнули и ушли. Никто не придет, — Аня уже кричит. — Никто не придет, ты понимаешь это! Никто не откроет твою долбанную дверь. Никто! Так что, ты будешь сидеть здесь вечно? В маленькой вонючей квартире, в ожидании непонятно чего?! Я же вижу, что тебе

все осточертело, — она резко вскакивает с кровати и начинает одеваться.

Я лежу и смотрю в потолок.

— Или тебе нравится все это? Сидеть сычом, глядя, как меняется мир, не старея, не взрослея, никуда не двигаясь?

Я могу ей ответить, что есть два вида старости — физическая и иная, но я молчу и смотрю в полоток. — Нравится или нет?! — Аня, уже полностью одетая, нависает надо мной. Я отвожу взгляд в сторону. Она резко дергает меня за руку, так, что я чуть не лечу с кровати.

— Пошли! — кидает она в меня мою одежду. — Одевайся и пошли отсюда. Навсегда. Дойдем до вокзала и уедем. Вдвоем. Давай! Ну же! Пожалуйста, — добавляет она шепотом.

Я молча скидываю с груди ком одежды.

Кеды выбивают ритм по ступеням.

Аня возвращается через неделю.

Врывается в квартиру в начале второго ночи, и я сразу же начинаю жалеть о том, что когда-то отдал ей комплект ключей.

Во-первых, в ее руках топор, а, как известно, это не может значить ничего хорошего. Особенно в этом районе — между каналом Грибоедова и Мойкой. Во-вторых, от нее сильно пахнет спирт-

ным. Слишком сильно, учитывая ее лилипутскую комплекцию.

— Ты ее любишь? — кричит Аня и замахивается топором. Я делаю шаг назад, но даже не пытаюсь выхватить оружие из ее рук.

Ведь оно нацелено не на меня.

БАМЦ! — лезвие врезается в дверь.

Я стою и наблюдаю — минут десять, не меньше, — как Аня с неимоверной силой колотит тонкую деревянную дверь топором. На двери — ни следа. Наконец Аня швыряет на пол топор и выбегает прочь, крикнув мне напоследок:

— Ненавижу тебя, карлик!

Я проглатываю оскорбления молча. Чем-чем, но этим меня не удивишь. Слово «карлик» я слышу с рождения.

Топот Аниных кед по лестнице. Хлопает дверь подъезда.

Я беру мокрую тряпку и направляюсь в комнату без окон. Все равно я сегодня напьюсь — а так одним поводом меньше, одним поводом больше… Ночью на узкой и грязной кухне, под тяжелой завесой табачных облаков, плавающих на высоте трех с половиной метров среди потрескавшейся лепнины, меня накрывает отчаяние. Я беру было телефон, чтобы позвонить Ане, но, разумеется,

не звоню.

Персонажи не звонят живым людям.

Они просто остаются на предписанном им месте. Аня возвращается через неделю. Не одна. Перед собой она ведет, чуть ли не насильно, какого-то сильно пьяного бюргера. В белесых глазах видны ужас и обреченность.

— Покажи ему свои документы! — приказывает она жертве и добавляет: — Zeigen Sie Dokumente, Ritter!

Я морщусь от ее немецкого и бегло пробегаю взглядом врученную мне папочку. Только немец мог взять с собой в туристическую поездку родословную!

Скептически пожав плечами, я киваю на дверь:

— Прошу! Bitte!

Немец поворачивает ручку. Тянет на себя.

Аня не дышит. Я смотрю в сторону.

— От себя, — даю непрошенный совет и закрываю глаза.

Топот Аниных кед по лестнице. Пьяная поступь ботинок бюргера.

— Auf Wiedersehen! — кричу я, не открывая глаз. Аня не сдается. Моя квартира начинает напоминать проходной двор.

Ролевики с деревянными мечами, реконструкторы с мечами железными, наш дворник Бахруз с потрепанной метлой, некто в темных очках и с тремя охранниками — все эти люди топчутся у двери, дергают за ручку, тянут, толкают и уходят в ночь.

Аня уходит вместе с ними.

Я беру мокрую тряпку и иду в комнату без окон. Хрусталь должен блестеть.

Однажды на лестнице раздается ржанье. Я некоторое время наблюдаю за попыткой какого-то юнца въехать ко мне в прихожую на белом коне, а потом ухожу в спальню и закрываю за собой дверь.

А ночью, с ножом в одной руке и полупустой бутылкой в другой, я захожу в комнату без окон.

Пришедшее несколько минут назад решение кажется мне простым до ужаса.

Именно что до ужаса.

Не за что ухватиться. Я вставляю нож в еле заметную щель, изо всех сил жму на рукоятку и тут же перехватываю крышку.

Грохот.

Я смотрю на нее.

Какая же она красивая! — мелькает в голове.

Я наклоняюсь над ней.

Как же красиво она смеялась, вспоминаю я, и пела. Как же вкусно она готовила!

И может быть, я всегда мог открыть эту дверь, не потому, что кто-то должен был протирать хрусталь?

Наши губы разделяет не более сантиметра.

Но я ни капельки ее не люблю, — понимаю я и разгибаюсь.

Выйдя на кухню, я беру телефон и звоню. Но не Ане.

Он не нравится мне с первого взгляда. Даже прыщавый блондин в камзоле, взятом в аренду в ближайшем театре, приходивший на прошлой неделе, был симпатичнее, чем этот парень. Он пахнет потом и совсем чуть-чуть перегаром, на его ногтях черная кайма, спецовка в каких-то пятнах.

— Дверь. Заклинило, — жестом показываю я и на мгновение выхожу на кухню. Я чувствую себя идиотом. Кретином. А не надо было смеяться над Аней и белым конем!

В коридоре что-то хрустит и стучит, затем наступает тишина. Я выхожу обратно, собираясь извиниться перед вызванным по случайно выбранному телефону слесарем.

Парень собирает инструменты в сумку:

— Все работает, — сообщает он мне. — Просто ручка тугая. Смажьте ее.

Я открываю рот, затем закрываю. Затем открываю вновь.

— Вы ее пытались открыть? — спрашиваю я. — Вы ее до конца открыли?!

Парень недоуменно смотрит на меня и толкает дверь со всей силы.

Та распахивается, и он видит, что стоит в дальнем углу комнаты.

На лице — странная, неземная улыбка. Он входит внутрь.

Я отворачиваюсь и не дышу.

Я сижу на полу в комнате без окон и курю.

У меня никогда в жизни не было такой огромной хрустальной пепельницы.

В комнату заходит Аня, смотрит по сторонам, улыбается:

— Знаешь, а здесь можно устроить отличную гардеробную, — говорит она, и я чувствую, как улыбка сама собой выступает на моем лице.

Наталия Лирон
Чужие смерти

Оказалось, что хоронить кого-то гораздо тяжелее, чем умирать самому, особенно когда ты знаешь, что сам-то умираешь не навсегда, а вот твой родной брат… хотя кто знает, вечность безгранична и многообразна.

«Да будет отдано по вере его…»

Непременно будет…

Я поглощал завтрак, закидывая в себя, словно дрова в топку, поленья калорий — силы мне сегодня понадобятся. Передо мной лежала утренняя газета, 27 августа 2015 года. Я бегло просматривал заголовки, не особенно вчитываясь в текст.

За гробом пойдут друзья и родственники. Половина из которых вовсе не родственники, а вторая — никакие не друзья, но они откуда-то набрались на дармовое поминальное угощение. Хлопотное это дело — похороны, хлопотное и дорогое.

В два глотка я допил кофе — черт, что за помои! Укоризненно уставился на местного баристу и не сразу услышал звук мобильника:

— Да, — сказал я резко, взяв трубку на незнакомый номер, — да, сегодня в три часа дня. Дресс-код? Бальное платье, бл…

На том конце отключились и я швырнул ни в чем не повинный смартфон в портфель:

— Дура!

Очередная «экс» моего сумасшедшего брательника…

Когда он только купил мотоцикл, я уже знал, чем это закончится. И совсем не потому, что недолюбливал байкеров — к байкерам я был равнодушен, я знал это только потому, что за рулем оказался Алекс — непутевый и безбашенный…

Ангел-хранитель настойчиво берег его целых пять лет, и я уже стал думать, что предчувствие обмануло меня, но вот ангелуша отвлекся всего на секунду, и здоровенная фура подмяла под свое стальное брюхо чоппер моего брата.

Три дня назад я говорил с ним из Нью-Йорка, сетуя на чудовищный джетлаг, рассеянно слушая его вполуха, встречая бессонный американский рассвет, мы договорились увидеться, когда я вернусь и…

И вот я вернулся.

Аккурат к его гробу.

Я старался не думать о матери, потому что если думал, то мне даже мертвому ему хотелось набить морду, впрочем, это единственное целое, что от него осталось, остальное растащило по дороге, а голова как была в шлеме, так в нем и застряла.

Ладно, этот день надо просто пережить.

Я вышел в питерский дождь и не успел раскрыть зонт, как подъехал мой «Убер». Мне нужно было перебраться с Васьки на Заневский и я спешил, до трех необходимо было сделать еще кучу дел…

А черт, что ж так не везет сегодня? По лобовому стеклу мерно тюкали дворники, размазывая серый дождь по стеклам, — машина наглухо

застряла в пробке на Благовещенском мосту.

Дождь все лил и лил, барабаня упрямыми каплями по крышке капота, я прислонился лбом к стеклу… тикали часы на руке, сипло дышал водитель, из автомагнитолы несся хрипатый блюз — звуки стали заметнее, ближе… неужели опять провалюсь?

Я дернул головой, но знал, что не поможет… так не вовремя! Я вцепился руками в сиденье, понимая, что все бесполезно. Это от меня не зависело. Никогда. Реальность отпускала меня, становясь размытой зеркальной гладью, исчезающей голограммой, пустотой…

Я открыл глаза… надо мной был белый потолок, пахло больничной стерильностью и разлитым страхом. Капельница отмеряла тугие секунды моей жизни и наполняла тело иллюзией выздоровления.

Сегодня ко мне придут родственники, а завтра — друзья, но и одни не родственники, и вторые не друзья.

Их лица застывали в радушную маску, как только они переступали порог палаты — эдакого склепа для еще не мертвых, но уже и не живых.

Я намеренно протягиваю мужчинам руку и вижу, как они, превозмогая себя, пожимают мою

влажную слабую ладонь, как тайком вытирают потом свою руку о штанину. К женщинам я более милосерден.

Да, смерть отвратительна, мои дорогие.

Рядом со мной лежит сосед и никогда мне не докучает, потому что в коме. Зовут его Джон Уотс и ему сорок семь лет, это я узнал от русской медсестры Даши, которая периодически что-то записывает в его карте. Ну и остеосаркома, а как же без нее! Посетители были у него только однажды — пожилая пара, и все. Мы периодически разговариваем, точнее, я говорю, а он слушает. Отличный сосед, лучше и пожелать нельзя.

Очень медленно, помогая себе руками, я сел, спустил ноги вниз и, опираясь на стойку капельницы, отклеился от кровати…

Когда я почти дошел до уборной, в палату вихрем влетела девица. Одного легкого толчка хватило, чтобы я с грохотом рухнул на пол, больно ударившись костлявой задницей о твердый пол.

— Простите, извините… я, я… — она залепетала что-то несвязное.

— Смотреть надо! — рявкнул я.

— Простите, я случайно, давайте я вам помогу, — она смотрела на меня сверху вниз.

— Давайте, — я беспомощно валялся на полу

мокрой тряпкой.

Вот гадина! И что ей здесь нужно?

Она подала мне руку, я ухватился за нее и потянул на себя, мы оказались так близко — она обхватила меня за талию, ее подбородок и розовое ухо оказались над моим плечом. Она пахла хрусткой свежестью снега и розмарином. Барышня подхватила меня, и я, взяв ее за плечи, поднялся на ноги. — Ой,– сказала она, поднимая голову, — а вы… высокий.

— Очень тонкое наблюдение, — я посмотрел на нее сурово.

— Пожалуй, я позже зайду, — пробормотала она и выбежала.

А минут через сорок снова зашла — на сей раз очень аккуратно, посмотрела на мою койку, опустила глаза и сдавленно сказала:

— Здрасьте.

Я на это ничего не ответил.

— Я недолго посижу, — и пошла к кровати, на которой лежал коматозник.

Придвинула стул и села рядом с ним.

Я украдкой поглядывал на нее — высокая, русые волосы, забранные в хвост, большие серые глаза… она сидела почти не шевелясь, всматривалась в лицо неподвижного человека, переводила взгляд

то в окно, то на тихо пиликающую аппаратуру и снова на его лицо.

Так она просидела с полчаса, потом молча поднялась, пошла к выходу, задержалась в дверях, обернулась:

— Вы… э-э-э выздоравливайте и извините меня, я бываю ужасно неуклюжей. Я… я завтра еще приду.

— Пока, — сказал я ей вдогонку.

Глазищи огромные, испуганные… то, как она касалась меня — так, словно я был нормальным человеком, ее холодные ладони, которые я чувствовал сквозь больничную пижаму. На ее лице не было этой брезгливой гримасы, скрытой под деланной доброжелательностью.

Интересно, кто она такая?

Так, дорогой Майкл, это что за вздор? Какая разница, кто она? Тебе умирать пора, а не на девушек заглядываться.

Я включил телик и до самого вечера бездумно щелкал пультом, то и дело вспоминая ее щеку и ухо так близко от меня, что я почувствовал ее тепло.

Уже перед тем как добрая Даша должна была вкатить мне ночную дозу обезболивающего и снотворного, я дополз до уборной, плеснул себе

в лицо холодной воды и уставился в зеркало. То, что я в нем видел, было теперь мной — почти два метра гремучих костей, лысый, без бровей, с заострившимся костистым носом, серыми мутноватыми глазами и серыми же кругами под ними — красавец!

— Урод, — задушевно шепнул я своему отражению и отправился в кровать.

Она пришла на следующее утро, я сквозь дрему почувствовал, как кто-то дергает меня за плечо, и открыл глаза.

— Извините, — она стояла возле моей кровати.

— Ч-ч-что? — сипло спросил я спросонок.

— Вам кофе можно? — Она держала в руках два пластиковых стакана.

— Вы? Что? — Я пытался понять, что ей от меня нужно.

— Латте, — она поставила стакан рядом на тумбочку, — я на всякий случай вам купила, вдруг вы пьете.

«Сумасшедшая какая-то», — мелькнуло у меня в голове.

Я посмотрел на часы — без пяти минут шесть.

— Я скоро уйду, — грустно сказала она, — зря только вас разбудила. Просто потом кофе остынет и пить его будет невозможно, я, знаете, люблю

горячий. Тут, возле больницы, кофейня есть, рано открываются, и кофе вполне приличный.

Я смотрел на нее во все глаза, пока она продолжала болтать всякий вздор.

— Я думала: какой вам взять? Сама я люблю мокачино, это кофе с шоколадом, друзья говорят, что я пью всякую дрянь, а мне нравится. Латте тоже ничего. Вам нравится латте?

На ней были надеты джинсы, черный свитер на пару размеров больше, из закатанных рукавов выглядывали узкие ладошки, на шее намотан огромный шарф.

— Я зашла перед занятиями, днем вряд ли получится, — она пододвинула стул к кровати Джона Уотса, села на краешек его постели, на стул поставила ноги в ботинках, отвернулась от меня и уставилась на него.

Я сделал вид, что снова уснул, а сам молча разглядывал ее из-под полуприкрытых век. Длинная шея, покатые плечи и совершенно с ума сводящий запах — холода и снега, мяты, розмарина, кофе и шоколада.

Так же, как вчера, она просидела, почти не шелохнувшись, минут двадцать, потом встала, подошла к моей койке — я изображал спящего, но чувствовал на себе ее взгляд — внимательный,

цепкий…

— Кажется, вы притворяетесь, — услышал я ее голос, но глаз не открыл, — выздоравливайте, — за ней щелкнула дверь.

На моей тумбочке остался остывающий латте.

Я медленно сел, взял в руки стаканчик и пытался вспомнить, когда я в последний раз пил кофе. Открыл пластиковую крышку и вдохнул… волшебный запах — будничного раннего утра, пробежки, грядущих лекций… Я ставил на свой преподавательский стол почти такой же стаканчик с кофе и говорил сонным студентам тему сегодняшнего занятия.

Кофе пах совсем другой жизнью. Он пах жизнью.

Я грел руки о теплый стакан, не решаясь сделать глоток, и вспоминал прошедшее время, отмеренное мне судьбой, уложившееся в двадцать девять лет.

До юбилея я не доживу.

В следующий раз она пришла через день, заглянула в дверь, улыбнулась.

— Вы не возражаете? — стремительно зашла в палату, — я не надолго, — она это говорила каждый раз, когда приходила, — нужно к лекции готовиться.

— К какой? — спросил я.

— По техносферной безопасности, — она снова улыбнулась.

А я вдруг остро почувствовал свой собственный запах. Запах болезни, немощи и лекарств. И передо мной совершенно явственно вырисовалась пропасть, разделяющая нас.

— Гм… серьезная тема, — я закашлялся.

— Можно присесть? — спросила она и, не дожидаясь моего ответа, взяла стул и села рядом.

Что ей нужно от меня?

Мне было странно, что она разговаривает со мной так, будто мы с ней не в больнице, а где-нибудь сидим в кафе, попиваем латте, болтаем, обсуждаем лекции, смеемся, зная, что вот-вот разойдемся по своим делам. Я бы смотрел на нее украдкой и думал о том, чтобы поцеловать.

Так, стоп!

— Вам нехорошо? — она посмотрела на меня встревоженно. Я был красный до ушей…

— Гм… строгий преподаватель? — Я попытался скрыть замешательство.

— Что? — не поняла она.

— Вы сказали, что нужно готовиться к лекции, вот я и спрашиваю — строгий у вас преподаватель?

Она засмеялась, да так звонко и заразительно, что я тоже начал улыбаться, а потом испугался, что ее услышат из коридора, и показал ей пальцем:

— Тссс…

— Да-да, — она кивала, продолжала хихикать.

— Это я, — ответила она.

— Что — вы? — Я ничего не понял.

— Я преподаватель, — прикрывая рот рукой и даваясь смехом, сказала она.

Тут я тоже начал смеяться — в жизни бы не подумал! Ну сколько ей? От силы двадцать? Кого учит? Какой безопасности?

— И… давно вы преподаете? — Я удивлялся собственному любопытству, которое вызывала у меня эта странная девочка.

— Второй год всего, — она повернулась в профиль и фас, — а что, совсем не похоже?

— Совсем.

— Многие так говорят, — она махнула рукой, — мне на самом деле двадцать пять, — она улыбалась, — а вы?

— Я? — Веселье мгновенно закончилось, словно мы вернулись из солнечного дня в сырую хмарь. — Я тоже был преподавателем.

Был… откуда взялась эта сумасшедшая дев-

чонка, которой, оказывается, двадцать пять? Почему она не возникла в моей жизни раньше? Или никогда. — Гм… да, — она тоже погрустнела, легко соскочила со стула и подошла к соседней кровати: — Извини, что не посидела с тобой сегодня, — обратилась она к Джону Уотсу так, будто бы он ее слышал, — я завтра вечером забегу.

Снова подошла ко мне:

— Выздоравливайте.

— Не могли бы вы… — я сам от себя не ожидал, — поправить мне подушку. Пожалуйста.

— Конечно, — легко согласилась она, не замечая моей уловки.

Подошла ближе и наклонилась надо мной, приподнимая мне голову прохладными руками… Я вдыхал ее хрустальный запах и старался растянуть секунды до предела, слушал, как колотится мое сердце, чувствовал, как ее светлый локон, выбившийся из хвоста, касается моей щеки, подбородка, и ее дыхание так близко…

Она ушла. А я уставился в потолок — идиот! Я даже не знал, как ее зовут. Зачем, зачем, Господи, ну зачем?

Здоровее я не стану… сколько еще? Месяц? Я закрыл глаза — проклятый кретин!

Насмешка судьбы… а мне казалось, что я вы-

пил свою жизнь до дна. И вот напоследок… Надо признать, у бога отменное чувство юмора. Я бы сказал, своеобразное.

Утром следующего дня медсестра — толстая черная Марта принесла мне завтрак: полужидкую диетическую кашу и стакан молока. Положила передо мной утреннюю газету — 2-е октября 2012 года. Я бегло просмотрел заголовки, потом включил телек и считал минуты до ее прихода… а когда она пришла, притворился спящим.

— Привет, — легко сказала она, увидела, что я сплю, развернулась и села к Джону Уотсу на кровать. Молча просидела положенные полчаса, встала, подошла к моей койке, покрутилась.

Я застыл в ожидании, стараясь никак себя не выдать.

— Эй, — тихим шепотом — вы спите? Или притворяетесь, чтобы я вам не докучала?

И совершенно неожиданно дотронулась до моего лба, я инстинктивно вздрогнул…

— Ш-ш-ш-ш-ш, — мягко сказала она, снова проводя рукой по лбу, — а я знаю, как вас зовут, вот тут написано, — она прочитала на планшете, прикрепленном к моей кровати, — а я Энн, Энн Грин. Рада знакомству, Майкл Девис.

Я понял, что дальше притворяться бессмыслен-

но, и открыл глаза.

— Я просто очень устал, — получилось фальшиво и ненатурально.

— Я уже ухожу, — грустно ответила она, убирая руку, — вы не устали, Майкл Девис, просто мое общество вам неприятно.

Она соскочила с кровати, быстро замоталась в шарф и…

Она же сейчас уйдет, уйдет!

— Энн, подождите, — я не узнал собственного голоса.

— Да? — она мгновенно остановилась.

— Ваше общество… не поймите неправильно. Ваше общество мне… — я должен был ей сказать, — оно мне слишком приятно, понимаете? И это с таким лишком, который мне не осилить. — Ой,– она улыбнулась и растерялась и покраснела…

Господи, какой же красивой она была в этот миг! — Вы мне нравитесь, Энн Грин. И я умираю, — у меня не было времени на кокетство.

— Прямо сейчас? — спросила она, испугавшись.

— Гм… нет, — как я ни хотел сохранить пафосный тон, это мне не удалось, — не прямо сейчас.

— Тогда мы могли бы просто поболтать? Или

вам нельзя? — она спрашивала всерьез.

— Зачем? — я разозлился. — Разве это смешно, Энн Грин?

— Совсем не смешно, — она вдруг стала ужасно серьезной, — просто вы мне тоже нравитесь, Майкл Дэвис.

— Господь милосердный! — я возвел глаза к потолку.

Да что же она делает со мной? Что в ней такое? Как? Почему? Откуда и зачем?

— Вы понимаете, что я скоро умру и что это все бред? И ваше «нравитесь» — просто жалость к умирающему. Неужели это не понятно? — Мне хотелось, чтобы она ушла. И никогда больше не открывала эту чертову дверь. — Уходите! Уходите, слышите! И не возвращайтесь.

— Не могу, — она развела руками, — я единственный близкий человек Джона Уотса, это мой отец. И прежде чем впасть в кому, он написал свою последнюю волю и назначил меня тем, кто будет решать, отключать ли его от аппарата искусственного поддержания жизни или нет.

Вот оно как! Сейчас я поверил в то, что ей двадцать пять. Это был совершенно другой человек — взрослая женщина, уставшая и грустная, которой нужно было принять непростое решение.

— Так что вы извините, Майкл Дэвис, как бы вам это ни было неприятно, или наоборот, я буду приходить сюда. Разве что вы переедете в другую палату или… домой, или…

— Или умру, — безжалостно закончил за нее я.

— Или умрете, — спокойно согласилась она.

Развернулась и пошла к выходу.

— Энн, — мне не хотелось, чтобы она уходила такой печальной, — извините меня. Я хочу, чтобы вы поняли и не…

— Я понимаю, — она кивнула, снова став девчонкой, — и не сержусь.

На следующий день дежурила Даша, у которой я выспросил про Энн все, что только мог. Оказывается, Джон Уотс бросил свою беременную подружку, мать Энн, потом давал им какие-то деньги и больше никак не участвовал в жизни своей дочери. Родители его умерли, старший брат погиб в автокатастрофе, семьей он не обзавелся, и Энн Грин была единственным кровным родственником этому человеку. И да, она преподавала в муниципальном экологическом колледже, а мама ее жила в Калифорнии.

Та немолодая чета, которая его навестила однажды, оказалась соседями, которым он когда-то отдал собственное завещание вместе со своей

последней волей.

И сейчас Энн приходила к нему почти каждый день и еще проводила какое-то время у него дома, пытаясь понять, чего бы он хотел — умереть или оставаться на искусственном жизнеобеспечении. Денег у него на такое обеспечение хватало на несколько жизней вперед.

Я поразился ее обстоятельному подходу к этому делу. Внешне она производила впечатление легкой и смешливой барышни, но, похоже, это была только одна грань ее натуры.

Ее не было два дня, и я с удивлением обнаружил, что скучаю — по ее быстрым порывистым движениям, розмариновому запаху и бездонным глазам…

И ненавидел себя за это.

— Знаете, я тут подумала, — без всякого приветствия сказала она, влетая в палату, — что нам надо обменяться номерами мобильных, а то это же…

— Никуда не годится, — подхватил я, улыбаясь.

— Именно, — ничуть не смутившись, добавила Энн.

И мы обменялись телефонами и стали перезваниваться. Болтать с ней было легко, мы говорили обо всем на свете и не могли наговориться. И

«добре утро», «хороших снов» — смски связывали нас шерстяными нитями…

Она приходила то днем, то рано утром, то вообще ближе к ночи, пользуясь свободой посещения для безнадежных больных, а мистер Уотс был абсолютно безнадежен.

Она садилась ко мне на кровать и рассказывала про свой день, про своих студентов, а преподавала она предмет с суровым названием «техносферная безопасность нефтяных установок». Кто бы мог подумать!

Я снова чувствовал себя живым. И мне снова было больно, потому что я отчаянно хотел жить дальше.

— Тебе обязательно умирать? — как-то буднично спросила она, садясь на край моей постели.

— Энн… — странный вопрос, — если честно, очень не хочется, особенно сейчас.

— Вот и мне не хочется, чтобы ты умирал, — она коснулась моей руки. — Можно?

— Гм… да, — я чувствовал ее прохладные пальцы, и сердце мое застучало быстрым пунктиром.

— Можешь подвинуться? — В ее серых глазах мерцали горячие угли.

Она отвела мою руку в сторону и легла рядом. Я закрыл глаза — сердце колотилось о ребра, а

голову наполняло хмельным звоном.

Она снова взяла меня за руку и переплела наши пальцы…

— Если бы ты мог не умирать… если бы мог, — она мягко повернула мою голову к себе.

Мы встретились взглядом.

— Если бы ты мог, Майкл Дэвис, — ее лицо было так близко… глаза, словно растаявшие жемчужины… — Энн, я, я… — мне казалось что так не бывает, что это все сон, и сейчас…

Она коснулась моих губ своими, и я дернулся, словно от ожога, да это ожог и был…

— Энн… по-по-годи, — я почти задыхался, — я…

— Тебе плохо? — встревожилась она.

— Нет, но…

Она дальше не стала слушать, мягко обнимая мое лицо ладонями, снова касаясь губами… в ее поцелуе было столько горькой нежности, топкой жажды… Хотя мне казалось, что там давно все умерло, гораздо раньше, чем я смирился с собственной смертью.

Что же ты делаешь со мной, Энн Грин? Что ты сделаешь, если я тебя не остановлю?

Но она остановилась сама, чуть отодвинувшись от меня.

— Т-т-ты как? — выдыхая спросила она.

— Н-н-ормально, — ответил я, будучи не совсем уверенным в том, что это так, — все хорошо.

И тут же понял, что все плохо. Что все настолько плохо, что хуже и быть не может.

Она лежала рядом и время текло сквозь нас, отмеряя наши неравные жизни.

— Если бы я могла умереть вместо тебя, — сказала она тихо.

— Ерунда, — буркнул я.

— Ты, конечно, подумаешь, что я сумасшедшая, но, знаешь, я иногда умираю за других людей, — лежит, потрагивая мои пальцы, — в других жизнях, в другом времени. В этой жизни я живу постоянно и всегда возвращаюсь сюда.

Точно, сумасшедшая. Несет какую-то околесицу, — я лежал и улыбался.

— Если бы я могла умереть за тебя, — снова эта странная фраза.

И что-то внутри меня дернулось, откликнулось…

— Это как? — я повернулся к ней.

— Понятия не имею, что там за сбои у мироздания, — полушутя сказала Энн, — как тебе объяснить? Есть люди, которым невозможно или не нужно проходить через смерть, их души слишком хрупкие, они не могут выдержать мига

небытия, а в смерти без этого никак. И тогда я становлюсь этим человеком и умираю вместо него.

— Забавно, — но забавно мне вовсе не было, меня окатило липким страхом, безотчетным ужасом, — а куда девается тот, э-э-э… кому противопоказано умирать?

— Не знаю, скорее всего, отправляется дальше, минуя этот опыт, — она это говорила как само собой разумеющееся, — я знаю, что ты мне не веришь, ничего страшного, можешь считать это глупой фантазией.

— И что ты за это получаешь? — спросил я, но уже знал ответ и сказал в одно слово с ней: — Время.

— Так ты знаешь? — она смотрела на меня с неподдельным изумлением.

— Догадался, — но я не догадывался.

Лютый холод хищной змеей ползал внутри, страх сжирал меня заживо, не оставляя от недавнего тепла ничего: ни эха, ни тени.

В одно мгновение я все знал и понимал, что обрел это знание слишком рано. Я вспомнил, кто я и зачем я тут.

Зачем я ее встретил?

Этой встречи не должно было быть.

Мы не должны узнать друг друга, этого нельзя

допустить. Если мы узнаем друг друга, один из нас умрет. Умрет навсегда.

— Что с тобой? — она села. — Ты дрожишь, тебе плохо?

— Уходи, — меня било крупной дрожью.

Она встала, ее огромные серые глаза смотрели на меня со страхом:

— Майкл?

— У-хо-ди, — едва смог вымолвить я. Тело наливалось могильной тяжестью, стальной крошкой, становясь непослушным и чужим…

— Майкл, что с тобой? Майкл?!

Она давила кнопку вызова:

— Майкл, держись! Марта, Ма-а-а-рта! Доктор Хендрикс! Кто-нибудь… — ее голос разносился по больничному холлу. И сквозь нарастающий звон в ушах я слышал торопливые шаги… Холод разливался по телу, сковывая движения, замедляя дыхание, время замерзало вместе с моим сердцем, которое колотилось поверхностным судорожным пульсом…

Другого выхода у меня просто не было.

Из общего гула мой мозг выхватывал короткие колкие слова:

Непрямой массаж. Майкл! Вы слышите меня? Майкл? Что случилось? Я не знаю, мы целова-

лись, потом… Два, три… еще… Сколько прошло? Ничего не было, он просто лежал. Мешок. Майкл! Качай. Адреналин. Кубик. Атропин. Двадцать минут. Качай. Майкл! Отойдите! Еще адреналин. Два. Время? Зубец? Нет. Еще. Я люблю тебя! Люблю! Еще атропин. Асистолия.

Время?

Времени не осталось, оно свернулось в черный сгусток небытия, который упал мне в руки… Последним выдохом я целовал краешек той реальности, в которой странная девочка, умеющая умирать за других, сможет пережить мою смерть.

И впервые в этом посмертном миге была для меня пропасть боли, боли потери.

Я открыл глаза… что это? У меня над ухом надсадно тикали часы — я лежал на собственной руке.

— Эй, вы там что? — обернувшийся водитель разглядывал меня. — Парень, тебе плохо?

— А? — Я лежал на заднем сидении машины.

— Ты мне тут только не блевани, ты обдолбанный, что ли? Перегаром от тебя не несет, — мы стояли в пробке.

— Да нет, я в порядке, — я приходил в себя…

Такая странная жизнь и странная смерть.

Слишком быстрая, слишком… Энн!

Я вспомнил ее и сжал кулаки:

— Какой сегодня год?

— Точно обдолбанный, — ругнулся водитель, — вылезай давай.

— Тьфу, дурак, — без лишних слов я вылез из машины, вытащил из портфеля зонт. Затренькал мобильник. Звонила мама:

— Да? Еду, стою в пробке, точнее, иду к метро, постараюсь побыстрее.

Нажал отбой — на экране высветилось время и дата: 27 августа, 2015 год.

Сегодня похороны моего брата. А там была осень и 2012 год. И Нью-Йорк.

Меня потряхивало. Так было всегда, когда я возвращался. Иногда несколько часов, а иногда и несколько дней я приходил в себя, вживался в свою жизнь, вспоминал лица и события, привыкал к себе.

Но сегодня никаких послаблений.

Дождь лил как из ведра, я пошел по мосту, добираясь до метро. Подо мною чернела Нева — равнодушная и холодная, как дыхание мироздания.

Я помнил всех, за кого когда-то умер, я знал, что их смерти прибавляют время к моей жизни. Я по-

нятия не имел, как и чем заслужил такую судьбу. И лишь однажды я встретил такого же, как я.

Это была бабушка Тамара, которая работала у нас в универе уборщицей. На вид ей было лет семьдесят, а как потом выяснилось, сто сорок семь. Она- то мне и объяснила что к чему. Вкратце, остальное я понял сам.

Мы с ней виделись несколько раз. Помню, она мне сказала однажды, мол, если будет совсем туго — заходи. Я еще не заходил ни разу, но наизусть помнил ее адрес.

Кто ты такая, Энн Грин? И почему, узнав тебя, мне пришлось умирать так быстро? Я никогда не встречал таких, как я, в других жизнях и чужих смертях. Никогда.

Я шел сквозь дождь и свои воспоминания, одежда на мне постепенно промокала, в туфлях хлюпало… Она ведь целовала меня… настоящего меня… Именно поэтому было так ярко и жарко, так нежно и больно…

Ч-ч-ч-ерт… я стиснул кулаки.

Я ехал в метро и думал о своей странной жизни, наполненной не своими смертями. Это случалось не так уже часто — четыре-пять раз в год.

Время… нужно время… Я забуду ее.

Я стиснул зубы и вышел на Новочеркасской.

Следующие несколько часов тянулись вязким ливнем, я звонил в крематорий и похоронное бюро, давал маме успокоительное, принимал соболезнования от съезжающихся родственников и друзей…

Кремация была назначена на три часа.

Пару лет назад за бутылкой темного гиннеса мы с Алексом случайно заговорили о смерти. Тогда он, смеясь, сказал, что не желает, чтобы его татуированное тело жрали черви, дескать, огонь — это чище и прагматичнее.

Так и будет, мой братец, так и будет.

В зале крематория все разговаривали вполголоса, кучкуясь по степени родства и знакомства.

Краем глаза я заметил, что от кучки друзей отделилась одинокая фигура и подходит ко мне.

— Да, я вас… — я обернулся и застыл как вкопанный.

— Скажите пожалуйста, — она смотрела мне в глаза, — сколько… вам плохо?

— Мне? — Я не мог в это поверить.

— Вы побледнели, — она смотрела на меня все теми же серыми глазищами.

Этого не может быть. Просто не может быть. Я ущипнул себя за запястье — не помогло, стоял и смотрел на нее, будучи не в силах вымолвить

ни слова.

— Я только хотела узнать, сколько продлится мероприятие, — она совсем стушевалась.

— П-простите, — я заикался, — Михаил, брат, — и протянул ей руку.

— Анна, — коротко кивнула она, — подруга. Мы с Сашей учились вместе. Правда, давно.

— Прощание примерно два часа, потом будут поминки в ресторане, — я попытался взять себя в руки.

— Вы… не обидитесь, если я не пойду в ресторан? — странно спросила она.

Обижусь? Мне что, пять лет?

— Н-нет, — я едва сдерживался, чтобы не хохотнуть, понимая, что это нервный смех, но уж больно нелепой была ее фраза.

Да, она была такая же, как там.

Зачем она здесь?

А потом были речи и… прощание с усопшим.

Я все никак не мог осознать, что «усопший» — это Алекс и есть. Это с ним никак не увязывалось. Придурок безбашенный — это да, но вот… усопший?

Я отгородился броней важных дел, чтобы не чувствовать боли, чтобы не скорбеть по своему младшему брату. Во всяком случае — пока.

И эта Анна… вот что мне с ней делать, а? Ведь она меня явно не помнит.

Закончилось прощание, и Алекс, лежащий в ящике, обтянутом синей тканью, укатил в огненную пасть печи крематория.

Отзвучали речи, рыдания, заглох звон посуды, шуршание шин, я поручил маму заботам тетки и…

И сидел теперь у себя дома на подоконнике, глядя на слепой дребезжащий дождь, накачиваясь виски и поминая моего глупого братца.

Этот невозможно долгий день наконец-то закончился. На экране мобильника весело звякнули цифры, новенькие сутки нерешительно топтались на пороге, не зная, начинаться им или погодить… но вот она, первая минута грядущего дня — время, икнув, покатилось дальше.

Сейчас я совершенно отчетливо понимал, зачем она здесь, — ровно за тем же, за чем и я оказался там. Она скоро умрет. Вот эта Анна, а не Энн Грин, скоро умрет в Петербурге в 2015 году.

Прошла неделя, пошла вторая, а я не мог перестать думать о ней. Я боялся не успеть застать ее еще живой. Здесь. И в то же время боялся этого до невозможности, потому что знал, что именно случится потом.

Когда-то бабушка Тамара говорила мне об этом, случайно и вскользь, но все-таки… «Если ты встретишь такого же, как ты, в чужом времени, Мишенька, самое лучшее, что вы можете сделать друг для друга, — это разойтись неузнанными. Иначе один из вас умрет. И это не обязательно будешь ты».

Я и сейчас слышу ее мягкий голос.

Я хочу, чтобы ты, Энн Грин, жила долго… очень долго.

Я вертел в руках мобильный… Ну что я ей скажу? «Привет, Анна, я брат покойного Александра, давайте встретимся?» Бред!

Она взяла трубку с первого же гудка:

— Да?

— Э-э-э… здравствуйте, Анна, я… я брат Саши, который…

— Дивасова?

— Да. Гм… давайте встретимся?

— Давайте, — она согласилась так быстро, что я опешил, — вы сегодня можете? У меня как раз вечер свободен.

— Могу, — я все еще не верил, — точно?

— Да, — кажется, она торопилась, — часов в семь?

— Восемь?

— Восемь? Хорошо. Можно погулять в Таврическом? — быстро говорила она.

— Тогда у входа? — Я стремился подстроиться под ее разговор.

— Да, до встречи, — сказала скороговоркой и нажала отбой.

Это было странно, но никакого стеснения между нами не было, ну, кроме первых пяти минут и нескольких перезвонов с выяснением, кто и у какого входа стоит. Мы шли по парку, она рассказывала про свою работу, друзей, любимую музыку… Мы неожиданно хохотали над случайно обнаруженным общим знакомым, она зябко куталась в рукава черного свитера, явно на пару размеров больше, такая же высокая и худая, и я не мог на нее насмотреться — она казалась видением, ожившей тайной, она была единственной, кто знал меня настоящего, еще там, в Нью-Йорке, куда я пришел за чужой смертью.

— Давайте я вас довезу домой, — сказал я, когда мы вышли из парка и застыли в растерянности. — Давайте, — с облегчением согласилась она, радуясь тому, что я ничего не предложил дальше и ей не пришлось отказываться.

Мы прощались у ее парадной и… она только чуть- чуть приподнялась на цыпочки, я накло-

нился к ней, чувствуя запах хрусткого снега и розмарина, дрожащий между нами воздух, тающий летний день…

Она легко коснулась своими губами краешка моих, невесомо и жарко…

— Мы увидимся завтра? — спросила, чуть отодвигая меня рукой.

— Да, — я видел только ее глаза, которые заслоняли собой весь мир, — да, увидимся.

— Хорошо, — сказала и быстро скользнула в парадную.

А я остался, прислонившись к двери, колени слабели, голова шла кругом… а вроде взрослый дядя. Неужели тебе непременно нужно умирать тут, Энн Грин? Если бы я мог умереть за тебя. Я умею это делать. Я никогда ей этого не скажу.

Я знал, что, умерев тут, она вернется в свой Нью- Йорк 2012 года… но там не будет меня. Там никогда не будет меня.

Сколько у нас есть времени?

А через неделю я помогал ей переезжать. И был бы рад, если бы ко мне, но нет, с одной съемной квартиры на другую.

Переезд случился внезапным и бестолковым, вещи сваливались в кучу, распихивались по коробкам и тюкам, я заказывал машину и был

добросовестным грузчиком. К самому вечеру я дотащил последнюю коробку на четвертый этаж по узкой лестнице старого дома на Петроградке.

— Все, это последняя, — констатировал я свершившийся факт и вытер трудовой пот со лба.

— Ты похож на заправского ковбоя! — смеясь, сказала она, окидывая меня взглядом. — Синие джинсы, клетчатая рубашка… осталось только шляпу нацепить.

— Ну, да, — я чувствовал собственный запах, и это мне не нравилось, — слушай, в твоей новой обители есть душ? А то после бойкого трудового дня я похож скорее не на ковбоя, а на прозаичного потного грузчика.

Когда я вышел из ванной, в комнате горела крохотная настольная лампочка, времен Ильича, а Анна лежала на диване звездой, раскинув руки в стороны.

— Ну вот, теперь я похож на человека, — сообщил я, стоя посреди комнаты и не зная, куда себя деть. Она смотрела на меня смеющимися глазами и легонько похлопала рядом с собой. Уговаривать меня не пришлось. Она подвинулась, и я плюхнулся рядом с ней, предсказуемо вытянув ноги за края дивана.

— Сложно быть длинным? — спросила она.

— Гм… я уже привык, — она перекатилась на живот, ближе ко мне, оказавшись немного надо мной, и я замер на полуслове.

— Анна… — мне нравилось называть ее полным именем.

Ее глаза в полумраке комнаты мерцали черными антрацитами. Она смотрела на меня внимательно, не улыбаясь…

— Анна…

Через два дня она погибла в автомобильной аварии.

Я даже на похороны не пошел. Что мне там делать?

— Ты уже дома, Энн Грин, ты уже дома, — шептал я, сидя на подоконнике, — и я знаю, что ты меня помнишь, хотя лучше бы не… Лютой февральской стужей, дубея на ветру, я добрался наконец до Тамары. Она жила в каких-то диких хрущебах на Ломоносовской.

— Совсем скрутило? — спросила она, заглянув мне в глаза, когда я прошел в крохотную кухоньку ее маленькой квартирки.

Я молча кивнул… Что я ей мог сказать?

И тут же понял, как мне хочется рассказать обо всем, что мучило и грызло меня все это время: о том, как я не мог уснуть, ворочаясь часами в

постели, как скучал по ней — руками, губами, всем телом… мучительные минуты тянулись невообразимо долго, и не было никакого намека на облегчение.

О том, как я кусал губы до крови, потому что нестерпимо хотел коснуться ими ее губ, кончиков пальцев, светлых локонов и не мог забыть ее запаха и прикосновений, ее смеха и молчания.

Я думал, что будет легче.

Я хотел рассказать о том, как забивал свое время до предела, днюя и ночуя на работе, и как мне казалось, что вот-вот, и станет легче, но стоило мне закрыть глаза, как я словно бы наяву снова и снова переживал то, что было между нами. А потом выпадал из этого забытья в реальность — настоящую, холодную, окружающую меня девственно-чистой пустотой, немыслимой стерильностью безмолвия. Это было нечто неподвластное мне, от чего я терял разум и становился одним сплошным оголенным нервом.

И я так больше не мог, как ни пытался себя уговорить.

Тамара пошарила в недрах кухонных ящиков и поставила на стол небольшой пузырек с мутной зеленоватой жидкостью.

— Что это? — хрипло спросил я.

— Эликсир забвения, — ответила она.

— Что?

— Если ты его выпьешь, Мишенька, — в ее взгляде было сочувствие, — то ты ее забудешь. И продолжится дальше твоя жизнь, но тем самым ты исключишь даже малейшую возможность того, чтобы вам встретиться снова.

— А что, такая возможность есть? — Я встрепенулся.

— Пока люди живы, возможность всегда есть, — она развела руками, — да и после смерти… чего на свете не бывает.

— А если я выпью? — Риторический вопрос…

— Тогда ты забудешь все, что было и тут и ТАМ. Она исчезнет из твоей жизни навсегда. И это будет необратимо, — ее слова не были жестокими, — перед тем как выпить — просто назови ее имя.

— Спасибо вам, — я попытался улыбнуться и встал, — я пойду.

— Иди, — она похлопала меня по плечу.

Прислонившись к холодному стеклу лбом, я сидел на своем любимом подоконнике. Рядом со мной стояла склянка с зеленоватой жидкостью. Всего пара глотков — и я перестану так тосковать по ней, но… но тогда я больше не вспомню ее

глаз, не почувствую ее запаха, убью и то, что у нас с ней было, и пусть и призрачную, но все же надежду на то, что может быть, когда-нибудь… но и боль тогда исчезнет тоже.

Я кручу эту чертову склянку в руках и медлю, медлю…

ЭПИЛОГ

Я вспомнила его слишком поздно, за миг до того, как пьяный водитель выкатился на зебру… Того Майкла Дэвиса, которого я любила, с которым меня связала судьба так ненадолго. Он был для меня рожденным вымыслом, звуком, ветром… Я и сама понять не могла, что в нем? Худой, безволосый, умирающий парень… как так вышло, что сердце мое выбрало его?

Я узнала его нутром, своей сутью — глубинной, морской, и все остальное стало не важным.

Полгода прошло с нашего первого и единственного поцелуя, я похоронила своего отца и оказалась в странном городе с мостами и белесым ночным небом, проживая последние дни за девочку Анну… и он оказался рядом. Это был он, мой Майкл. Почему я узнала это только перед смертью? Хотя нет, сейчас я могу сказать точно, что узнала его, как только подошла к нему в зале

крематория. Мое сердце узнало и отозвалось.

Именно поэтому с ним было так легко.

Словно янтарные четки, я перебирала наши мгновения там и тут — поворот головы, его голос, смех, его терпкий морской запах. Где ты остался, Майкл? В чужом 2015 году, в Петербурге? Как мои ладони могли жить без твоего тепла?

Зачем? Почему? Я не переставала задавать себе этот вопрос.

Одиночество оборачивалась колючей пустотой без него, выворачивая мою душу наизнанку. Дни дробились серым гранитом, длились монолитной тяжестью, растаскивая меня на нитки, на лоскуты — это было медленной, невыносимой пыткой.

И я не выдержала — пришла в азиатский квартал к тетушке Тамар. Еще в моем студенчестве, когда я только-только начала умирать за других, она появилась в моей жизни и оказалась такой же, как я. Для меня это тогда стало невероятным облегчением, я перестала считать себя сумасшедшей и задумываться о походе к психиатру. Я помню, что она сказала тогда: мол, заходи, если станет совсем трудно, и дала свою карточку с адресом.

И вот я пришла.

В ее доме было многолюдно, шумно, вокруг крутились детишки, что-то у нее спрашивая, дергая друг друга, смеясь и толкаясь.

— Кыш! — деланно-сурово прикрикнула она на них, проводя меня в небольшую каморку, — ну… что? — Она смотрела на меня понимающим взглядом.

Я вкратце рассказала «что».

— Да-а-а, — она кивала головой, — он все правильно сделал, потому что если бы вы ОБА узнали друг друга, то одному из вас пришлось бы умереть, понимаешь?

— Понимаю… — я действительно понимала, но… что мне делать? — Я стиснула кулаки.

— Гм… — Она на минуту вышла, вернулась и поставила на стол небольшую бутылочку с мутноватой жидкостью — эликсиром забвения.

— Эликсир? — Я взяла пузырек в руки.

— Если ты его выпьешь, то забудешь своего Майкла, — она говорила тихо и размеренно, — ты забудешь все, что с ним было, и все, что хоть когда-нибудь может случиться.

— Неужели может? — Сердце иглой кольнула надежда. — Ты же сама только что сказала…

— Кто знает наверняка? Зачем-то же вы встретились, правда? — Она кивнула на крохотную

бутылочку. — Если ты это выпьешь, то из твоей памяти сотрется все, что было с этим человеком и там и тут. Навсегда. Тебе стоит только назвать его имя и сделать пару глотков. Поняла?

— Поняла, — я взяла склянку со стола, — спасибо тебе.

Тамар ничего не ответила, только кивнула, похлопав меня по руке.

И вот я сижу на скамейке в Риверсайд-парке, вокруг меня серебрится мороз, белый снег стучится ледяным и новым… Я вспоминаю, как мы гуляли по Таврическому, он высокий, светловолосый, с такими же серыми глазами, как у меня. Я слышу его смех, чувствую его тонкий запах — муската и моря.

Передо мной стоит небольшая бутылочка с мутной зеленоватой жидкостью, я знаю, что мне стоит ее выпить, чтобы боль отступила. И он навсегда исчезнет из моей жизни, исчезнет и этот призрачный невозможный шанс, что когда-то, где-то и как-то… может быть…

Я верчу эту проклятую склянку в руках и медлю, медлю…

Алиса Хэльстром
Дорогая Серена

Дорогая Серена.

Небо Земли может показаться ярким, только если не с чем сравнивать.

Как мне рассказать о Нектоне тем, кто там никогда не был? Как рассказать о нашем ослепительно ярком небе? О том, как оно меняет цвет на протяжении дня: лиловый на рассвете, бирюзовый или лазурный днем, изумрудный на закате,

темно- фиолетовый — почти черный — ночью.

И звезды! Россыпи колючих звезд.

Как описать пурпурно-синий океан? В холодной глубине вспыхивают и тут же гаснут белые созвездия. Помнишь, ты так называла местный планктон?

Когда я закрываю глаза, я вижу океан, необъятный, незыблемый, вечный. Чувствую его дыхание.

Слышу, как шелестит листва на ветру, но представляю, что это шепчут бесконечные нектонские моря. Иду по твердой земле, но кажется, что подо мной кубометры воды, и я на плавучей платформе, которая слегка покачивается на волнах. Я никак не могу избавиться от этого ощущения.

Здесь, на Земле, все по-другому. Леса и зелень, города, гудящие провода, которые опутали всю планету тонкой черной паутиной. Старые здания, новые здания и новые города. Так много жизни. Океаны здесь совсем другие: соленые, холодные, изменчивые, населенные миллионами обитателей.

Меня диагностируют по всем возможным методикам. Меня проверяют. Изменился ли я. Кто я теперь. А кто я теперь? Я не знаю. Может, ты знаешь лучше?

Через несколько часов я буду где-то в Северной Америке — общаться со странными людьми, улыбаться им, рассказывать о Нектоне, о своих исследованиях, о связи микроорганизмов, климата и океана. Я расскажу о том, как Нектон влияет на людей, о том, как люди влияют на Нектон. Покажу статистику.

Как мне рассказать об этом? Как поместить целый мир в графики, таблицы и диаграммы?

Я так отвык от Земли.

Я привык называть солнцем Ро Северной короны, а не звезду, вокруг которой вертится Земля.

Помнишь, как мы учились на Гуаме в детстве? Ты прибыла к нам позже всех, и я сразу в тебя влюбился.

Я помню. Помню все.

Твой Сверре.

Снится фиолетовое небо.

Память меняет реальность. До дрожи. Так не похоже На облачность Марса. На холодность Фебы. Но океан проникает под кожу. Серена. Ты слышала о легендарной потерянной колонии у планет Тау Кита? Последней улетела третья экспедиция двести шесть лет назад. Никто не вернулся. Считается, что они погибли. Но кто-то верит, что те миры были бесконечно прекрасны,

и люди решили не возвращаться на Землю.

Я тоже не хотел возвращаться, но мне пришлось. И вот я снова здесь, я говорю, я подбираю слова, которые потом превратятся в пучки волн и помчатся к тебе.

Сейчас между мной и Нектоном пятьдесят четыре световых года. Целая вечность. Если неожиданно все коммуникации и сообщение исчезнут, сломаются приемники и ретрансляторы, если заржавеют корабли, я больше никогда не вернусь туда. Это страшно.

Вчера у меня спросили, как я отношусь к проекту сверхсветовых перелетов. Я ничего не ответил. Если когда-нибудь эти полеты станут реальностью, на Нектон отправятся сотни, тысячи, миллионы космических туристов.

Я не хочу, чтобы туда кто-то летел. Я хочу оставить эту планету нам.

А ведь, когда мы только летели к Ро Северной короны, мы были завоевателями, первооткрывателями. Гордились тем, что нас отобрала какая-то странная система. Для нас построили корабли — непривычно резкие, внушительные, колоссальные. Их проектировали специально для космических путешествий. Гигантские Ст-

энфордские торы, [3] чтобы мы не забыли, что такое гравитация. Корабли, которые никогда не узнают, что такое атмосфера и перегрузки. Корабли, способные развивать скорость, которую большинство людей не способно воспринять. Неудобные, громоздкие, с переплетениями труб, блоков, проводов, управляющих и охлаждающих систем.

Много лет они были нашим домом. Много-много лет.

Мы с тобой не любили друг друга. Еще на Гуаме, еще на Нептуне. Но на Нектоне все стало по- другому.

Знаешь, мне снятся корабли. Не такие, на которых мы жили. Мне снятся космические корабли-города, не похожие ни на что. Разумные корабли. Корабли, как люди. Корабли-люди. Однажды на Нектоне будет много кораблей. И будет даже земля.

Только нас уже не будет.

Вечность.

Световые годы

Между тобой и мной.

---

[3] Примечания: 3

Стэнфордский тор — проект космического поселения (космической станции) в форме тора (бублика).

Беспечность – войти в эдемские воды,
Глупость – остаться собой.

Скажи, ты когда-нибудь считала себя *Единственной*?

Я знаю, что сейчас ты улыбаешься. Пусть даже физически ты на это уже не способна. Конечно, считала.

А ведь мы были совсем маленькими, когда нас отбирали для длительных полетов. Для всех этих опытов. Для вечной изоляции. Для пустоты. Для бесконечности. Для одиночества.

Сегодня я видел группу таких детей. Я читал им лекцию по основам экологии Нектона. И я вспоминал нас.

Половина не выдержала еще в детстве, когда нас отправили обучаться на Гуам. Нас было слишком мало для нормальной социализации, и не все могли это перенести. Через несколько лет после начала обучения нас осталось сто тридцать.

Ты пришла в середине обучения, много позже остальных. Это был удивительный случай. Тебе было целых тринадцать лет. Мне еще только одиннадцать.

Ты сияла, как звезда минус первой величины. Уже тогда ты была особенной, самой особенной

из всех нас. Я сразу же это понял.

Уже через год нас отправили на орбитальную станцию к Нептуну. Половину наших туда не взяли. Мы с сестрой полетели, а наш лучший друг нет. Некоторые остались по собственному желанию. Они говорили, нет другого дома, кроме Земли, а я не понимал их. Я хотел покорять космос.

Я вдруг подумал, что Нектон стал нам близок лишь потому, что Земля никогда не была домом.

К Сатурну полетело пятьдесят три человека.

Знаешь, сколько людей из нашего выпуска сейчас на Нектоне? Всего семеро.

Интересно, чем нам нравилась такая жизнь? Годы одиночества, изнурительных тренировок, неполноценного общения?

У нас никогда не было дома.

У нас были только мы. И ты была моей константой.

С любовью, Сверре.

Хрупкие стекла под толщей воды,
Где-то внизу – небеса и сады.
Где-то вверху абсолютный ноль.
Выше. Выше. Лети со мной.

О, Серена.

Впервые за шесть лет на Земле я доехал до дома своих родителей. До дома, где даже в детстве бывал раз в полгода или реже. Ничего не изменилось, и от этого какое-то глупое щемящее чувство в груди. Здесь низкое небо и полгода льет дождь. Повезет, если летом выдается десять теплых дней. Наш двухэтажный дом находится в небольшом городке среди сотен таких же домов. Среди сотен идентичных городов.

Мой племянник завел новую собаку, черного лабрадора. Во дворе все так же стоят качели, которые так любила моя сестра.

Мы с ней проводили здесь мало времени, и воспоминаний почти не осталось. Только смутные обрывки. Только сны.

Дети моего брата постарели.

Ты говорила, что родилась в Англии, в тусклом сером Йорке. Я побывал там.

Старинные здания, брусчатка, а еще много свинцового неба, накрапывающего дождя, разноцветных зонтов и зелени.

Там было красиво. Особенно когда выглянуло солнце.

Пока я летел над Англией, познакомился с одним физиком. Он говорил, что нам не нужна планетарная цивилизация. Гораздо проще жить

на орбите. Видимо, он не жил на орбите.

Наше проживание на станции, ты помнишь его? Я помню темные коридоры, стерильный сухой воздух, безвкусные овощи из гидропонных садов и ароматное синтетическое мясо из репликаторов. Помнишь смотровую площадку, откуда мы не вылезали первые пару месяцев? Мы смотрели на звезды, которые стали чуть ближе.

Однажды, спустя год, когда все уже перестали туда ходить, я увидел там тебя.

Ты сидела на полу, хотя рядом были скамьи и кресла-мешки. Я подошел к тебе, но ты сказала, что хочешь побыть одна и я должен уйти.

Как давно это было.

Холодные тонкие пальцы.

Куда ты?

В глубины? Ввысь? На Землю? Останься.

Когда-то

Кем-то другим. Вернись.

Память меняет реальность. Здесь.

Пока мы летели на Нектон, мы постоянно с тобой почти не общались. Целых шесть лет. Для нас — шесть лет. Для Земли семьдесят два. Нам

было мало места, мало вкусов, мало запахов, мало ощущений. Охлаждающие системы постоянно шумели, в тесных каютах до металлических стен или потолка можно было достать рукой, длинные люминесцентные лампы в узких коридорах то гасли, то светили с перебоями. Мне всегда хотелось ударить по такой мерцающей лампе, но я никогда не решался.

Мы оставили свои семьи, своих редких друзей и бывших сокурсников. Но меня это не волновало. Я уже почти забыл Землю, почти забыл свою семью. Иногда в мозгу всплывали отдельные картинки, вроде дома родителей из белого кирпича или заливистого смеха сестры, но больше ничего. Весь мир словно погрузился под воду.

Перед нами лежал весь космос. И тогда казалось, что у нас в руках все время Вселенной.

Теперь мне невыносимо от этого. Мы с тобой так мало времени провели вместе.

Ты должна была лететь с четвертой экспедицией к Тау Кита с основным потоком выпускников, но в последний момент выбрала Ро Северной короны. Мы полетели вместе. Я так и не понял, почему ты согласилась на эту экспедицию. Из-за меня? Или из-за предчувствия чего-то нового, колоссального, необъятного? (Буду думать, что

из-за меня.)

На Нектоне мы жили на разных станциях и не виделись около года.

Увидев тебя потом, повзрослевшую, загоревшую на солнце, я понимал, что изголодался по тебе. У тебя выгорели волосы, стали из каштановых светлыми-светлыми, а потом ты подстриглась и твои скулы стали казаться острыми-острыми.

Когда мы смогли поговорить, то больше не ругались. Мы вели себя так, будто были когда-то лучшими друзьями, а потом просто перестали общаться. Привет-как-дела-отлично-ну-пока.

И эта жуткая неловкость.

Ты слышишь шепот далеких морей?
Где буйствует дикий соленый ветер.
И мы с тобою одни на свете
В волнах притяжения, в кольцах огней.

Привет, Серена.

Ты помнишь наш первый раз? Мы случайно встретились ночью на северной платформе, когда я завозил туда продукты. Хотя на самом деле не случайно — я знал, что тебя перевели туда. Мы встретились ночью, когда ты вышла брать образцы воды.

Я взял тебя за руку, и все сразу стало ясно.

Темно-фиолетовое небо, почти черная вода, две маленькие луны над головой. Где-то вдалеке сияет, распыляя свою атмосферу прямо в космос, горячий юпитер [4]. Он похож на комету, только в тысячи раз ярче. Ветерок еле заметно покачивает платформу, легкие волны бьются о ее металлические края, нам прохладно, но становится все теплее.

Колючие белые звезды над головой. Ты жарко шепчешь мне на ухо, что любишь, и я отвечаю тебе да. Да. Да! Мы резки и порывисты. Ты умудряешься припомнить, как я однажды упал в воду. Ты не была там, но ты знаешь. Откуда, спрашиваю я. Ты смеешься. Губы горят, ты так близко, ты смотришь на меня. Звезды сияют где-то вдали, но твои глаза ярче. Как звезда минус первой величины.

Моя звезда.

Ты стала моей неизбежной реальностью. Ты стала самым настоящим в моей жизни. Ты стала моим единственным настоящим.

Больше ничего у меня и не было. Только ты.

---

[4] Примечания: 4

Горячий юпитер — класс планет с массой порядка массы Юпитера. В отличие от Юпитера, который находится на расстоянии 5 а. е. от Солнца, типичный горячий юпитер находится на расстоянии порядка 0,05 а. е. от звезды.

Только мы.

После меня, после тебя ничего не останется. Мы пришли из пустоты и вернемся в пустоту. Но пока мы были вместе, мы стали частью чего-то огромного, чего-то бесконечного.

Мы принесли Нектону в дар свой разум, свои чувства, мы наполнили эту планету собой.

Серена, я вернусь на Нектон. Я обязательно вернусь.

Как жаль, что тебя там уже не будет.

Мерцание вод под второй луной,
Тихие всплески. Глухой прибой.
Ты знаешь. Ведь знаешь,
Что я за тобой
В вечность дорогой звездной, земной.

Дорогая Серена. Прошло столько лет, и наконец- то я возвращаюсь. До старта остается четырнадцать минут. Я ступлю на поверхность плавучей станции через шестьдесят шесть лет, но для меня пройдет всего четыре. Технологии меняются, скорости увеличиваются.

Когда я прибуду туда, все изменится. Не останется никого из тех, кого я знал. Только андроид Королев будет недовольно ворчать, делая вид, что ничего не изменилось. Я даже буду верить, что

он разумен. Но каждый раз, глядя на его почти человеческое лицо, я буду вспоминать тебя.

Сердце гулко стучит в груди, но сейчас я почти не ощущаю волнения.

Я решил, что это будет мое последнее письмо.

Я понял, что больше не хочу улетать с Нектона. Не хочу больше красть у себя время. Не хочу пропускать века.

Я хочу остаться в бесконечном океане и разделить его с тобой.

Жизнь моя, любовь моя.

Ты помнишь наш последний раз? Небо уже потемнело, а где-то за горизонтом, в морских глубинах, еще виднелись догорающие отблески ушедшего за горизонт солнца. Нашего солнца. Ро Северной короны.

Ты говорила, что должна лететь вперед, потому что боишься потеряться. Ты не хотела исчезнуть. Ты говорила, что мир такой большой, а ты такая маленькая, именно поэтому ты должна покорять звезды.

Сколько звезд осталось за твоей спиной?

Когда меня не взяли в твой проект, мир рухнул, и пришлось собирать его заново.

Я улетел на Землю. Я не мог видеть, как ты меняешься. Как ты становишься чем-то другим.

Ты сожгла все мосты, чтобы построить новую дорогу к далеким мирам. Ты спасла меня от страха забвения.

Однажды моя память о тебе померкнет, я стану значимым для кого-то другого. И кто-то другой станет значим для меня так же, как и ты.

Однажды. Но сейчас я думаю о тебе.

Что бы ни случилось, надеюсь, что твоя мечта сбылась, и ты не потеряешься в космосе. Ты станешь его частью. Ты станешь вечностью.

Не знаю, получишь ли ты когда-нибудь мое послание, захочешь ли слушать или читать. Я даже не знаю, вспомнишь ли ты меня или себя. Если нет, то я расскажу.

Шестьдесят лет назад мы начали разрабатывать проект разумных кораблей, но ни один компьютер, ни один искусственный интеллект не сравнится с человеческим мозгом. Наш мозг — самый совершенный компьютер. Но это ты и так должна знать.

Пятьдесят три года назад, на орбите Нектона, твой спинной и головной мозг поместили в капсулу, а к ним подключили синтетические нервные узлы космического корабля.

Ты стала первым кораблем, способным на сверхсветовые прыжки. Но сорок шесть лет назад

ты исчезла.

Я тогда еще только летел к Земле, пребывая в анабиозе. Лишь когда я оказался на орбите Марса, я узнал, что тебя давно уже нет.

Возможно, через шестьдесят шесть лет, когда я вернусь на Нектон, ты тоже вернешься. И ты будешь ждать меня.

Если же нет…

Дмитрий Печников
Предчувствие счастья

1

На сбитой соломе, едва прикрытой грязно-желтой простыней, он лежал на земляном полу пакгауза. Простуженный голос молоденькой медсестры уже в третий раз повторял:

— Пожалуйста, попробуйте повернуться, мне надо сменить вам бинты. Он смотрел прямо ей в лицо и не видел ее. Он смотрел и улыбался…

2

Через два часа поезд прибывал в Рим. Желтые кукурузные поля почти непрерывно тянулись вдоль пути. Провожая ускользающий от взгляда купол деревенской церкви, я приоткрыл окно купе. Дыхание утра обещало знойный день. Это солнце, этот теплый воздух, эти поля, эти вершины гор, с трудом различимые сквозь дымку, — все это чудесным образом укладывалось в ожидаемый мною образ Италии. Я почувствовал, как начинаю невольно улыбаться, — наконец-то все подходит к концу. Тяжелая дорога измучила меня. Из Петербурга через Варшаву и Берлин. И вот через одиннадцать дней я почти на месте. Всего три дня в Риме и затем меня ждет Умбрия.

Позже, уже в Сполето, я понял, как мне повезло. Второе место при распределении пансионов в университете крайне расстроило меня. Вместо того чтобы ехать во Флоренцию, искать первоисточники Данте, я буду два месяца изучать никому не известные соборы и фрески. И вот теперь, неспешно гуляя по безлюдным улочкам этого городка, я благодарил судьбу. Какое-то торжественное, возвышенное настроение не покидало меня со вчерашнего дня. Солнце стояло в зените.

Выйдя на площадь, я обошел собор, остановился возле входа, затем, как бы не решаясь войти внутрь, отошел в тень соборной стены.

Что я знаю об этом соборе? Он принадлежит к числу важнейших романских соборов в Италии, внутренность его переделывалась много раз. Фрески в нем написал Филиппо Липпи, написал незадолго до своей смерти. Именно по ним я и должен буду проследить влияние мастеров Умбрии на флорентийскую живопись. Что еще?

Начиналась месса. Горожане и крестьяне из окрестных деревень небольшими группами собирались у входа в святой храм. Я немного смутился — люди удивленно разглядывали меня, о чем-то переговаривались. Три миловидные итальянки лет семнадцати, проходя мимо, задорно на меня посмотрели.

Ко мне подошел пожилой мужчина, по виду торговец или мелкий чиновник.

— Scusi, signore. Si puo capire, Lei non è nostro, vorrei dire — non è italiano. Se permette, da che cosa possiamo aiutare? [5]

---

[5] Примечания: 5

Извините, господин. Понятно, что вы не наш, я хотел сказать — не итальянец. Если позволите, чем мы можем вам помочь? (*Ит.*)

— Grazie, Lei ha ragione, sono Russo,[6] — улыбнулся я.

— Russo? — переспросил итальянец. — Penso, che lei sia il primo nella nostro città.[7]

Двери собора распахнулись. Народ стал шумно заходить.

— Dimmi, per favore, vorrei stare alla Messa, ma non lo so, se si puo, sono ortodosso,[8] — спросил я.

— Il Signore è unico per tutti. Benvenuto! [9] — добродушно засмеялся чиновник.

После мессы я еще долго сидел на скамье. Затем, обойдя все нефы, вышел наружу. Глазам было больно от солнца. Народ уже разошелся и перед собором никого не было. Выйдя с площади, я свернул в тень улочки и через три минуты оказался на небольшой террасе. Широкая открытая долина глядела на меня снизу. По склону темными пятнами виднелись оливковые рощи, вдали угадывались очертания францисканского мона-

---

[6] Примечания: 6
Спасибо. Вы правы, я русский. (*Ит.*)

[7] Примечания: 7
Русский? Я думаю, что вы первый в нашем городе. (*Ит.*)

[8] Примечания: 8
Скажите пожалуйста, я бы хотел быть на мессе, но не знаю, можно ли — я православный. (*Ит.*)

[9] Примечания: 9
Господь один для всех. Добро пожаловать. (*Ит.*)

стыря. Прямо под террасой серебрилась тихая речка. Я с головокружительной высоты смотрел на каменный мостик, и мне казалось, что я вижу на нем принцессу из старинной итальянской песенки. Принцессу, упавшую весной в реку и поднятую ветром на звезды.

3

В июне 1914 года, радостный и вдохновленный, я вернулся в Петербург. Поскорей сдать отчет о поездке и затем успеть съездить в Пермь. Последний раз я был дома в январе. Дела продвигались как нельзя лучше, все шло по плану, билет до Москвы уже лежал в кармане, как вдруг, солнечным днем, пришло письмо. Все остановилось и потеряло смысл.

Я живу, радуюсь и огорчаюсь, переживаю по пустякам. И мне все кажется, что когда-нибудь начнется настоящая, совершенно другая, новая жизнь. А в это время то, что называется жизнью, уходит, проходит мимо, убегает, как вода в речке. А я сижу на берегу и не понимаю, что теряю каждый миг. И понимание этого приходит лишь тогда, когда мы теряем близких. Но уже поздно. И все кажется бессмысленным.

Мама встретила меня на вокзале, и я не узнал

ее. Пятидесятилетняя строгая женщина, в трауре и с резко обозначившимися морщинами, она как будто постарела на десять лет.

— Что ты собираешься делать дальше? — спросила она меня как-то вечером..

Я молчал. Хотя и осознавал, что мне придется сделать тяжелый выбор, отказаться от всего, к чему я стремился последние четыре года.

Через месяц началась война. И тогда первый раз в жизни у меня промелькнула мысль бросить все и уйти на фронт. Что же меня остановило? Может быть, врожденная страсть противоречить? Все мои знакомые, до этого бывшие чуть ли не социалистами, вдруг стали пылкими патриотами и так же яростно, как они ругали правительство, вдруг начали восхвалять Николая Николаевича и наперебой рассказывать об успехах в Галиции. В долгую войну никто не верил: полгода, максимум год. Так же думал и я.

4

Лето 1914 года было солнечным, жарким и сухим. Пермь словно замерла в ожидании грозы, страстно желая ее и безмолвствуя в нетерпении. Лишь иногда ветер с Камы приносил в гостиные небольшое шевеление занавесок. Я не нашел

ничего лучшего, чем поступить на службу в Волго-Камский банк, что на Покровской, напротив Театрального сада. Я рассудил, что ежедневное посещение службы должно избавить меня от угнетающего настроения, в котором я находился. Тем более это было совсем недалеко от нашей квартиры на Петропавловской. Итак, каждое утро, я вставал, завтракал, одевался и шел на службу. В полусонном состоянии что-то считал, вел корреспонденцию, писал докладные на имя управляющего, принимал посетителей… Порой я ненавидел свой город, перенося злость на новых сослуживцев, на немногочисленных родственников, вдруг окруживших меня заботой и в то же время требующих внимания и удовлетворения их любопытства. Как можно жить так тихо, спокойно, бесцельно, как жили здесь, я понять не мог. Томики романской словесности пылились на подоконнике.

Чтобы внести хоть какое-то разнообразие, в августе мы сняли дачу за Камой, в Курье. Все время мама проводила там. А я приезжал туда на пароходике в свободное от службы время. Был тихий субботний вечер. Мама подрезала ветви разросшихся яблонь. Я красил скамью в саду.

— Ольга Федоровна, добрый вечер! — раздался

приятный мужской голос.

Мама подошла к калитке. Я поднял голову. За палисадником, отделявшим сад от улицы, стоял пожилой мужчина с гладко выбритым, не по моде, лицом. С ним была девушка лет двадцати. Среднего роста, стройная, со светлыми волосами, она с любопытством рассматривала дом и деревья.

— Кто это был? — спросил я, когда мама вернулась в сад.

— Александр Петрович Никитин и его дочь Таня. Он был сослуживцем твоего отца на заводе.

— Почему ты не пригласила их зайти?

Мама укоризненно взглянула на меня:

— Ты же знаешь, как мне тяжело, когда все… она не договорила, отвернулась и махнула рукой.

5

Это была наша первая встреча с Таней. Я не знаю, видела ли она меня. Про себя я отметил, что она очень миловидная. И даже подумал, что она мне, пожалуй, понравилась. До этого я считал, что мне нравятся исключительно женщины романского типа, проще говоря — итальянки, такие, каких я видел в Сполето… Джемма… Тонкий нос с горбинкой и черные глаза. Веселая и

вспыльчивая.

Я солгу, если скажу, что после этого думал о Тане. Я вспомнил ее, только когда столкнулся с ней лицом к лицу в книжном магазине Поклевских. Она выбирала какие-то нотные альбомы. Я подошел и представился. Кажется, она меня не узнала и была сильно удивлена. Через месяц я снова встретил ее и пригласил в театр. Я хорошо помню — было 29 октября. Я украдкой взглянул на нее. Она смотрела на сцену и улыбалась. После оперы мы гуляли по театральному саду. Шел первый снег той осени. Я стоял у нее за спиной, глядел на тот же снег, что и она, и поэтому был счастлив.

— Мне очень понравилось, спасибо за вечер, — сказала она на прощание.

И ничего вроде не изменилось: та же служба, та же скука. Но только спустя несколько дней я постепенно, как-то исподволь, понял, почувствовал, что эта девушка нужна мне.

Таня… Серые грустные глаза. Мне все время кажется, что она вот-вот заплачет. А может быть, я просто хочу, чтобы она заплакала. Чтобы казаться сильным. Чтобы прижать ее к своим плечам, гладить и целовать ее мягкие светлые волосы.

Я вижу, как розовеют ее щеки, она никогда не

смотрит на меня, она смотрит в сторону. Что это значит? Я не знаю и не хочу знать.

Она смеется редко и совершенно по-детски, чуть изумленно приоткрыв рот и расширив глаза.

У нее крошечные уши и детские руки. Наверное, она хорошо играет на фортепиано. А я ведь никогда не слышал.

Кажется, ее мать из семьи ссыльных поляков. Ну и что? Я ведь сам на четверть поляк.

Я вижу, как она смущается меня. Когда это происходит, она начинает говорить больше, чем обычно, старается казаться естественной и веселой. Почему она боится меня? Неужели она считает меня высокомерным? Я был высокомерным для университетских друзей, сейчас на меня часто обижаются сослуживцы.

Месяц я не видел ее. Я не знал, хочу ли я встречи с ней. Я совершенно измучился. Постоянное ощущение неизвестности и страх правды доводил меня до сумасшествия.

Первого декабря я написал заявление в московскую школу прапорщиков.

— Я не могу ничего сказать тебе, — торопливо говорила Таня на вокзале. — Возвращайся.

— А я и ничего не спрашиваю, — попытался

улыбнуться я. Она неловко поцеловала меня и ушла.

6

«В Московскую школу *прапорщиков, Ивецкому Евгению Николаевичу*

Евгений Николаевич,

Извините, что обращаюсь на Вы. Я ведь не видела Вас уже несколько месяцев. Не знаю, захотите ли Вы встретиться, но не могу не сообщить, что буду в Москве. Жду Вас на Николаевском вокзале 27 марта в 18–00. Поезд № 15.

Татьяна Никитина, 3 марта 1915 года»

Я вбежал на перрон, вглядываясь в мелькающие фигуры. Она спала, неудобно облокотившись одной рукой на стоявший в углу купе саквояж. Она спала, а я сидел рядом и смотрел на нее, не смея пошевелиться. Я смотрел на нее и понял, что уже видел ее раньше. Раньше, не в Перми, а тогда, в Сполето, — принцессу из итальянской песни на мосту через речку.

Я получил назначение в 194-й Троице-Сергиевский полк и уехал в Курляндию.

В полку я и встретил известие о февральской революции. Началась «демократия». Стали создаваться солдатские комитеты. В апреле 1917 года нас заставили принять присягу на верность Временному Правительству. В августе развал армии стал очевиден. Фронт откатывался почти без боев.

«Пермь, до востребования, Ивецкой Ольге Федоровне

Мама, как я рад, что наконец-то у меня выдалось время написать тебе. Поздравляю с прошедшим днем рождения! Как ты, моя родная? Напиши, пожалуйста, поподробнее. У меня все отлично. Снабжение регулярное. Две недели назад меня произвели в поручики и дали командование ротой. В блиндаже я живу с капитаном Боженко, он наш, пермский. Георгиевский кавалер и прекрасный человек. Прошу тебя, не верь тому, что пишут в газетах. Конечно, мы отступаем, но это будет продолжаться недолго. В сентябре обещают пополнение. Мама, прошу тебя, передай мое письмо Тане Никитиной. Высылаю его этим же пакетом, так больше надежды, что дойдет. Целую тебя, твой любящий сын

Евгений Ивецкий, 10 августа 1917 года»

В октябре все закончилось. Власть взяли большевики. Один за другим офицеры покидали полк. Уехал и я. В декабре 1917 года я вернулся в родной город.

7

Мы шли по уже вечернему городу. На скользком тротуаре Таня, еще более серьезная, чем обычно, взяла меня под руку. Выйдя на Кунгурскую, миновали кровавую, в лучах заходящего солнца, часовню Стефана Великопермского. Ее лицо оставалось печальным. Ей идет черный цвет, подумал я. Пройдя мимо кафедрального собора, мы оказались в темноте монастырского сада, внизу плескалась Кама, последний пароход плыл с того берега. Я взял ее за плечи.

— Нет, Женя, нет, — тихо сказала она.

Мы виделись редко. И каждый из нас чувствовал какое-то напряжение. Словно какая-то недосказанность.

Летом 1918 года под Пермью горели леса. В воздухе пахло дымом. И тревогой. Дом Мариинского земельного банка — трехэтажное красное здание — заняла ЧК. В июне, опасаясь и прерываясь на полуфразе, заговорили о Самаре. Начались обыски, аресты, расстрелы. После 25 июля, после взятия белыми Екатеринбурга, власть объявила мобилизацию всех офицеров. Я шел в комиссариат, который Советы обустроили на Монастырской улице, в бывшем здании духовной семинарии. Я

шел, и вместе со мной, спереди и сзади и по другой стороне улицы шли люди, старые и молодые. Но все одинаковые, одинаковые своей покорной походкой, сгорбленными фигурами, испуганными взглядами. И вдруг какое-то презрение к себе, какое-то гадостное чувство охватило меня. Я развернулся и пошел прочь.

— Если бы ты мобилизовался, я бы перестала уважать тебя, — сказала мне вечером мама. И стальные нотки прозвучали в ее голосе. Наутро я ушел из города.

8

Уже два месяца я служил в 3-м Барнаульском полку. Наконец-то угнетенное состояние, которое не покидало меня последние месяцы, исчезло. Я знал, за что я воюю. Мысли о ней я гнал прочь.

В октябре командир полка сообщил мне:

— Вас вызывают в Екатеринбург, в штаб армии к полковнику Богословскому.

В небольшой комнате с низким потолком и тусклым освещением сидел молодой, лет тридцати, черноволосый человек.

— Здравствуйте, Евгений Николаевич, — поздоровался он, сделав паузу, как бы вспоминая мое имя, но вместе с тем демонстрируя, что готовился

к этой встрече. — Вы, наверное, удивлены, почему вас вызвали. Сейчас я вам все объясню. Он поднял массивную трубку телефона: — Позовите ко мне полковника Клерже.

— Присаживайтесь, — он указал мне на стул.

Через минуту в комнату вошел лысоватый и с бородкой полковник, со скучающим, и, пожалуй, уставшим лицом. Когда я поднялся, чтобы представиться, он лишь махнул рукой и сел у окна. С полминуты он пристально и оценивающе рассматривал меня.

— Вы знаете обстановку на фронте, — начал Богословский, — после взятия Екатеринбурга наше наступление остановилось. На кунгурском направлении мы, честно говоря, завязли. Тем не менее я уверен, что Кунгур мы рано или поздно возьмем. И тогда уже ничего не помешает нам достичь главной цели осенней кампании — Перми. Мы вызвали вас, поручик, потому что здесь вы можете быть более полезны, нежели находясь в полку.

Он перевел взгляд на полковника.

— Мы изучили ваш послужной список, поручик, — заговорил тихим голосом Клерже, — он слегка картавил, — вас прекрасно аттестуют по службе и в 194-м полку, и уже здесь. Но самое

главное — вы пермский, вы прекрасно знаете город. Кроме того, у вас уже есть опыт перехода через линию фронта, не так ли?

Я начинал догадываться, к чему он клонит.

— Итак, все, что мы сейчас вам скажем, разглашению не подлежит, надеюсь, вы это понимаете, — продолжал он. — В Перми есть несколько белых подпольных организаций, крупнейшая из них — организация Белобродского. Ваша задача — вступить с ними в контакт, обеспечить нам устойчивую связь с ними. Кроме того — совершение диверсий на заводе и на транспорте. Но самое главное — к моменту выхода наших войск на ближние подступы к городу вы должны подготовить организованное вооруженное восстание. Начать его необходимо будет в день штурма. Я жду вашего ответа, — он в упор посмотрел на меня.

Что я мог ответить ему? У меня в общем-то не было выбора. Разве не я ушел из города, чтобы снова туда вернуться?

— Вы правы, господин полковник, я хорошо знаю город. Но и в городе многие знают меня, — сказал я.

— Об этом мы поговорим отдельно. Если вы согласны, пройдемте ко мне обсудить детали, —

встал со стула Клерже.

9

Я перешел фронт недалеко от Кунгура. Собственно сплошного фронта, как мы его понимали по Великой войне, не было. Обойдя несколько сел, занятых красными, я вышел на станцию, где, предъявив документы краскома 3-й советской армии, сел на проходивший в направлении Перми эшелон. В город таким манером, конечно, въезжать было опасно. Поэтому на одной из остановок, сойдя за водой, в вагон я уже не вернулся.

Ближе к ночи я пришел в Пермь со стороны Мотовилихи. Хоть это и рабочий поселок, я рассудил, что патрулей там должно быть меньше. Домой я идти опасался. Поэтому сразу же направился к Белобродскому на Малую Ямскую.

Я долго стоял в подворотне, курил и разглядывал улицу, опасаясь слежки. Белобродский был не один. Я застал у него еще Валюженича, подполковника, мобилизованного красными, он командовал у них артбригадой. Пробыв у Белобродского около часа, я ушел. Мы условились, что я буду жить за городом, в Курье (я надеялся найти там какую-нибудь заброшенную дачу), возвращаясь в город лишь по необходимости. Мне

повезло. Наш дом, который мы снимали летом четырнадцатого, стоял пустой, как, впрочем, почти все дачи. Как же мне хотелось увидеть маму, Таню… Жить на другом берегу, смотреть на город. И знать, что мне нельзя с ними встретиться.

Впрочем, я все же встретил Таню. Это было уже в декабре, за два дня до памятной даты 24 декабря. В тот день я пошел в город. Мне необходимо было на месте осмотреть подходы к объектам, которые мы наметили в качестве первостепенных для захвата во время восстания. Уже вечером, в стремительно сгущавшихся зимних сумерках, я не удержался, и решил издалека посмотреть на ее дом. Свернув в улицу, я остановился. Шторы были задернуты. Света в комнатах не было. Сзади послышался шум шагов. Я обернулся… и увидел. Она остановилась, будто бы не решаясь подойти ближе. Мы стояли и смотрели друг другу в глаза. Она первая опомнилась.

— Женя, — тихо сказала она, — Женя, я знаю, почему ты здесь. Уходи, пожалуйста. Здесь очень опасно. — Мне показалось, что она хотела еще что-то сказать, слегка запнулась, потом вновь пристально взглянула на меня. — Тебе не надо идти туда, куда ты собирался.

Не доходя до Белобродского, я увидел автомо-

биль и все понял. Я развернулся и быстрым шагом пошел к Валюженичу.

— Почему вы здесь? — строго спросил он. — Мы же договорились, что у меня вас не должны видеть.

— Арестовали Белобродского, — ответил, с трудом переводя дыхание, я. Только что сам видел.

Он впустил меня. Мы стояли молча и не знали, что делать.

— Нам надо всего два-три дня, — начал я. Генерал Пепеляев уже взял Кунгур. Поэтому я рассчитываю, что двадцать четвертого, в крайнем случае двадцать пятого, наши будут здесь. Действуем, как договорились.

Поздним вечером 23-го я снова пришел в город. Было очень холодно, наверное, градусов двадцать мороза. Я совсем продрог, а от нервного напряжения меня начал бить озноб. Начиналось. В шесть утра енисейцы должны были войти в город со стороны Красных казарм, а бийцы — со стороны Мотовилихи. Около пяти утра мы должны были взять вокзал Пермь Первую и артиллерийские склады. Нам надо было взять их и продержаться два-три часа.

10

К концу дня 24 декабря город был наш. Красные удерживали только Пермь Вторую. Около шести вечера я разыскал Валюженича. Он корректировал огонь орудий по вокзалу. Уже ночью я пришел домой. Мама, увидев меня, заплакала. Я не решился сказать, что два месяца был рядом.

— А ведь твоя Никитина служила в советском учреждении, — язвительно сказала она.

— И что это означает, надо же было как-то жить, — разозлился я.

На следующий день я зашел к Тане.

— Спасибо, — сказал я.

Она лишь покачала головой.

— Завтра в Благородном собрании дают вечер, пойдем, — предложил я.

— Нет, Женя. Я не могу. Ты разве не знаешь. Мало того, что я была совслужащей. Мой отец эвакуировался вместе с большевиками.

— Вернее, убежал, — зло уточнил я. Мне почему- то в тот момент захотелось быть к ней жестоким.

— Он вернется. — Она в первый раз за весь разговор посмотрела мне в глаза. — Он вернется, — упрямо повторила она. — А *вас* я попрошу

больше ко мне не ходить.

Меня произвели в штабс-капитаны, но радости от этого не было.

Был ли я когда-нибудь счастлив? Был. Тогда, в первый день в Сполето. В Театральном саду. И в Москве, в купе поезда. Да и сейчас мне часто видится: что-то неощутимое и беспредельно прекрасное внезапно приходит…

Как-то в конце января я встретил Клерже. Он долго разминал папиросу, смотрел на меня, а потом сказал:

— Евгений Николаевич, мой вам совет: воздержитесь от общения с мадемуазель Никитиной.

Я изумленно взглянул на него, он, кажется, был доволен произведенным эффектом. Я едва сдержался, чтоб не нахамить ему.

— Господин полковник, я в ваших советах не нуждаюсь, — ответил я сухо и ушел.

Тем не менее с Таней я до эвакуации Перми так и не виделся. Мой полк действовал под Балезино. В апреле мы с боями взяли Глазов. Казалось, еще чуть-чуть, и большевики покатятся за Вятку. Но поражения Западной армии на юге, под Бугурусланом, и потеря Уфы заставили отступать и нас. В июне в Перми оставаться было уже нельзя — город брали в полукольцо. Я уговорил маму

эвакуироваться на восток.

— А ты думал, что я останусь здесь? Нет уж. Большевиков я больше видеть не могу, — сказала мне она.

С огромным трудом я посадил ее на поезд.

Сразу с вокзала я поспешил к Тане. Бросив вещмешок у двери, я прошел в комнату. Она стояла спиной к окну, как будто ждала меня.

— Собирайся, Таня, — начал я. — Я за тобой.

— Я никуда не поеду, — тихо, но твердо ответила она. — Что ты хочешь? Чтобы я бросила все — мой дом, мой родной город, могилу матери? Это, наверное, только ты так можешь.

Она выбежала из комнаты. Я стоял и смотрел в окно. Она вернулась с каким-то странным выражением лица. Я обернулся. Мы смотрели друг на друга. Она словно собиралась с силами, пытаясь что-то сказать, но не находя слов. Наконец она решилась. Отведя взгляд в сторону, она сказала:

— Я вас не люблю. Я это уже давно поняла. А сейчас я поняла, что вас ненавижу.

Я нащупал в кармане холодную сталь револьвера. Секунд десять я стоял молча. Затем, ничего не сказав ей, вышел из комнаты.

11

Вместе с полком я отступал из Перми. Я сидел на подводе и смотрел на раскисшую грязь дороги.

Абсолютная красота — это Таня… и Италия, Италия… и Таня. Можно ли не любить абсолютную красоту?

Через два часа, после того как я покинул Пермь, я полез в вещмешок за флягой с остатками водки. Я полез в вещмешок и обнаружил там… Нет, это даже нельзя было назвать письмом. Я сначала даже не понял, что это за клочок бумаги. Я лишь почувствовал запах ее духов, развернув листок, я увидел…

> *Родной, любимый, единственный, я не знаю, как скажу тебе эту гадость. Если ты читаешь это письмо, значит, я тебе это сказала и ты в безопасности. Я люблю тебя и всегда любила. Я не могу уехать с тобой… Прости меня.*

12

В июле началась подготовка к Челябинской операции. Как я понимал замысел командования,

план был таков: мы оставляли город, при этом южнее и севернее начинали наступление группы генералов Сахарова и Касьмина. Красные, войдя в город, должны были оказаться в кольце.

Ранним утром я с командой разведчиков с севера входил в город. Первые розовые всполохи зари заиграли на крышах. Было совершенно тихо. Мы шли редкой цепью, внимательно осматривая спящие окна. Выйдя на площадь, я скомандовал:

— Идти вдоль стен, на открытое пространство не выходить!

Мы стали сворачивать в прилегающий квартал, когда в спину нам ударил пулемет. Били отовсюду. С чердаков, из-за заборов, из небольшой рощи на пустыре.

Резкая боль в груди…

Я открыл глаза. Тонкая струйка крови текла по булыжнику. Послышались голоса. Несколько десятков человек, по виду рабочие, оживленно переговариваясь между собой, бродили по площади, добивая раненых. Ну вот и все… В этот миг я вспомнил, как в феврале, в Соликамске, на моих глазах батальон сибирской бригады согнал на площади пленных большевиков и начал расстреливать их из пулеметов. Перевернувшись лицом к брусчатке, я ждал удара штыком…

13

На сбитой соломе, едва прикрытой грязно-желтой простыней, Ивецкий лежал на земляном полу пакгауза. Доктор и несколько медсестер разрывались между ранеными. Сквозь щели между бревен был виден краешек стального предосеннего уральского неба. Шел мелкий моросящий дождь. Он то и дело проваливался в забытье, просыпаясь лишь от озноба. Если бы он мог ходить, он увидел бы, что весь полевой госпиталь представлял собой несколько таких же пакгаузов. Между ними то здесь, то там текла зеленая жижа от справления естественных надобностей. Медсестра опять подошла к нему.

— Господин капитан… Ну что же вы? У вас такая грустная улыбка. Милый мой, потерпите еще чуть- чуть. Все будет хорошо. Нас, кажется, переводят в Омск.

В Омске они пробыли всего две недели. В сентябре неизбежность сдачи города стала очевидной. Началась эвакуация правительственных учреждений. Госпиталь погрузили на санитарную летучку и отправили на восток.

Ивецкий вслушивался в мерный стук колес. Так бы ехать всю жизнь… Он вспомнил купе

вагона на Николаевском вокзале. Вспомнил и представил ее сейчас. Одинокая, в холодном доме. Замерзшие цветы на окне.

— Через два часа Тайшет! Скоро будем в Иркутске! — услышал он.

За окном раздался сухой треск выстрелов. Поезд постепенно сбавлял скорость.

14

Отчет о действиях тайшетского партизанского отряда за октябрь 1919 года

> *«…отряд начал переброску из района близ Тайшета к Красноярску. Двигаясь тайгой вдоль железнодорожной ветки, был проведен ряд нападений на охрану станций. 17 октября группа товарища Федорова разобрала часть железнодорожного полотна. Вскоре был остановлен поезд, оказавшийся санитарной летучкой. В результате боя, длившегося около двадцати минут, охрана поезда была уничтожена. При осмотре вагонов обнаружено более двухсот тяжелораненых, преимущественно офицеров, а также медицинский персонал. Ввиду невозмож-*

ности их следования вместе с отрядом, было принято решение в плен не брать. В последующие дни, пройдя более пятидесяти километров...»

Дмитрий Карманов
Что-то случилось

Ночью растревожились собаки. Казбек голосил высоко, рваным лаем, начинающимся с глухого рычания и уходящим вверх, в почти щенящий визг. Эльбрус поддерживал друга солидным, басовитым гавом, равномерным и мощным, как большой оркестровый барабан. Включились соседские дворняги, сначала сонно, нехотя, но с каждым новым тактом все более вовлекаясь в перекличку. Проснулись псы с улицы за оврагом, забрехали шарики с другого конца поселка — и вот уже все окрестные моськи и шавки самозабвенно ругались, честили и обкладывали друг друга, соревнуясь в собачьей матерной вир-

туозности. Последним вступил старый полкан из дома у реки — хрипло и печально. Кирилл выполз из кровати, успокоить Матвейку. Тот, конечно, проснулся, лежал и всхлипывал, размазывая слезы крохотными кулачками. Он всегда плакал именно так — почти молча, вздрагивая и подхныкивая. Так мог бы кашлять маленький дедушка, ссохшийся от старости до невесомости. Памперс сухой. Лоб… Нет, лоб не горячий. Тс-с-с-с. Ш-ш-ш-ш. Спи, Матвейка, все хорошо, это просто собаки. Глупые дурацкие собаки. Вот сейчас получат у меня, и Казбек, и Эльбрус.

Сын успокаивался. А сам Кирилл, продолжая нашептывать, прислушивался. Но не к детским всхлипам. И не к собачьему лаю.

Вот. Вот оно. Точно.

Удар. Приглушенный, но явный. Еще один. И металлический скрежет.

Черт. И чего ей не спится?

Он накинул куртку и шагнул за дверь. Зябко поежился на крыльце, вглядываясь в темноту. Потом нащупал выключатель.

Щурясь на лампочку, подбежали Казбек и Эльбрус. Синхронно замотали хвостами, но обниматься не полезли. Мы не зря, хозяин, говорили собачьи морды. Мы по делу.

Еще удар, сильнее. Она что там, о стенку бьется? Кирилл вздохнул, потрепал собачий загривок и подошел к сараю. Скрипучая дверь поддалась с трудом. Здесь тоже можно было включить свет, но он не стал. Того, что тянется со двора, вполне достаточно.

Тихо. Отчетливо пахло свежей землей. И еще — шерстью, зверем. Когда-то он держал здесь волков. Дурацкая была затея, ничего не получилось. Но вольер остался, крепкий, с железной сеткой.

— Ира! — позвал он.

Подождал, вглядываясь в полумрак за решеткой. И еще раз:

— Ира! Ты где там?

Из угла отделился сгусток тьмы. Приблизился к сетке, на свету превратившись в девушку, тонкую и грязную. Бледное лицо и глаза в глубоких темных впадинах.

— Ира! Чего буянишь?

— Матвейка, — шепнула она. — Матвейка плакал.

— Плакал, — кивнул Кирилл. — Уже не плачет, я успокоил. Ты бы не стучала, собак будишь!

Девушка потупилась, сморщилась, как будто от обиды. Прикусила губу — сухую, заскорузлую от грязи. И снова подняла глаза, полные мольбы:

— Выпусти меня, Кирюш! Выпусти! Пожалуйста… Кирилл отвел взгляд. Только бы не видеть их, этих глаз. Блузка, юбка — когда-то нарядные, выходные, теперь выглядят лохмотьями. Туфель нет… Потеряла где-то? Хотя зачем ей туфли, в клетке-то…

— Опять не ела? — Он кивнул на тарелку в углу. Девушка продолжала ловить его взгляд, словно не услышав вопроса. Коротко, беззвучно всхлипнула, совсем как Матвей.

— Выпусти! Я нужна ему, Кирюш! Я нужна моему сыночку!

Он вдохнул прелый воздух и посмотрел ей в глаза.

— Ты и мне нужна, Ирка… Еще как нужна…

Кирилл помнил все, кроме самого удара. По мнил, как в лоб вылетела маршрутка, обгоняющая фуру.

Как он, взяв левее, чудом проскочил между ними, снеся лишь зеркало. Как там, уже на свободной дороге, хлестанула эйфория: проскочил, жив! И как резко, слишком резко он дал по тормозам — машину повело, потащило боком в кювет и быстро, рывком — в то самое дерево.

Он не помнил удара — лишь тишину после. Лишь искореженный железный бок — тот, куда

он пришелся, этот удар. Если бы она была пристегнута, ее не выбросило бы в окно, не швырнуло бы навстречу дереву, не переломило бы позвоночник пополам…

Но кто же пристегивается на заднем сиденье?

Похороны остались в тумане — слезы застилали глаза. Он не смог даже бросить горсть земли в яму — так тряслись руки. Соседские старушки качали головами, укоризненно, но с пониманием — когда ж еще позволено напиться, как не хороня жену. Но Кирилл не пил. Водка была, но зубы, стиснутые намертво, так и не получилось разжать.

Он ушел бы и сам — вслед за ней. Но остался Матвей. Сына нельзя было делать сиротой.

Слезы иссякли. Деревянные мышцы челюстей ослабли. И к ежедневной круговерти — памперс- подмыть-смесь-отрыжка-купать-играть-памперс- подмыть-смесь и так далее — добавился ритуал. Кирилл брал ее вещи и нюхал их.

Он никогда не думал, что на вещах сохраняется запах хозяйки. Постиранные и уложенные, они должны были пахнуть лишь тканью и порошком, но нет — слабый, но отчетливый запах — ее запах, все равно сохранялся. Ее туалетной воды. Ее кожи. Ее пота.

Он раскладывал на кровати ее платья, блузки и лифчики и спал с ними в обнимку, он перебирал их, внюхиваясь в каждую складку, вдыхая тонкий аромат и боясь того дня, когда запахов не останется.

Но этот день так и не пришел.

Наоборот, однажды ночью запах стал сильнее.

Он сразу проснулся. Что-то изменилось. Тот самый запах, запах ушедшей Ирки, вдруг стал ярче, четче и объемнее. И появились другие ароматы — свежей земли, перегноя, травы и еще чего- то явного, но неуловимого.

Здесь, на кровати. У окна. На любимом Иркином месте. Там, куда он вечером клал пахнущие ею вещи. Совсем рядом — протяни руку…

Что-то чернело.

Еще невидимое в темноте. Но именно оно распространяло знакомый и родной, любимый Иркин запах.

Кирилл протянул руку и наткнулся на мягкое. Потряс. Поднялось заспанное лицо.

— Ты чего? — спросила Ирка.

Он не смог ничего ответить. Только сглотнул. И медленно опустился головой в подушку.

Кошмар последних дней, цепко державший его за сердце, вдруг ослабил хватку. Зеркало, кювет,

дерево и сломанный позвоночник — это что, сон? Похороны, кутья, стакан водки сквозь сжатые зубы — привиделось? Юбки, лифчики… боже мой, это было так реально! Слишком реально.

Там, вокруг сердца, опять все сжалось. Он вдохнул запах. Ее туалетная вода. Ее кожа. Ее пот. А поверх всего — стойкий, терпкий аромат свежей земли. И что-то еще, явное, сладковатое.

Запах начинающегося гниения.

Кирилл поднялся и нащупал выключатель на стене.

Свет ударил по глазам. Моргая, Кирилл повернулся к сыну — нет, тот спал, как умеют только младенцы, которым порой все равно: свет, темнота или землетрясение.

Кирилл продержался всего секунду — и все-таки бросил взгляд на постель. Сердце пропустило удар.

На кровати, у окна, на своем любимом месте, там, куда он вечером сложил ее вещи, лежала Ирка. Поверх одеяла, прямо в темно-синей выходной юбке и нарядной, с блестками, блузке — теми самыми, в которых ее хоронили.

Она лежала и смотрела вверх. А потом повернула голову и взглянула на Кирилла. Мгновение, другое — и в ее глаза вернулась осмысленность.

— Что случилось, Кирюш?

Он долго-долго смотрел на нее, с ужасом отмечая каждую деталь. Бледное лицо. Серые неживые губы. Пятна похоронного грима у ушей. Поломанные ногти с застрявшей под ними землей. И дикий, неестественный угол между грудью и нижней частью туловища — там, где был сломан позвоночник.

— Что-то и вправду случилось, — ответил он.

Он метался, как безумец, но тихо, беззвучно, боясь разбудить ребенка. То вскакивая и кружа по комнате, то возвращаясь обратно, к кровати, к Ирке. Все никак не решаясь.

А потом вдруг зажмурился и начал целовать ее, торопливо, жарко, будто надеясь растопить мерзлоту ее губ. Пока предательский запах не защекотал ноздри и не заставил вновь открыть глаза. Ирка смотрела на него. Сначала с искренним удивлением, а потом понемногу начала понимать. И вспоминать.

— Авария, — глухо произнесла она. — Дерево.

Кирилл зажмурился и кивнул.

— Я… — Ирка задумалась, формулируя. — Я… болела? Он молчал.

— Стационар? Операция? — Перебирал ее голос. — Кома?

Она вела взглядом по комнате, чуть задерживаясь на знакомых вещах: телевизоре, шкафе, зеркале… И вдруг остановилась, уставившись в одну точку.

Кирилл обернулся. На полке стояла Иркина фотография. С уголком, перетянутым черной лентой.

— Я… умерла? Она произнесла это тем тоном, которым всегда повторяла его неудачные шутки. Она даже улыбнулась слегка, одним уголком рта. И так и застыла, с кривой полу-усмешкой.

— Я умерла, — ровно проговорила Ирка. — Я помню, как стучала земля по крышке. Помню тишину. А потом… Что-то случилось.

Кирилл, не в силах больше терпеть все это, вскочил:

— Стоп! — Он с размаху влепил себе пощечину. Потом еще одну. Проморгался — навернулись слезы. Щеки горели, прокушенная губа болела, а рот наполнял ржавый вкус крови. Нет, он не спит. — Стоп. Давай рассуждать логически. Хорошо? Авария, стресс, ну и случилось с тобой… Ну не знаю — каталепсия, кататония, какая-то такая хрень, что все тебя приняли за мертвую. Похоронили, а ты и очнулась там. А?

Он даже повеселел. Вполне правдоподобная

версия. Все объясняет.

— Тогда надо к врачам. К врачам, Ира, понимаешь? Только не к фельдшеру нашему и не в райцентр. Там все равно не разберутся. В город надо. А то и вовсе — в Москву! Я позвоню… Я улажу все. Толику. Ты Толика помнишь? — Он достал телефон и лихорадочно застучал по кнопкам, вызывая на экран адресную книгу. — Ну, друг мой, одноклассник, помнишь?

Всхлип. Тоненький хнык — и снова всхлип. Из детской кроватки. Сын все-таки проснулся.

— Вспомнила, — вдруг сказала Ирка. — Вспомнила, что случилось. Там, под землей, я услышала Матвейку. Матвейка плакал.

Она потянулась, чтобы встать с кровати. Позвоночник отчетливо хрустнул, и Ирка опять перекособочилась. Кривым неестественным движением она поставила ноги на пол. «Туфли, — подумал Кирилл. — Ее лучшие туфли». Туфли были измазаны черной жирной почвой.

Ирка встала, пошатнулась, но оперлась о край детской кроватки.

— Сынок, — позвала она. — Иди к маме, малыш! Матвейка вздрагивал и тихо, почти неслышно, продолжал хныкать.

— Иди к маме, — Ирка попыталась улыбнуть-

ся, но опять лишь одним уголком рта. — Я тебе титю дам.

Она расстегнула одну пуговку на блузке. Вторую. Завела руки за спину и подцепила крючок лифчика, освобождая большие груди недавно родившей женщины.

У Кирилла перехватило горло. Обнажившееся полушарие было мертвенно-синим, цвета застарелого кровоподтека. Из буро-фиолетового соска сочилась сукровица. Отчетливо пахнуло гнилью.

— Нет! — прошептал он. — Не надо, Ира!

Она словно не услышала. Потянулась к ребенку.

— Ира, нет! — громко сказал Кирилл. В два шага он подпрыгнул к кроватке и перехватил руку жены.

Точнее, он подумал, что перехватил ее. С тем же успехом можно перехватить падающий телеграфный столб.

Она отмахнулась от Кирилла, и это легкое движение, не стоившее ей никакого усилия, отшвырнуло взрослого мужчину на полтора метра, прямо в стену. Блузка распахнулась, обнажив вторую грудь, ту, что была повреждена при аварии. В трещине лопнувшей кожи копошились белые черви.

Кирилл сглотнул комок тошноты, подкативший прямо к гортани. Оттолкнулся от стены.

— Ира, стой!

Женщина повернула голову, и Кирилл содрогнулся. Как мог он принять эту трупную маску за лицо живого, пусть и больного человека?!

Он опять не успел. Вновь хрустнул позвоночник, и тварь переломилась в спине, как на шарнире.

Литые пальцы вцепились Кириллу в плечо, подняли в воздух — и бросили прочь из комнаты, прямо в дверной проем.

Он рухнул тряпичной куклой у входа в кладовку. Боль от удара еще не прошла, а он уже понял, что нужно сделать. У стены на специальной стойке висело его охотничье ружье.

Первый заряд Кирилл всадил в потолок. Посыпалась штукатурка — но черт с ней. Ствол смотрел прямо в голову той, что недавно была его женой. — Медленно положи ребенка обратно, — прохрипел он. — И убирайся вон. Снесу башку нахрен. Тварь вперилась в него осоловелыми глазами. Замерла. И вдруг на лицо ее вернулось знакомое выражение. Удивленная и испуганная Ирка.

— Кирюш, ты что? — прошептала она.

— Оставь ребенка и уходи! Ира, ты меня знаешь, я не промахнусь.

Она всхлипнула, положила Матвейку на одеяльце и отошла от кроватки. Прянула к входной двери, но за ней, со двора, весомо гавкнул Эльбрус. Тогда она ловко подскочила к окну на огород, открыла его и нырнула в темноту.

Кирилл еще с минуту держал окно на мушке, потом подошел, запер на обе щеколды и лишь после этого вытер мокрый лоб.

Восемь утра. Ну, почти восемь… Рано? Рано.

Матвейка? Все в порядке, спит.

Кирилл сидел рядом с кроваткой, не выпуская ружье из рук. И вслушивался в звуки за окном. Поселок просыпался. Все как всегда.

Восемь пятнадцать? Рано? Ладно, черт с ним.

Вспотевший экран телефона. Нужный номер уже давно набран. Осталось нажать кнопку вызова.

— Толик? Привет! Это я, Кирилл. Да, да… Ты прости, что прямо с утра… Спишь еще?

Он выложил все. Про аварию, дерево, удар — Толик ведь не знал этого. Про сломанный позвоночник. Да, смерть. Кажется, врач был, констатировал… Про похороны. Похороны совершенно мертвой Ирки. Про запах, силуэт и ночную

гостью на кровати.

Толик должен понять. Толик не отмахнется. Не отмахнется, даже если Кирилл будет нести полную чушь. И пусть Толик давно в Москве, пусть он уважаемый врач, не чета деревенскому затворнику Кириллу, но детская дружба — она ведь самая крепкая, она навсегда.

— Каталепсия, Толик, понимаешь? Я не доктор, как ты, но почти уверен — каталепсия! Или кататония. Ты разберись, пожалуйста! Я же тут с ума сойду от всего этого, понимаешь?

Толик молчал. И даже молчание это было удивленным. Он ждал, что еще добавит Кирилл, но тот уже выдохся.

— Да, Кирюх… — Толик сделал глубокую паузу. — Задал ты мне с утра пораньше. Не шутишь?

— Таким не шутят…

— Тогда приеду, — решился он. — Приеду и разберусь с этой вашей каталепсией. Только вот залез ты в свою глушь — быстро и не добраться. К пятнице. К пятнице доеду. Ждешь?

— Жду, — кивнул Кирилл. И прошептал одними губами: — Спасибо, Толик…

Кладбище жалось к поселку, как бездомная дворняга. После похорон он был здесь всего один раз — не хотел совмещать Ирку из своей памяти

— живую, теплую, смешливую — с тоскливой безвозвратностью всех этих крестов, камней и оградок под чахлыми березами.

Но могилу он нашел сразу. Серый прямоугольник, фамилия, имя и годы жизни. Ему предлагали сделать фото — металл, керамика, стекло, — но он отказался. Выбирать, лезть в альбомы, где она улыбалась и жила, было невыносимо.

Надгробие вкопали не по центру. Сбоку — он специально попросил — оставили место. Ровно половину участка. Для него, Кирилла.

Он стоял и смотрел. Едва покачивая на руках Матвейку — тот тоже смотрел, но не куда-то, а прямо в небо, вперившись в него голубыми глазенками. А Кирилл вдруг понял, почему здешний запах кажется таким знакомым. Минувшей ночью Ирка пахла именно так — свежей землей и перегноем.

Решившись, он прошел по тропинке чуть дальше. Отсюда хорошо было видно, что сбоку от Иркиной могилы чернеет яма.

На обратном пути Матвейка уснул прямо на руках. Дома Кирилл осторожно положил его в кроватку. Проверил все окна: створки, форточки, щеколды. Запер заднюю дверь. Выглянул на крыльцо.

Казбек немедленно облапил хозяина, а Эльбрус ухитрился подлезть сбоку и лизнуть Кирилла в щеку.

— Проголодались, морды?

Он забрал их тазик в кухню, плюхнул в него вчерашнюю кашу, насыпал отрубей, а сверху крупно нарубил пару увесистых кусков мяса из холодильника. Тщательно перемешал и выставил у крыльца.

Эльбрус трапезничал интеллигентно, выкусывая из тазика мясо и жуя его аккуратно, словно в ресторане. Казбек же всегда торопился и жадно, не разбираясь, опустошал любую емкость с едой. Но на сей раз он почему-то не спешил.

Скорчив странную физиономию, пес внимательно смотрел на открытую дверь в дом. Его уши, еще минуту назад висевшие тряпками, приподнялись. Эльбрус, словно опомнившись, тоже замер. Прислушался.

Кирилл похолодел и бросился внутрь.

Три огромных шага — вот она, спальня. Детская кроватка пуста.

Все вдруг поплыло перед глазами. Кирилл беспомощно мотнул головой — в одну сторону, в другую. Где? Куда бежать?

И сразу же увидел следы. Женские туфли. Зна-

комая кладбищенская грязь.

Метнулся в главную комнату, оттуда взлетел по лестнице на второй этаж. Зачем ей наверх? Отсюда сложнее убежать…

Три двери, на выбор. Он рванул ручку и угадал. Когда-то это была комната Ирки, а потом появился Матвейка — и из нее сделали детскую. А теперь она стояла пустой — после похорон Кирилл все снес в спальню.

Голые стены, и ощущение сиротства. Из мебели — один лишь большой шкаф с остатком Иркиных вещей. Окно на огород…

И Ирка на подоконнике. С сыном.

Кирилл бросился бы сразу. Но одной рукой она прижимала к себе Матвейку, а второй крепко держала ружье. Его собственное ружье, ствол которого смотрел теперь Кириллу прямо в лицо. Потому он и промедлил, растянув единственную мысль на несколько долгих мгновений.

И все-таки прыгнул. Иркин палец дрогнул и нажал на спусковой крючок.

И — ничего. Никакого выстрела. Он никогда не давал жене ружье. Откуда ей знать про предохранитель? Надежда на пару лишних секунд сбылась.

Боль вспыхнула, погасив все вокруг. Он думал

про занятые руки, но позабыл о ногах. Ирка пнула его в голень. И сразу же в загривок ударил пол.

Без шансов. Когда-то хрупкая жена откинула его, взрослого мужика, как котенка.

Морщась, Кирилл приподнялся на локтях. Ирка все так же сидела на подоконнике, с застывшим спокойствием на бескровном лице.

Не мигая и не отводя глаз, она аккуратно положила ребенка на подоконник. Матвейка спал так крепко, что даже не пикнул, лишь причмокнул губами. Освободив вторую руку, она положила ладонь на ствол ружья, медленно согнула его. Металл протестующее заскрипел, но поддался нечеловеческой силе. Закончив, она отбросила в сторону железяку, ставшую ненужной.

Звон металла о доски вывел Кирилла из прострации. Он хотел вскочить, но боль полыхнула сразу в нескольких местах. Пришлось подниматься, держась за шкаф. Шершавое дерево дверцы, прохладный металл ручки — и тут он вспомнил.

Он приоткрыл ящик и засунул руку внутрь, в глубину. Есть! Черная рукоятка с одной-единственной кнопкой. Очень похоже на фонарик, но гораздо мощнее. Когда-то Ирка ходила с ним на работу — пять километров по проселку в одну сторону, по темноте. Скорее для собственного

спокойствия Кирилл купил ей электрошокер. И вот он, так ни разу и не пригодившийся, лежал в глубине ящика.

Только бы работал!

Кирилл оглянулся. Заметила? Он спрятал шокер в рукаве. Так. Теперь бы выпрямиться. Кажется, ничего не сломано.

Ирка встала, скособочившись, заслонив собой сына. Тот по-прежнему спал.

— Не отдам, — сказала она.

Голос оказался хриплым и утробным, как расстроенный орган.

— Спокойно, Ира. Спокойно. Это же я. — Он медленно, не делая резких движений, подошел. — Все будет хорошо, Ира. Я позвонил Толику, он приедет…

Кирилл плавно поднес к ней руку, словно собираясь обнять. Шокер скользнул в ладонь, палец лег на кнопку.

Разряд! Запах озона заглушил все остальное.

Ирка вздрогнула, обмякла и кулем свалилась на пол.

Ночью проснулись собаки. Эльбрус гавкал низко и монотонно, словно задавая ритм. Казбек вступил с соло, начав тенором и взлаивая почти до фальцета.

Немедленно, будто ждали сигнала, откликнулись соседские псы, коверкая тишину улицы разноголосицей. Затявкали тузики у оврага, отозвались шавки с той стороны, зашлись лаем овчарки с дальнего конца поселка. Дождавшись апогея всеобщего гама, хрипло и веско высказался старый полкан из дома у реки.

Кирилл не слушал собак — они были лишь фоном для других звуков. Тихо хныкал Матвейка, а со двора — снова и снова — доносились глухие удары.

Он поднялся, автоматически проверил памперс — сухо. Лоб — теплый.

— Ш-ш-ш-ш. Спи, сынок. Это просто собаки…

Он знал, давно понял, что дело не в собаках. Не они будят ребенка. Когда Матвейка просыпается ночью и начинает тихонько хныкать, это сразу же слышит Ирка — там, во дворе. Слышит и начинает долбиться в стены сарая. И уже это поднимает собак.

Он вышел во двор, открыл скрипучую дверь сарая. И снова не стал включать свет — слишком беспощаден тот был к Ирке, слишком выпячивал ее неестественность.

— Ира!

Стоит в полутьме, не подходит. Но смотрит,

смотрит исподлобья, жалобно, как побитая дворняга.

— Ира… Как ты?.. — Голос дрогнул.

Кирилл сглотнул. Как она? Да понятно как. Плохо, очень плохо. Не ест, почти не разговаривает, кожа расползается, волосы клочьями по всей клетке. И запах, трупный запах, который начинает перебивать все.

Безысходность, безвыходность, замкнутый круг. Что делать с ней? Сердце разрывается — это ведь она, это Ирка, его любимая жена страдает в темном сарае. Одежда — бомжи побрезгуют. Может, дать ей переодеться?

Он вспомнил синюшные груди и червей. Невольно передернулся.

Осталась лишь одна надежда. Самая последняя.

Толик. Он приедет уже завтра. Он разберется.

Обязательно разберется.

— Кирилл, привет! Я на станции. Заберешь?

Отлегло. Он ведь до последнего боялся, что друг не приедет. Но Толик, верный Толик, не подвел.

— Конечно, заберу. Жди, я скоро.

Он хотел добавить еще что-нибудь, но не стал. Скоро. Совсем скоро Толик будет рядом — и они начнут распутывать всю эту чертовщину.

Матвейка гулил о чем-то своем и делал попытки улыбнуться. Надо же. Скоро научится. Кирилл одел его, приготовил бутылочку, пошел греть машину.

И уже на крыльце понял — что-то случилось.

Собаки не встречали его. Казбек лежал прямо у ступеней. Кирилл в два шага спустился, присел рядом. Пес не дышал.

И сразу же он увидел Эльбруса — у сарая. А там… Кирилл похолодел. Дверь была приоткрыта.

Он дернулся туда, распахнул створку. Сетка вольера, прочнейшая стальная сетка, выгнулась лопнувшим пузырем. Как будто какая-то сила, сокрушающая все, вырвалась оттуда на волю.

— Ира! — позвал он. И не узнал свой голос. Он уже понял, что ее тут нет.

Кирилл вскочил и помчался обратно, в дом. Матвейка!

Кроватка, в которой он только что оставил сына, оказалась пуста.

Его будто обдало кипятком, по виску пробежала струйка пота. Где?! Где, черт побери?!

Он заметался по комнатам. Что-то звякнуло наверху — он мгновенно взлетел по лестнице, распахивая все двери и зажигая свет. Руки тряслись, промахиваясь мимо выключателей.

Нет! Что-то там, внизу. Стук? Он скатился на первый этаж — пусто. Следы? Он бухнулся на четвереньки, всматриваясь в доски пола. Нет. Если и было, уже сам затоптал. Не стоять!

Он два, три раза пронесся по всему дому — и остановился у задней двери. Его одурачили. Сына здесь уже не было.

Кирилл стиснул зубы, взвыл почти по-собачьи — и выбежал на улицу. Переулками, мимо кривых домов, заглядывая за заборы, вдоль оврага, по берегу реки — он мотался везде. Пусто. Она либо спряталась у кого-то дома, либо таится где-то в огороде, либо…

Он уже не мог бежать. К кладбищу он шел, не в силах успокоить дыхание. Сердце долбилось в ребра, в боку кололо и хотелось сплюнуть, но слюна — липкая, тягучая оставалась на губах.

Идти не хотелось. Именно на кладбище — не хотелось. Нет, не страшно. Тоскливо. Тоскливо до предела.

Могила Ирки как будто осталась прежней. Тот же серый камень, то же имя, те же даты. Вот только сбоку — Кирилл заглянул — почему-то не осталось подкопа, ямы, уходящей в глубину. Дерн. Трава. Будто всегда так было. Никаких следов.

В остальном же — все как раньше. Пустое место

рядом… Нет, не пустое. Кирилл в ужасе уставился на клочок земли, оставшийся для него. Там была могила. Вторая могила. Точь-в-точь как Иркина.

Глаза нашли имя. Белецкий Матвей. И годы коротенькой жизни.

Мир как будто завертелся вокруг Кирилла. Чтобы не упасть, он сел. Прямо на землю.

Как? Как это возможно? Ирка забрала его с собой? Туда? Так быстро? Откуда же… Ну откуда эта вторая могила?!

— Она давно здесь, эта могила.

Чей-то голос из-за плеча. Наверное, Кирилл последнюю фразу выкрикнул вслух.

Он обернулся. Сзади стоял Толик. Столько лет не виделись — а ведь почти не изменился. Да, стал крепче, наел щеки, да и морщины — вон, между бровей… И глаза — взрослые, печальные. Но смотрят внимательно, цепко.

— Только ты ее никак не хотел увидеть. Посттравматический стрессовый синдром, осложненный конфабуляциями.

— Не понимаю.

— Думаю, уже понимаешь. Раз увидел, то понимаешь. — Он помолчал. — Я ведь три дня как приехал. Конечно, сразу в морг — как так, похоронили живую. Там и узнал, что не одну ее.

— Не одну? — Кирилл зажал ладонями виски.

Маршрутка летит в лоб, обгоняя фуру. Он проскакивает между и слишком резко тормозит. Машину тащит боком — в кювет, в то злополучное дерево… Если бы Ирка была пристегнута, ее не выбросило бы в окно… Но кто же пристегивается на заднем сиденье?

Особенно если на руках — младенец?

— Никак не мог вывести тебя из этого цикла, — Толик говорил тихо, но каждое слово звучало для Кирилла как удар колокола. — Якобы живой сын. Якобы ожившая жена. Компенсаторные галлюцинации. Ни один психиатр на это не пошел бы. Нейролептики, транквилизаторы — и принудительное лечение. Но ты мой друг, Кирюха. Я не мог не попробовать. Все-таки шанс на нормальную жизнь.

Кирилл слушал молча, обхватив голову ладонями. И морщась от осознания.

— Собак жалко, конечно. Прости, надо было быстро. Не рассчитал — хотел усыпить, но дозы слишком большие оказались. Остальное просто — оставить открытым сарай, перекусить и выгнуть сетку вольера. Надо было, чтобы ты поверил…

Кирилл поднялся и медленно пошел к дому.

Собак он похоронил справа от крыльца, там, где начинался огород. Копал уже в темноте, монотонно вгрызаясь лопатой в остывающую землю. Место решил ничем не помечать — достаточно того, что он знает, где они.

Дома посмотрел в зеркало над раковиной. Серое лицо, корка грязи — и две дорожки вниз под глазами.

Умылся, сел на кровать. Из темноты проступили очертания детской кроватки. Надо будет завтра отнести ее наверх, в пустую Иркину комнату. Или сразу на свалку — чего уж теперь…

Ночью растревожились собаки. Казбек не лаял, а издавал высокий, пронзительный вой. Надсадный, потусторонний вопль, от которого шли кожей мурашки. Эльбрус вступил низко и гулко, равномерным отрывистым хрипом.

Никто не ответил им. Весь остальной поселок молчал, затаившись.

Ольга Есаулкова
И пошел настоящий снег

— Я хочу убить свою дочь…

Сергей отложил ручку и внимательно посмотрел на женщину, сидящую напротив. Клиентка теребила тонкими сухими пальцами бумажный платок, скручивала в жгут, а затем снова расправляла, периодически поднося его к пламенно-красному рту, нелепо выделявшемуся на немолодом, нездорово бледном лице.

— Сколько лет вашей дочери, Тамара Львовна?

Сергей тихонько постучал ручкой о стол красного дерева — вычурно дорогой, купленный в кредит, но Сергей просто не представлял себе кабинет психолога, имеющего право брать деньги с клиентов, без этого чертова стола, будь он неладен. «Серый, этот стол ты взял в ипотеку, а не в кредит», — ворчал Вовка Титов, затаскивая вместе с Сергеем на второй этаж по лестнице тяжелую громадину стола, воцарившегося в помещении так, словно именно ради него все и затевалось.

— Тридцать шесть, — прошелестела клиентка.

Почему просто нельзя залезть в голову другого человека и все рассмотреть там внимательно? Включить свет, потереть тряпочкой, где надо, и вуаля — все ясно, понятно и исправимо. Еще два года назад Сергей наивно полагал, что примерно так и делают всемогущие психологи, и разочарование, постигшее его еще в самом начале обучения, было так велико, что хотелось все бросить и не лезть в это дело. Но интерес оказался все-таки сильнее, да и натаскали его на курсах хорошо. Настолько хорошо, что вот сообщает ему человек какой-то нелепый ужас, а он, Сергей, сидит себе спокойно и даже не дергается. Молодец, конечно. Теперь надо докрутить, и если не

залезть в голову клиентки, то хотя бы на секунду приподнять плотную штору, закрывающую ее мысли и чувства.

— У вас напряженные отношения с дочерью?

— Как вам сказать, Сергей Владимирович… Мы не были никогда близки, словно подружки, секретами она со мной практически не делилась, советов не просила. Да мне и самой это не требовалось. Но каких-то ссор или конфликтов между нами — нет, не было. Наоборот, знаете, все у нас чересчур спокойно, иногда — аж до тошноты, — и клиентка едва заметно скривила губы, глядя мимо Сергея куда-то в окно, забронированное бледно-голубыми жалюзи. Любопытно…

— А как вы понимаете, что хотите убить свою дочь? В каких ситуациях это происходит?

— Мне часто снится, что я душу ее подушкой, по ка она спит… Знаете, и наволочка на подушке всегда болотного цвета и пахнет еще так — несвежим отсыревшим бельем, гнилью. И когда я понимаю, что *она* мертва, мне становится так свободно и благостно… Легко… А потом я просыпаюсь, и первые мгновения мне кажется, что все это было бы правильно сделать наяву. Затем морок проходит, но… — Тамара Львовна закрыла глаза и правой рукой обхватила себя за горло,

будто пытаясь унять дурноту, и засипела.

Сергей пододвинул клиентке стакан воды и поправил ворот своей льняной рубашки:

— Есть что-то еще, Тамара Львовна?

— Вы верите в судьбу, Сергей Владимирович? — вдруг приглушенно и торопливо заговорила клиентка. — Что если не бежать от нее, а бежать к ней? И сделать наконец то, что так хочется и так тянет сделать — и это будет правильно?

Тамара Львовна замолчала, промокнула лицо изрядно измятой салфеткой и уже совсем потухшим, еле слышным голосом прошелестела:

— Я устала… понимаете, Сергей Владимирович, я очень устала… сопротивляться… очень устала…

…Выходя из своего авто, Сергей наступил в расквашенную снежную лужу, притаившуюся прямо у двери, и чертыхнулся. За каким лешим его понесло вернуться в Россию в самое мерзкое время года, когда влажный снег, целенаправленно падающий за воротник, сменяется ледяным дождем с пронизывающим, словно выдергивающим кости из скелета, ветром… А до Нового года, кажется, еще бесконечно далеко, как до соседней галактики: вроде видно, но недосягаемо. Еще раз чертыхнувшись и высказав луже все, что он ду-

мает о ней, о ее матери и прочих родственниках, Сергей направился в кафе с табличкой на двери: «Закрыто. Но если очень надо, то открыто». «А если надо, но не очень, тогда как?» — ухмыльнулся Сергей.

Вовка уже разминался пивом, поэтому являл собой человека, вполне довольного жизнью, несмотря на сутки дежурства в отделении полиции. Неделю назад ему присвоили капитана, и он чувствовал себя королем мира, что, впрочем, продлится очень недолго и вскоре закончится разочарованным запоем под кодовым названием: «Ну, вот, теперь уже точно никаких перспектив», причем не менее длительным, чем по поводу недавнего назначения.

— Серый, давай скорее, я уже все заказал! — махал рукой Вовка.

И из двери рядом с барной стойкой, словно из волшебного шкафа, смуглые добродушные официанты несли и выставляли перед Вовкой и Сергеем миски с дымящимся борщом с обжигающим духом чеснока и кислой сметаны, разновеликие плошки с пахучей зеленью и маринованными овощами, а в самый центр стола венец творения — огромную, как полнолуние, тарелку, наполненную жареной с белыми грибами

картошкой. И от этого всего аромата кружилась голова и нестерпимо хотелось выпить и медленно-медленно, смакуя и постепенно хмелея, закусывать и снова выпивать.

Сергей махнул долгожданную стопку коньяку, закусил маринованной черемшой и огромным ломтем картошки и отогрелся, оживился наконец.

Разговор тек неспешно и бесцельно. И где-то в тягучем диалоге, стараясь попасть между строк, Сергей вклинил-таки свою историю про странную клиентку, не то чтобы напугавшую его, но… как говорится, осадочек неприятный остался. Очень неприятный. Тревожный такой осадочек.

— И понимаешь, у меня же есть договор с этой дамой: там фамилия, адрес, все дела… И она после того сеанса как в воду канула, а ведь договорились на следующую встречу, но она не пришла, и телефон у нее выключен. А ну как она реально свою дочь намерилась убить? Не нравится мне ее рассказ, и образы у нее живые, и сама она явно не в себе… Предупредить, может, как-то ее дочь… Поговорить или позвонить… Или что тут еще можно сделать?

Вовка, раздувая ноздри, хлопнул ладонью по столу:

— Психолог-хренолог… Не вмешивайся, я тебе говорю, даже не думай, слышишь? Дело мутное, семейное, влезешь — не отмоешься. И вдруг эта психичка реальная кокнет тебя или покалечит — пукнуть не успеешь. Или дочка у нее ку-ку… Пусть они сами разбираются.

— Что, защитить человека, это уже совсем ничего не значит и никому не нужно? Помочь как-то… А если она все-таки ее убьет? — взвинтился Сергей.

Вовка деланно, словно успокаиваясь, несколько раз глубоко вздохнул и отчеканил, как на докладе:

— Иногда надо просто отступить и отпустить ситуацию, Серёжа, — и, произнося «Сережа», Вовка снисходительно скривился.

Помолчал пару минут, постукивая костяшками пальцев по потертой поверхности стола, а затем разлил подрагивающей рукой коньяк и спросил, не скрывая саркастичного тона:

— Ты лучше скажи: на фига тебе далась вся эта психология? Чем тебе не нравилось фоткать пейзажи разные или баб на пляжах? Ты вообще в курсе, что психов лечить — сам психом станешь?

— Я не психиатр, я психолог, сколько раз мож-

но повторять. И психов я не лечу, — пробубнил Сергей.

— Ну, судя по вашему рассказу, вы, батенька, или врете, или лукавите по этому поводу, — и Вовка опрокинул в себя коньяк, выдохнул, и, хватая ртом воздух, выговорил: — Не вмешивайся, я сказал. Не надо. Оставь… Если что, я твой труп реанимировать не буду, так и знай!

— Трупы не реанимируют, — снова пробубнил Сергей.

Вовка внимательно посмотрел на Сергея и вдруг совершенно трезво и серьезно спросил:

— И когда ты стал таким занудой?

— Я всегда таким был… Просто раньше пил много.

Договор с Тамарой Львовной Сергей, стараясь не подсмотреть адрес, засунул в самый низ стопки остальных договоров, покоившихся в недрах новенького сейфа, еще не успевшего впитать в себя истории обитателей. Забыть-закрыть… И отпустить, как сказал Вовка… Все попытки залезть в сейф или в очередной сотый раз проанализировать тот разговор с клиенткой Сергей пресекал на корню, а когда совсем становилось невмоготу, закуривал сигарету, и мысли о том, что он опять начал курить, дурень такой, ослабляли эти по-

пытки. Спустя неделю, на исходе одиннадцатой пачки, Сергей затушил бычок о кофейную банку, установленную им на подоконнике за окном (утешительные мысли о том, что это — *временная* пепельница), и достал из сейфа договор:

— Может, ты и прав, Вовка… Но я не стану вмешиваться… Я просто проверю. Проверять мне никто и ничто не запрещает в конце концов, — пробурчал себе под нос Сергей и впервые за последние дни выдохнул легко и свободно.

Загородный поселок Истомино отгораживался от остального мира высокой витиеватой зеленой оградой и ярко-красным шлагбаумом с будкой охраны такого же цвета. «Не пустят», — подумал Сергей, но отчего-то не повернул обратно, а упорно надавил на газ, подкатил к шлагбауму и протяжно нажал на сигнал. Из двери будки выглянул взъерошенный мужик в тельняшке наизнанку, покрутил пальцем у виска, одними губами сказал Сергею, куда ему следует идти и… открыл ему путь в поселок. «Спасибо, мужик! Не знаю, за что тебе платят зарплату, но ты прям обалдеть какой крутой охранник!» — подумал Сергей и в голос расхохотался.

В отличие от промозглого, расквасившегося города, в Истомино тонким, но все-таки живым

слоем лежал снег: на газонах, изгородях, крышах домов и густых, темнеющих кронах деревьев. От небольшой речушки, текущей между самой дальней улицей и бурым простуженным лесом, поднимался густой пар. Сергей ехал очень медленно. Он все ждал, что увидит хотя бы одного человека, ну, или хоть собаку или кошку, и это дало бы ему понять, что здесь есть жизнь, что он тут не один, но так никого и не встретил.

Нужный ему дом, оказавшийся крайним, скрывался за плотным забором — не разглядеть ничего. Сергей вышел из машины, потоптался возле калитки, зачем-то поскреб ногтем номер, нарисованный серебряной краской, а затем пошел вдоль забора и дошел до зеленой изгороди границы поселка. Между ней и забором дома оказался небольшой, в полметра ширины, прогон, а сам забор — редким и полусгнившим. Похоже, его поставили лет двадцать назад, да так и не поменяли, в отличие от фасадного. Сергей протиснулся в прогон — спасибо маминым генам за вечную худощавость — и в просвет между досками увидел дом: одноэтажный, темно-бордовый, с белой снежной шапкой на крыше очаровательного небольшого мезонина.

Сначала Сергей ничего не понял, только по-

чувствовал, как его ноги вдруг наполнились свинцовой тяжестью, а щеки отчаянно, жарко и постыдно загорелись. Сергей ухватился руками за доски забора и прижался к ним горячими щеками. Этого просто не может быть… Но этот мезонин, этот стрельчатый узор на его наличниках, который он чудом *тогда* рассмотрел в мутном свете фонаря, это точно был он. Тот самый дом…

Сергей по-бычьи мотнул головой, зачерпнул пригоршню мокрого снега и со всей силой потер им лицо. Надо вернуться в машину. Надо вернуться в машину и выпить. Нет, за рулем пить нельзя. Да и нечего.

Сергей доплелся до машины, угнездился на заднем сиденье и достал заначку: пачку сигарет, припрятанную на всякий случай. Кто знал, что всякий случай настанет так быстро. Сергей закурил, затянулся со всей силы, медленно носом выдохнул, и едкий дым заполнил салон авто. И казалось, что в машину проник пар, поднимающийся от речушки, прохладный и успокаивающий. Успокаивающий…

* * *

…Сергей протискивался сквозь толпу малознакомых или вовсе не знакомых ему людей,

стараясь не расплескать шампанское в высоком бокале на тонкой ножке. Вообще он бы предпочел кружку пива, но, как говорит мама: «Пиво — напиток нищебродов и бухариков», а здесь, на его первой *взрослой* фотовыставке руководила и заправляла мама. Мама скользила по залу в летящем платье цвета южного ночного неба, и все подходили к ней и говорили комплименты, от чего мама звонко хохотала, запрокидывая белокурую голову. И все восхищались творчеством ее чертовски талантливого сына и прочили ему светлое будущее и самые радужные перспективы. Мама кивала. Иногда она останавливала на Сергее взгляд и жестами приказывала ему «походить, пообщаться, рассказать о себе и своих работах». Сергею сначала все это даже нравилось, но затем наскучило однообразие лиц и слов. А еще он не знал, что ему рассказывать о своих работах, потому что те фотографии, которые для выставки выбрала *менеджер*, то есть его мама, самому ему не очень нравились. Так себе, ниже среднего. Только одну фотографию, выбранную им лично, поместили на выставке, но и она оказалась в самом дальнем темном углу. Да и ладно. Надо просто продержаться до вечера.

От шампанского Сергея начало клонить в сон,

и он присел на табуретку у стены. Да и пусть. Пусть он смотрится, как полный придурок, но и в ногах правды нет. Сквозь марево неумолимо приближающегося сна он увидел… нет, сначала услышал, как рядом с ним какая-то женщина заговорила быстрым громким шепотом:

— Сеня, вот посмотри — это же совсем другая история. Погляди, как здесь дышит солнце, как пыль танцует вместе с девушкой. Какое движение! И взгляд — он не внутрь даже направлен, а словно бы в параллельный мир… Невероятно. Вот у автора именно этой работы я бы снялась в любом виде!

— Я бы запретил в любом виде, дорогая, — пробубнил мужской голос, но женщина будто не услышала его и повторила:

— В любом!

Сергей потер глаза, разогнал сон, поднял голову и увидел эту женщину. Она смотрела на работу, выбранную Сергеем с дозволения *менеджера*, и улыбалась так ярко и так искренне, как никогда не улыбалась ни одна знакомая Сергея. Она сияла, а вместе с ней — так показалось Сергею — сияло все вокруг. Она вдруг, видимо машинально, от эмоций, одним быстрым движением сняла со своей головы заколку, и по ее плечам рассыпались

темные кудри, отливающие черничной синевой.

Она выглядела лет на тридцать. По крайней мере она точно была старше Сергея, отметившего в том году свои двадцать три на удивление тихо в компании одного лишь Вовки. Она постоянно теребила три тонких золотых цепочки на правом запястье изящными пальцами с готично-черным маникюром, а еще то и дело запускала руку в свою небольшую, но объемную сливового оттенка сумочку, доставая оттуда то помаду (и бездумно подкрашивала губы, начхав на все условности), то ключи, то телефон, то расческу (и тоже без малейшего стеснения прилюдно причесывалась)… Сергей тогда эти отношения у девушки и ее сумочки назвал «танцующие руки».

Ирма. Ей удивительно шло это имя — грациозное и строгое, *обязывающее* быть немного спесивой и обладать особенным шармом, приковывающим внимание как мужчин всех возрастов и статусов, так и женщин.

Но при этом вся её строгость, картинная красота и легкая отстраненность вкупе с детской непосредственностью не могли скрыть того, что Сергей увидел или даже почувствовал сразу — и только это стало иметь для него значение. От Ирмы веяло уютом… Домом, теплом, сладкой вы-

печкой с корицей, долгими вечерами с чашкой глинтвейна в руке, мягкостью пухового платка, шелестом потрепанных страниц книг со стертыми именами на обложках, хранившими в себе самые невероятные истории… Такой она была для него — *его* Ирма.

Ирма отвела взгляд от так восхитившей ее фотографии, обернулась и близоруко сощурилась, обвела взглядом толпу и обратилась вроде бы к своему спутнику, а вроде бы в никуда:

— Он же где-то здесь должен быть, фотограф этот?

Сергей встрепенулся, вскочил со стула, чуть не упал, потому что он отсидел ноги, и в ступни немедленно впились тысячи мелких иголок.

— Я здесь, это я фотограф! — крикнул Сергей с таким ликованием, словно только что решил теорему Ферма.

Ирма взглянула на него изумленно и радостно рассмеялась.

Её рука, маленькая и прохладная, легла в руку Сергея и на мгновение замерла. И Сергей тоже замер, чтобы не спугнуть этот миг.

Она не успела представиться, потому что к ней подбежала мама Сергея, и, словно цунами, увлекла и утащила Ирму вместе с ее спутником

в другой конец зала, и долго ее там терзала разговорами и не отпускала, подливая шампанское и подсовывая какие-то альбомы и фотографии. Возможно, даже с его фотографиями, хотя это уже не имело ровным счетом никакого значения.

Окончательно устав и не дождавшись даже малейшей возможности еще раз пообщаться с гостьей, Сергей вышел покурить. Встал около запасного выхода под козырек, чтобы сверху на него не падал дождь со снегом. Завтра наконец настанет официальная зима, и, может, станет как-то веселее, и пойдет настоящий снегопад, и жизнь станет проще и понятнее…

Ирма вышла и встала в паре шагов от Сергея. Вытащила пачку сигарет, покопалась в сумочке, но, видимо, не нашла зажигалку и попросила ее у Сергея. Он молча прикурил ей сигарету, и так же в полном молчании они стояли несколько отчаянно долгих минут.

Она была обута в босоножки, и Сергей смотрел на ее ноги и думал, как, наверное, ей холодно. И ему очень хотелось согреть ее и сделать так, чтобы зимой она носила нормальную обувь — по погоде.

Она выбросила окурок, снова полезла в свою сумку, протянула ему какую-то бумажку и просто

сказала:

— Не успела представиться. Я Ирма. Позвони мне, пожалуйста.

И ушла. А Сергей, ошеломленный, стоял и никак не мог понять, с чего вдруг это «пожалуйста».

Наутро, измотанный потоком мыслей, образов и самокопания ночи и беспокойным коротким сном, он позвонил ей. Они встретились в какой-то замызганной пивнушке и долго говорили, перескакивая с темы на тему между по-подростковому жадными и бесстыдными поцелуями, не обращая внимания на пьяное разношерстное окружение.

Ирма между делом сообщила Сергею, что замужем. Больше они эту тему не поднимали никогда, и Сергей просто принял факт замужества Ирмы как неизменную данность.

Они встречались нечасто. Как правило, в кафешках, но пару раз ходили в небольшой кинотеатр, где ко второму их визиту в холле установили новогоднюю ёлку — слегка склоненную, как актер перед финальным занавесом. Ирма назвала ее пизанской елью и уговорила Сергея сфотографироваться так, словно Сергей держит ель на ладони. После она распечатала фотографию, вставила в рамочку и сообщила, что

это «первая работа лучшей ученицы великого фотографа Сергея Искрина»…

* * *

…Позади авто Сергея бесшумно подъехала небольшая серебристая машина. Сергей очнулся и обернулся, только когда услышал хлопок дверцы.

От машины к воротам шла Ирма. Сергей узнал бы ее и в любом другом месте, но рядом с этим домом она смотрелась так, словно не было никаких семи лет, словно они расстались только вчера. Она не спеша подошла к воротам и скрылась за ними.

Сергей зажмурил глаза. В горле образовался ком, не дающий вдохнуть. Сергей выскочил на воздух, жадно задышал ртом, рывком сел на переднее сиденье, кое-как завел машину, развернул ее и, стараясь не улететь с дороги, без остановки и почти без единой мысли доехал до ближайшего бара. Сил ехать домой у него не оставалось.

* * *

…В тот вечер впервые за декабрьскую «недозиму», как ее назвала Ирма, ударил мороз. Лужи

застекленели, деревья превратились в гигантских насекомых, заключенных в янтарь, и даже звук стал хрустким и звонким, как ломающийся лед. Сергей очень боялся, что Ирма не рискнет сесть за руль в такую погоду, но, как всегда, ошибся.

Они ехали часа два, а может, гораздо меньше или больше — Сергей не смотрел на часы. Он вообще ни на что вокруг не смотрел, сосредоточившись на том, чтобы не выпустить из рук пакет с продуктами и вином. Он старался не думать, что будет дальше, потому что, если подумать, то можно сойти с ума.

У ворот дома Ирминой матери, схватившись за руки, балансируя, силясь не упасть и безудержно хохоча, они все-таки уронили злополучный пакет, и вино растеклось красным озерцом, растапливая собой, чтобы мгновение спустя стать им же.

Ирма очень долго искала ключи в бездонной сумке, виновато лепеча:

— Понимаешь, мама так редко куда-то уезжает, что я почти никогда не пользуюсь своими ключами, да и бываю здесь нечасто… Мама любит сама приезжать к нам, — Ирма запнулась, но не стала исправляться, а просто замолчала и еще глубже

залезла в сумку.

До Нового года оставалось еще две недели, но в *том доме* уже стояла наряженная ёлка. Она упиралась макушкой в голубоватый потолок и казалась атлантом. И в полумраке большой теплой комнаты, освещенной лишь блеклым торшером, она сияла тысячей огней, похожих на светлячков в ночной темноте сада, еле слышно вздыхающего в своей бархатной дреме. Пышные пушистые елкины лапы украшали фарфоровые игрушки, потертые сотней новых годов: бравые офицеры, смущенные красотки с алыми губами и кокетливыми бантами, бурые медведи и серые зайцы с барабанами и без, элегантные шары с потускневшими цветными боками, не потерявшие своего лоска… И в комнате стоял терпкий хвойный запах, а к нему примешивались и рифмовались с ним ароматы корицы, меда и апельсинов. И Сергею хотелось вечно дышать этим воздухом, смотреть на ёлку и чтобы Ирма вот так же прижималась к нему и замирала в немом и восторженном ожидании неизбежного.

— Вина нет, но есть кое-что другое! — торжественно сообщила Ирма и достала из пакета коробку с тортом — Тадаааам! Прошу любить и жаловать, мусье, специально для вас. Собствен-

норучно, так сказать.

Они сидели на ворсистом и немного колючем ковре прямо под ёлкой, а из кухни тянуло теплом от затопленной печи. Ирма сказала, что нормальное отопление — это глупая чушь, и надо всенепременно затопить печку, чтобы дом *ожил*.

— То есть ты сама его сделала? — переспросил Сергей и осекся. Невнимательный индюк, она же говорила тебе, что она какой-то очень важный кондитер в ресторане под названием… Нет, названия он не запомнил. Он ее тогда почти не слышал, потому что одновременно смотреть на нее и понимать все, что она говорит, у него получалось очень плохо. Но Ирма не рассердилась, наоборот — расхохоталась:

— Вообще-то хотела поручить моему сушефу, но решила сделать сама для любимого мужчины, — и тут Ирма дернулась, как от громкого звука, притихла, опустив глаза, а потом зачерпнула пальцами крем на торте и нанесла на зарумянившуюся щеку, — Попробуй. Вкусно?

И придвинулась к нему, и ее лицо оказалось так близко, что пути назад уже не было. И он прикрыл глаза, чтобы не видеть этого мира, а оказаться целиком и полностью только в ее галактике, в

которой нежный персиковый кремовый вкус сменился терпким и болезненно жарким, а затем перестал существовать, как перестала на время существовать ее галактика, становясь неизмеримой и неподвластной разуму бесконечностью…

Ночью, когда Ирма заснула прямо на ворсистом ковре, подложив себе под голову не пойми откуда взявшегося плюшевого кота с мордой размером с приличный глобус, Сергею очень хотелось ее сфотографировать. В свете ёлочных огней, оставив на Сергее весь свой макияж, да еще и с этим котом, она выглядела безмятежным и славным ребенком, который задремал в самый разгар интересной игры. Но Ирма запретила Сергею себя фотографировать, при этом холодно игнорируя все его «почему». И Сергей не мог ее ослушаться, тем более вот так — исподволь, не дав ей возможности возразить. Ни единой ее фотографии, ни единой…

* * *

…У Сергея катастрофически болел зуб. Он отменил все встречи с клиентами и заперся в квартире, которую снимал у крупной и властной женщины с ангельским именем Серафима. На третий день своего затворничества Сергей нако-

нец позволил себе напиться и признаться в том, что его нестерпимо тянет вернуться в Истомино и встретиться с Ирмой. Он не боялся ни возможного столкновения с ее мужем, ни проблем с ее матерью, чью тайну ради Ирмы он нарушил бы безо всякого сожаления и укола совести. Но одно дело приехать к незнакомому человеку и намекнуть, что мать, возможно, готовится его убить, и совсем другое — приехать к женщине после того, как он мерзко, гадко и трусливо поступил *тогда*…

* * *

…Сергей ужасно продрог на съемках в загородной усадьбе, и горячий кофе в термосе закончился почти сразу — и не понятно, а был ли он вообще. Сергей забежал домой, чтобы переодеться перед встречей с Ирмой. Они не виделись несколько дней, и он очень устал от ожидания, измаялся весь, и при воспоминании о ней ему приходилось глубоко и часто дышать, чтобы унять волнение и саднящий страх того, что она о нем могла попросту забыть.

Он хотел быстро проскользнуть в свою комнату, но пока разувался, услышал разговор матери и отца за закрытой дверью кухни. И разговор этот почему-то показался ему неприятным и одновре-

менно важным.

— А я ему рассказала все как есть, и утаивать ничего не стала, — жестко и довольно громко говорила мама.

— Зачем же ты так сына подставляешь? А вдруг он его покалечит? — тихо, но как никогда уверенно спросил отец.

— Ничего он Сереже не сделает. А вот то, что мой сын репутацию себе портит, таскаясь с этой звездой, ничего хорошего не сулит. Еще и рога наставляет уважаемому человеку. А он, между прочим, обещал денег дать на его новую выставку, — горячилась мать.

— И что? Даст? — язвительный тон отца в адрес матери… Это что-то новенькое.

— Даст, конечно. Так он мне благодарен был за информацию, что договор на спонсорство подмахнул, не глядя на сумму. Только профинансирует не от своего имени, а от фонда его партнеров. Представь, если бы он спонсировал выставку любовника своей жены! Это же несмешной анекдот. Позорище…

Позорище… Позорище… Это слово шипело, и извивалось, и жалило Сергея в глаза, в горло и стягивало грудь так, что он не мог дышать. Он даже не пытался представить, каково сейчас там Ирме,

потому что тогда он бы попросту умер. Сергей не знал, можно ли позвонить или написать Ирме, и уже глубокой ночью набрал ее и отключился после первого гудка. И только к обеду следующего дня она прислала Сергею короткое голосовое сообщение, где абсолютно ровно и бесцветно сообщила, что с ней все в порядке и что она сама позвонит ему, как только разберется в ситуации.

Он ждал, изводя себя невозможностью хоть что- то предпринять, и уже не пытался сделать перед матерью невозмутимый вид «ничего не знаю». Но мать словно бы ничего не замечала и лишь накануне его побега, о котором не подозревала, бросила ему короткое: «Перебесишься». Значит, знала о том, что он *знает*.

Сергей ждал… А потом, словно сорвавшись с цепи, стал с маниакальной настойчивостью набирать номер Ирмы. Она не отвечала. Он снова и снова звонил — до тех пор, пока в один из звонков равнодушный женский голос не сообщил ему, что «номера не существует».

Он бездумно купил билет на самолет в Испанию. Почему в Испанию? Да он и сам не знал. Просто ему жизненно важно было очутиться на солнце, уехать прочь из этого мокрого и мерзлого мрака. Вырваться. Исчезнуть. Чтобы мать не

смогла его найти. Позорище…

А он в самом деле и был позорищем, просто понял это уже позже, когда, отогревшись на солнце, снова обрел умение думать. И это осознание стало гораздо хуже страшного морока, в котором он находился до своего побега…

Он путешествовал, фотографировал, зарабатывал довольно приличные деньги и тратил их безо всякого счета и сожаления. Постепенно мир стал приобретать очертания и краски. Одно время он даже стал вполне настоящим и почти год жил с девушкой в одной прелестной маленькой деревушке на Майорке. Но не срослось: Сергей ее не любил, а она не умела готовить. Случайно от дальних знакомых он узнал, что его родители продали квартиру и переехали в Берлин. Сергей был рад.

В какой-то момент он понял, что не хочет больше фотографировать. Фотографии стали казаться мертвыми отголосками мгновений, в которых он лишь наблюдатель, а не участник. И чтобы не погрязнуть в этом гнетущем состоянии, Сергей — неожиданно для себя — поступил на заочные курсы по психологии, постепенно втянулся, и первые клиенты пришли словно сами собой, безо всяких усилий.

Так же неожиданно он решил вернуться. И все эти решения приходили так просто и легко, что никаких доводов против он не нашел… А может, и не искал…

* * *

…Сергей давил на педаль газа и горячечными глазами смотрел на огни едущего впереди автомобиля как на единственный ориентир на пустынном ночном шоссе. А под колесами машины Сергея ледяная жижа разбрызгивалась и летела в разные стороны черным фейерверком, словно уродливое детище пиротехника-неудачника.

Сергей свернул на уже знакомую узкую дорогу, подъехал к красному шлагбауму и загудел. Шлагбаум бесшумно поднялся, Сергей въехал в Истомино и двинулся к дому Ирминой мамы, но не тем путем, что раньше, а в объезд, давая себе дополнительное время. Но все мысли, что бились в голове, он уже несколько дней подряд перебирал, как разорившийся богач перебирает жалкие остатки медяков. Во-первых, Ирмы может не оказаться в доме ее мамы. Во-вторых, Тамара Львовна его узнает, и придется объясняться, а как это сделать, Сергей не придумал. В-третьих, Ирма

даже не захочет с ним говорить. И будет права… Ну, и еще там в-четвертых и в-пятых, но они не имели большого значения.

Он уже видел впереди забор *того дома*, оставалось всего ничего…

Склизкая тошнота подкатила к горлу, и стало невозможно сопротивляться. Сергей развернулся и, с трудом преодолевая муть, выехал из поселка, добрался до шоссе и остановился.

Вышел, прислонился к грязному боку машины, закурил и, выдыхая, запрокинул голову, и на лицо ему упали несколько крупных, невесомых снежинок. Они не таяли, они красовались и давали возможность себя рассмотреть, прежде чем станут водой. Прежде чем станут водой…

Сергей зло отщелкнул сигарету. Да гори оно все синем пламенем!

— Тоже мне, учить меня еще вздумали! — остервенело крикнул Сергей, обращаясь сам не зная к кому. Надоело!

И это «Надоело» Сергей повторял и повторял, как заклинание, пока не уперся в злосчастный шлагбаум, и со всей дури надавил на сигнал.

Взъерошенный охранник, по-прежнему щеголявший в тельняшке наизнанку, выскочил из будки, тыркнул кулаком в кнопку и, тараща

глаза, плюнул вслед Сергею:

— Совсем охренел, идиота кусок!

Сергей притормозил, опустил стекло, впустив в салон морозный воздух и легкий хоровод снега, и весело крикнул:

— Да, мужик, наконец-то я реально охренел!

…Калитка почему-то оказалась не заперта. Надо будет сказать *ей*, чтобы закрывала. Сергей взлетел на крыльцо и отчаянно громко заколотил в дверь, словно у него оставалась всего пара минут жизни, и надо успеть… надо успеть.

И дверь распахнулась, и Ирма, нежная и домашняя, с убранными в небрежный хвост черничными волосами, укутанная в старомодную пуховую шаль, увидев его, сначала отпрянула и ахнула. А затем шагнула к нему, протянула руку и потрогала его щеку, как незрячий ощупывает, чтобы *узнать*.

— Сережа, — Ирма улыбнулась легко и радостно и отступила от двери, *приглашая* его в дом.

Сергей не знал, что сказать, и поэтому прохрипел то, что казалось единственно значимым, что надо было решить в первую очередь:

— Ирма… Я… Мне надо… Прости меня, я не имел права сбегать тогда и…

Но Ирма не дала ему договорить. Она засмея-

лась и поволокла его за руку в комнату — так, будто его приход не был неожиданностью.

А в комнате тысячами огней сияла ёлка, держащая на своей макушке небеса, и бравые офицеры вместе со смущенными красотками, бурыми медведями и серыми зайцами вели свой неспешный танец. И пахло хвоей и апельсинами, и от печки растекалось по всей комнате тепло…

Ирма скинула с плеч пуховый платок и как-то очень по-детски жалостливо сказала:

— Я скучала по тебе…

И, чтобы все стало просто и понятно, добавила:

— Мы с ним расстались… Тогда еще… И… Я не ждала тебя. Но я скучала.

Сергей притянул Ирму к себе, вдохнул ее запах и забормотал ей что-то очень значительное и ласковое. Он трогал ее пальцы, скользил рукой по ее шее, запутавшись в вороте ее свитера. Ирма не помогала ему, а запутывала еще сильнее, и он никак не мог наконец поцеловать ее, а когда наконец это случилось, все вокруг перестало существовать и иметь хоть какой-то смысл…

…Накинув на себя то, что попалось под руку, все еще разгоряченные и разомлевшие, они выскочили на крыльцо, и дивно заснеженная улица ослепила их, а снегопад, долгожданный и еще

пока совсем юный, продолжал наводить порядок в уставшем от слякотной безнадежности мире. — И пошел настоящий снег… — еле слышно прошептал Сергей. — А почему ты вдруг решил ко мне приехать? — тихо спросила Ирма и зарылась носом в его свитер.

Сергей прикрыл ее полами куртки и обнял покрепче. А ведь верно — об этом-то он и не сказал. Не успел. И от этого «не успел» ему снова стало жарко и томительно.

— Ко мне приходила твоя мама.

— В каком смысле? — испуганно отпрянула Ирма.

— Ну, понимаешь, не так давно ко мне на консультацию приходила твоя мама. Я ведь психолог теперь. Да, ты этого еще не знаешь… Я тебе все позже расскажу, — улыбнулся от предвкушения долгих рассказов и расспросов Сергей.

Ирма посмотрела на него и тоже улыбнулась, но скорее виновато, и снова нырнула носом в его свитер и оттуда приглушенно сообщила:

— Сереж, ты, должно быть, что-то путаешь… моя мама умерла два года назад.

* * *

— Я хочу убить своего сына…

Клиентка, сидящая напротив Марьяны, закручивала в жгут ярко-синий шелковый носовой платок и то и дело дотрагивалась им до уголков своего пламенно-красного рта…

Ева Север
Сказка о шамане

Жила когда-то девочка. Хорошая была девочка: сердце большое и глупое, скулы точеные, живучесть почти что звериная. Упорства в ней хватило бы на целую упряжку лаек, что несутся, повизгивая, сквозь вьюжную ночь, все вперед и вперед, к невидимому во тьме родному иглу.

Правда, и мозгов у нее было не больше чем у самого лобастого хаски: так, обойти полынью или там волка учуять издали. А вот сообразить, что рвет жилы и тянет лямку за одинокую мерзлую рыбешку на ужин да пинок под ребра — это оставалось за гранью кругозора.

А больше всего на свете девочка боялась умереть, так и не полюбив по-настоящему никого, кроме Ницше.

И занесло ее однажды в забытый всеми богами городишко, затерянный в вечной мерзлоте Заполярья. А может, в степях Башкирии. Или еще где- то чертовски далеко — так далеко, что не идет ни один прямой поезд.

А ведь уже надвигалась зима, и скоро все дороги занесет напрочь, и птицы начнут падать на лету. В канун Самайна, ночь, когда черти пьют со святыми на брудершафт, девочка пришла на вписку. Это была тесная квартира-гнездо, прилепившаяся под самой крышей продуваемой всеми ветрами пятиэтажки.

В этом доме всегда кто-то не спал. Люди приходили и уходили, на кухне варили кофе, неумело терзали треснувшую гитару, бесконечно курили под задраенной по такой погоде форточкой.

Девочка и сама толком не знала, что она забыла в этой квартире, провонявшей шмалью и не сбывшимися мечтами. Наверное, ее вела судьба.

Судьба усадила ее за один заплеванный стол с местным шаманом. Шаман этот испокон веку сидел в углу кухни, на почетном месте у самой батареи. Он был так стар, что помнил, как на этой

вписке останавливался сам Атилла.

И был шаман лицом помят, зато взглядом светел. Его глаза с хитрой звериной золотинкой были воспалены от ганджи и словно нашептывали: «Подойди ближе, маленький братец».

Шаман увидел девочку и засмеялся.

— Пришла!

— Ага!

— Ну, давай чай пить.

И стали они пить сладкий чай. Кухня незаметно опустела, а за окном сгущалась ночь, и ветер вовсю дребезжал стеклами. На столе горела лампа под рыжим абажуром — она обрисовывала последний круг света и тепла во всей Ойкумене. Вот перегорит однажды лампочка — тогда-то и Вселенной конец.

— А хочешь, — шаман сощурился поверх щербатой кружки, — я тебе погадаю?

— Давай! — обрадовалась девочка.

Шаман притушил Беломор и отложил на блюдечко с карамельками — до востребования. Улыбнулся девочке, показал пеньки зубов, древние, как сам Уральский хребет:

— Ну, протягивай руки, смотреть будем.

Девочка закатала на всякий случай рукава повыше да протянула ладошки. Хорошие ладошки,

гладкие, как морская галька. А запястья тонкие, почти прозрачные. На левом — шрам-полумесяц: то ли соседская такса покусала в детстве, то ли след от сведенной татуировки. На правом — фенька, подарок суженого, что сгинул лет десять тому назад. Сбежал за танцовщицей, статной и нервной, как породистая лошадь. Одна вот фенька только и осталась.

— Та-а-ак, — протянул шаман, — интересная у тебя судьба, красавица. Прошла ты огонь, воду и кризис самоопределения. Не сломали тебя ни предательство людское, ни семь кругов ада биполярного расстройства. А ведет тебя цель великая, за которую ты жизнь положить готова.

Закивала девочка: все так, все верно.

— Нечасто я таких нынче встречаю, нечасто, — шаман вздохнул. — Все тебе по плечу, со всем ты справишься.

Девочка сидит, ни жива ни мертва от волнения. Шаман ей в глаза заглянул — всю душу насквозь просветил глазами золотыми. Кивнул мрачно:

— Ну, вот что. Загадывай желание. Что ни попросишь — все твоим будет.

Помялась девочка, улыбнулась застенчиво.

— Хочу жизнь свою прожить не зря. Мир изменить и край земли повидать. Мне бы голосом

поколения стать и жечь глаголом сердца людей. Хочу много есть и не толстеть. А главное — суженого вернуть, чтобы в ноги пал, молил о прощении и руки целовал.

Вздохнул шаман, ничего не сказал.

— А еще, — расхрабрилась девочка, — щенка хаски хочу, голубоглазого… Если можно.

— Можно-то все можно… — шаман задумался, щетину недельную на подбородке поскреб.

Девочка затаилась, продолжения ждет. Тихо на кухне, только потрескивает лампочка на столе да часы в прихожей тикают. Шаман как будто заснул: глаза свои звериные присмирил, головой покачивает из стороны в сторону.

А потом вдруг как гаркнет:

— А платить чем будешь?!

Встрепенулась девочка, почуяла, что судьба ее решается.

— Всем заплачу! — отрубила и тут же поправилась: — Кроме здоровья мамы.

Подумала и чувствует — мало этого. Прибавила торопливо:

— Пусть я умру непризнанным гением в нищете. Пусть любимый мой подлецом окажется и мне изменяет. Пусть даже край земли будет совсем плоским. Лишь бы все остальное сбылось!

Пожалуйста…

И тут же прогремел гром за окном, даром что ноябрь. И в трубах за стеной зажурчало — знать, соседи воду на толчке спустили.

Разозлился шаман, потемнел лицом:

— Дура ты, дура!

Да делать нечего: плюнул на ладонь, стукнул кулаком по столу и протянул руку девочке — пожалуйте, закрепим договор.

Девочка с содроганием сердца пожала руку шаману, и стало ей зябко и жутко. Вспомнила, что про душу бессмертную ни словом не обмолвилась, когда цену выговаривала. Но сделанного уже не воротишь.

— Ну, я пойду?

— Иди, — кивнул старик и снова раскурил Беломор.

Она уже в дверях была, когда шаман окликнул:

— Эй! А платить-то вперед надо было.

Девочка так и обмерла, за сердце схватилась:

— Как это — вперед? Прямо сейчас? Да чем хоть?! А шаман на нее снова смотрит, как на дуру. Молчит, скорбно головой качает. Девочка уже к худшему приготовилась, затрепетала, как лань на расстреле.

Вздохнул шаман.

— Ты, — говорит, — фильм «Pay it forward» не смотрела? Захлопала глазами девочка.

— Надо было говорить, что добром заплатишь, добром… Причем вперед, другим людям, — шаман глубоко затянулся и выпустил клуб сизого дыма. — Поняла теперь? Кивнула девочка, носом хлюпнула.

И тихонько вышла наружу, во внешнюю тьму и скрежет зубовный зимней среднерусской ночи.

Давно это было. Сошли с тех пор ледники и поднялись горы, исчезли на картах белые пятна и зародились новые государства. Стала девочка голосом своего поколения или нет, вернула ли суженого — про то уже все за давностью лет забыли. А шаман тот все сидит на кухне, у батареи греется. Пьет сладкий чай, Беломор покуривает. Ждет, кому еще погадать можно.

Вы, если его когда-нибудь встретите, всегда платите вперед.

И можете не благодарить.

Андрей Гуртовенко

Море

Отдельное спасибо стрелявшим в меня полицейским. Если бы не они, я бы так и витал в облаках. Так бы и воображал про себя бог знает что. И пусть у меня теперь два пулевых ранения в груди. Зато никаких иллюзий.

Когда это началось? Впрочем, к чему хитрить, — я прекрасно знаю, когда это началось. Когда я скопил немного денег, уволился с работы и засел за роман. Вот тогда все и началось. В тот самый момент.

А как еще доказать миру, что ты существуешь?

Мне скоро тридцатник, куда было дальше откладывать? И мне казалось, что это самый короткий и правильный путь. Несмотря ни на что. Несмотря даже на Лену.

Сначала перестал звонить телефон. Я с удивлением обнаружил, что у меня было несколько близких друзей. Это те, кто махнул на меня рукой самыми последними. Впрочем, я совсем не расстроился, ведь у меня была Лена.

Родители, правда, никуда не исчезли. Хотя, если честно, я бы не стал возражать. Сейчас мне было совсем не до их постоянных упреков в недостатке амбиций. Поэтому пришлось выдумывать командировку в несуществующий город. Многомесячную и многообещающую, словно засуха накануне сезона дождей. Нет, я, конечно, хотел, чтобы они все узнали. Но не сейчас. И не от меня. Из выпуска новостей, например. Из репортажа с церемонии награждения «Русского Букера».

Потом наступил черед незнакомцев, и временами это было даже забавно. Пешеходы на тротуарах шли прямиком на меня, продавцы игнорировали меня в очередях, водители маршруток в упор не видели мою вскинутую руку. Чуть позже подтянулись неодушевленные предметы. На мне перестали срабатывать датчики

движения. Я не мог больше помыть руки в общественном туалете, не мог в одиночку пройти через автоматические двери торгового центра. Даже смартфон отказался распознавать мое лицо, так что приходилось пользоваться допотопным паролем.

А затем позвонила Лена. В неурочный час, утром, я как раз сидел над романом. У нас с ней была договоренность — не тревожить меня в это время. Но она все равно позвонила. Я подумал — вдруг что-то случилось? И взял трубку.

«Нам нужно поговорить», — сказала Лена, и долгое эхо ее голоса обреченно запульсировало у меня в голове.

Мы договорились встретиться в кафе, недалеко от моего дома. Я пришел первым, занял столик у окна, заказал американо. Черный. С сахаром, но без молока. Неподвижно сидел и разглядывал за стеклом вереницу осенних прохожих. Очень хотел обмануться. И не мог. Как это все-таки буднично и банально — нам нужно поговорить… Она опоздала. Но все равно умудрилась появиться внезапно. Как всегда. Внимательно оглядела помещение, прошла мимо меня, не заметив. Раз, затем другой. У меня внутри все опустилось — раньше такого никогда не случалось. Наконец я

не выдержал и подал голос. Лена обернулась — «а, вот ты где», села напротив, повесила сумочку на спинку стула, положила телефон на стол. Сказала: «Я ненадолго». И только потом: «Привет». Что будет дальше, я уже знал. Спасибо зеркальным нейронам и последним достижениям когнитивной науки.

Она уходит. Она долго думала и наконец решилась. И дело, конечно же, не во мне. Дело — в ней. Как в плохом кино, честное слово. Кто, интересно, пишет сценарии жизни? Вот бы отыскать его и набить ему… В смысле — избавить от штампов.

— Понятно. Я его знаю?

Лена вспыхнула:

— Дурак ты, Сергеев. Нет, правда. Ты что же думаешь, в этом все дело?

— Значит, не в этом? А в чем тогда?

Лена отвела взгляд, замолчала. Неужели она всерьез рассчитывала отделаться от меня вот этим: банальными, стершимися от бесконечного употребления фразами?

— Лен, скажи, тебе чего-то не хватает, да? Не знаю там — денег, любви, секса…

— Тебя, — Лена не дала мне договорить, — мне не хватает тебя, Сергеев. Понимаешь? С этим своим романом ты стал совершенно не от мира

сего. И… и…

Лена опять замолчала. Красивая и неприступная. И какая-то совсем уже чужая.

— Что — «и»? Договаривай, раз начала.

— Невидимкой, — сказала Лена, и я вздрогнул, — я не хочу больше быть для тебя невидимкой. Я когда шла сюда, решила — заметишь, что у меня новая стрижка, значит, не все еще потеряно.

— Я заметил.

— Что ты заметил, Артем?

— Стрижку твою. Новую. Мне нравится.

— Вот про это я и говорю, Сергеев: я не стриглась. Лена усмехнулась, наблюдая за моей реакцией. Но почти сразу опять стала серьезной, посмотрела на меня в упор.

— И да, если хочешь знать, деньги тоже не помешали бы. Этим летом мы так и не выбрались на море. И прошлым тоже.

Я попытался взять ее за руку. Но то ли мои пальцы беспрепятственно прошли сквозь ее ладонь, то ли Лена тотчас убрала руку.

— Послушай, мне осталось каких-то полгода. И все будет. И слава. И деньги. И море твое, какое захочешь, — Мальта, Испания, Кипр…

— Ты все это уже говорил, Артем. И не раз.

Прости.

Мой мир поднялся из-за стола, взял сумочку и телефон. И вышел из кафе, грациозно покачивая бедрами.

Вот я и растворился весь без остатка, точно сахар в горчащем пережаренном кофе. Истончился. Растаял. Исчез.

Только если я и вправду не от мира сего, что же тогда я могу доказать этому миру?

Я расплатился, вышел из кафе, остановился у пешеходного перехода. Дождался, когда кто-нибудь из прохожих окажется рядом, — с недавних пор это единственный способ перейти через дорогу, меня самого водители не замечают.

Ну и пусть себе катится ко всем чертям. На море. К хахалю с нормальной работой. Пусть проживет свою серую, благополучную жизнь. С ипотекой, двумя детьми, с располневшим опостылевшим мужем…

На остановке я сел в троллейбус, устроился у окна. Кондуктор посмотрел на меня и равнодушно отвернулся. При желании во всем можно найти свои плюсы — я давно уже езжу бесплатно на транспорте. Хожу без билета на выставки. И в кино.

Только неужели я и вправду ее отпущу? Вот так

вот возьму и позволю уйти? Но что же мне теперь остается? Я же чувствовал, знал, к чему все идет. Просто… Как она могла вообще? Попрекать меня деньгами? И морем этим своим несчастным? Мне казалось, что кто-кто, а Лена совсем не такая…

Троллейбус остановился, открылись двери. Я посмотрел за окно и вдруг сорвался с места, выбежал из салона. Деньги, говоришь? Море? Ну хорошо, будет тебе море. Я толкнул дверь и вошел в здание банка. Не от мира сего, значит? Ну-ну.

Стоявшая на входе сотрудница, в белой блузке и с зеленым шейным платком, повернулась в сторону открывшейся двери, посмотрела мимо меня. А затем и вовсе ушла — помогать одному из клиентов с оплатой через терминал. Я же прошел в самый дальний угол операционного зала и принялся ждать. Мне понадобилось всего десять минут, чтобы, пристроившись за спиной одного из клерков, незаметно проникнуть во внутреннее помещение банка. Здесь кипела своя жизнь, и никто из находящихся тут людей не обратил на меня никакого внимания. Из разговоров вокруг я понял, что идет подготовка к инкассации. И очень скоро из хранилища вынесли несколько толстых денежных брикетов, упакованных в полиэтилен.

Я не собирался наглеть — одного такого свертка мне было достаточно. Более чем. И Лене нос утереть с ее морем. И себе еще что-то оставить. Я спокойно подошел к столу, на котором лежали деньги. На всякий случай остановился, взглянул на охранника, — тот смотрел сквозь меня и никак не реагировал. И на глазах у сотрудницы — той самой, что я встретил на входе, — взял в руки пачку денег…

В тот же миг раздался истошный женский вопль, началась кутерьма, люди обалдело пялились на меня, кто-то попытался ухватить меня за рукав, сработала сигнализация.

Что случилось потом, помню урывками. Помню, как на автомате сунул деньги в карман куртки. Как долго метался по каким-то коридорам в поисках выхода. И как, наконец выбежав из банка на улицу, наткнулся на подъехавшую патрульную машину. Помню окрик, два негромких хлопка, и как в груди стало горячо и тесно. Голова закружилась, небо стало большим и бездонным. Далекое теплое море плеснулось в глазах, и мир раскололся пополам, капитулировал, признал очевидное: я все-таки есть.

Я — существую.

Хрономераза

3 мая 2110 года

Меня зовут Константин Грановский. Мне 31/76 лет. Я служащий третьей категории.

Мой психотерапевт рекомендует именно так начинать каждую запись. Но я часто ленюсь это делать. Да и зачем мне ежедневно записывать свой возраст и фамилию с именем? У меня ведь не склероз — откуда ему взяться в тридцатилетнем головном мозге? Я всего лишь не могу позволить себе ходить к психотерапевту чаще двух раз в

неделю. Как, впрочем, и подавляющее большинство людей. А потому вынужден использовать самоуничтожающийся дневник для ежедневного промывания памяти. Записал, сохранил и забыл навсегда — через полчаса запись будет автоматически удалена, и я никогда не смогу ее перечитать.

Какая все-таки ирония — мы живем теперь чуть ли не бесконечно, а эта дневниковая запись сама собой уничтожится через тридцать минут с момента последнего сохранения на сервере.

Сохраняю.

Хотя нет, стоп, самое главное забыл: у нас в отделе новая сотрудница — Ольга Хомич. На вид — лет двадцать пять. Интересная.

Ну вот теперь точно сохраняю.

17 мая 2110 года

Меня зовут Константин Грановский. Мне 31/76 лет.

Сегодня в обеденный перерыв удалось наконец пересечься с новой сотрудницей — выпить кофе и поболтать. Минц в последние два дня совсем слетел с катушек, финансовый отчет за прошлый месяц пришлось переделывать целых шесть раз. Беспрецедентно. Иногда я смотрю на морщини-

стую физиономию начальника, на его мясистый, в крупных порах нос и волосатые стариковские уши и на секунду забываю, что он тоже несмертный. Наивно надеюсь, что его хватит удар. Прямо сейчас, в этот самый момент — в момент очередного разноса своего первого заместителя. Меня то есть. Но потом наваждение исчезает, и мне становится неловко. Почти стыдно. Ведь ему 56/101 год. Страшно даже представить, каково это — просыпаться и смотреть на себя 56-летнего в зеркало. Десятилетиями. Нет, правда — десятилетиями!

А Ольга… Я оказался прав, она начала принимать хрономеразу в 25 лет. Ее перевели к нам из одного из филиалов Корпорации. У нее вторая категория и завораживающие глаза цвета бутылочного стекла, опущенного в лазоревое южное море. И улыбка, от которой не оторваться.

Обеденный перерыв закончился, Ольга поблагодарила за кофе и вернулась к работе, а я так и провел остаток дня в каком-то расслабленно-отстраненном состоянии. И даже новая выволочка Минца не смогла привести меня в чувство.

Сохраняю.

20 мая 2110 года

Сегодня вечером позвонила Лера, и мы поругались. Лера сказала, что хочет в клуб. Ну хочет и хочет, я-то здесь при чем? Я сказал, что у меня нет настроения. Даже не знаю, чего она вдруг завелась. Мало, что ли, парней вокруг? У нас открытые отношения, мы с самого начала об этом условились, да у меня по-другому и не бывает — либо открытые, либо никаких.

Перед сном я немного попрограммировал, вот уже месяц я разрабатывал новый компьютерный вирус. Недавно вышла новая операционка, и я, как и тысячи добровольцев, пытался пробить брешь в ее защите. За что компанией-разработчиком было обещано вознаграждение. Не бог весть какое, но на десяток сеансов психотерапевта хватит. С прошлой версией операционной системы мне, кстати, удалось сорвать банк.

Вообще, программированием я увлекся уже после того, как стал несмертным. Одно время я даже подумывал сменить работу. Однако карьерную лестницу в софтверных компаниях никто не отменял. И устроиться программистом можно было только на первую категорию. Поэтому, поразмыслив, я остался в Корпорации.

Сохраняю.

21 мая 2110 года

Меня зовут Константин Грановский. Мне 31/76 лет.

Не понимаю, зачем писать, что мне далеко за 70, если я выгляжу на 31. И не выгляжу, нет, мне и есть 31. Хрономеразу вывели на рынок вовремя, ничего не скажешь. Страшно представить, что было бы, если бы хрономеры открыли лет на двадцать позже. Был бы сейчас таким же, как Минц. Если бы вообще был.

Сегодня утром по дороге на работу позвонила Лера. Долго извинялась. Не люблю виноватых. Не люблю, когда я должен принимать извинения. Вообще не люблю, когда я что-то кому-нибудь должен.

Увидимся ли мы сегодня? Я прислушался к себе — а почему бы, собственно, нет?

На обеденном перерыве я опять встретил Ольгу Хомич, ее вовсю обхаживал мой начальник. Но не это привлекло мое внимание. Во время разговора с Минцем Ольга откинула назад свои длинные каштановые волосы, и я увидел, как на секунду оголилось ее левое ухо: метки на мочке не было. На ее ухе отсутствовала темно-синяя татуировка,

которую носило большинство женщин, — Ольга не была стерилизована. При этом она ни словом не обмолвилась о муже. А вот это уже необычно. Очень необычно. Особенно в обществе, где чайлд-фри — официальная политика государства. Все-таки нестерилизованные женщины, как правило, состоят в браках — только в этом случае они могут участвовать в лотерее Д.

После работы я заехал в бар, сыграл пару партий в алко-сквош. Вернее, проиграл. А в девять вечера ко мне присоединилась Лера, и мы умудрились с двух бутылок рома допиться до того, что я впервые почувствовал свою новую, всего лишь год назад пересаженную мне печень.

Сохраняю.

25 мая 2110 года

Меня зовут Константин Грановский, и я никак не могу перестать думать об Ольге. О том, почему она не стерилизована. И почему у нее нет мужа (я навел справки по своим каналам у эйчаров — действительно нет). Была в этом какая-то тайна. Какой смысл оставлять себе способность к деторождению, если не можешь участвовать в лотерее Д? Купить лицензию на ребенка Ольга тоже не могла, служащим второй категории

это не по карману. Стерилизация же, напротив, давала кучу налоговых льгот и преференций. Непонятно.

Лера закатила скандал. Опять. На пустом месте. Какая-то стерва получается, а не «стера». Пора, наверное, уже подумать о ее замене. Хотя в постели она безупречна. Как и большинство «стер» — гордо вышагивающих по жизни стерилизованных девиц с татуировкой на мочке левого уха. А почему бы им, собственно, не вышагивать? Когда ввели обязательную вакцинацию, они были еще детьми, хрономеразу начали получать после совершеннолетия, в 21 год. Все откормленные, подкачанные, холеные, с безупречными телами, которые никогда не обезобразят ни роды, ни старость. «Стеры» — символ нашего времени, времени несмертных. Даже не верится, что еще каких-то пятьдесят лет назад основой общества была моногамия и семейные ценности. В такие моменты я чувствую себя очень старым — именно потому, что помню это. Помню другие времена. Впрочем, в этом я не одинок, — наши тела теперь не стареют, но память с возрастом все больше и больше забивается мусором, и никто пока не придумал, что с этим делать. Кроме как ходить два раза в неделю к психотерапевту. Ну и вести

вот этот вот самоуничтожающийся дневник.

Сохраняю.

27 мая 2110 года

Минц, похоже, всерьез взялся за Ольгу. Говорят, они уже пару раз ужинали после работы. Ольга, впрочем, никак не демонстрирует своего расположения к Минцу. И мне бы очень хотелось, чтобы наш старикан обломал об нее свои керамо-композитные зубы. Даже не знаю, почему он так меня раздражает. Словно у меня самого виды на Ольгу. Словно… Нет, конечно же нет, какие у меня могут быть на нее виды? Я даже не уверен, что хочу ее. Вернее, уверен: секс здесь ни при чем. Для секса у меня есть Лера. А Ольга — не знаю даже, как объяснить. Ею почему-то хочется любоваться, просто стоять поблизости и смотреть. И эта ее чистая мочка уха. Отчего-то это тоже волнует. Завораживает. Наверное, пора рассказать об Ольге психотерапевту. Как раз послезавтра у меня сеанс.

Сохраняю.

29 мая 2110 года

Меня зовут Константин Грановский. Мне 31/

76 лет.

Сегодня я был у психотерапевта. Но решил не говорить ему про Ольгу. Вместо этого рассказал, что у меня случилась проблема с эрекцией. Лера так растерялась, что совсем не знала, как ей реагировать.

Услышав это, доктор оживился. Завалил меня вопросами. Что я почувствовал в тот момент? В первый ли раз у меня такое? В чем, как мне кажется, причина? Что сказала об этом Лера? И что, как я думаю, она подумала? А я вдруг понял, что мне совершенно плевать на то, что сказала или подумала Лера. Разве в том, что я не хочу ее больше, только моя вина? Мне пора, наверное, завести себе новую «стеру». С этой я уже второй год — немудрено, что она так меня бесит. А я ее.

Сохраняю.

1 июня 2110 года

Сегодня первое число, поэтому утром по дороге на работу я заехал в центр вакцинации.

Забавно, что накануне ночью мне приснился Алексей Оловников (что, интересно, скажет на это мой психотерапевт?). Серьезное лунообразное лицо, седые волосы и борода, глубокие носогубные складки. Старомодная рубашка и пуловер

без рукавов. Словом, одно из тех хрестоматийных изображений, которые теперь у нас повсюду. Человек, первым предсказавший существование хрономер, неподвижно стоял посреди спальни и молча смотрел на меня, легонько подрагивая и мерцая, словно неуверенная, наведенная моим воображением голограмма.

Я почему-то до последнего надеялся, что нежданный ночной гость хоть что-нибудь скажет, но он так и остался совершенно безмолвным, а под утро постепенно истаял, растворился в предрассветном расслабленном воздухе, как и положено перезревшему сновидению. А я в результате проспал и приехал в центр вакцинации позже, чем обычно. И битых полчаса просидел в зале ожидания, рассматривая на информационном стенде портрет все того же Алексея Оловникова. Читая про то, как в начале XXI века он предсказал существование особых молекул ДНК — хрономер, выполняющих роль биологических часов человека. С возрастом хрономеры укорачиваются, что и является причиной старения. Долгое время теорию Алексея Оловникова не воспринимали всерьез, но в 2058 году американцы действительно обнаружили хрономеры в клетках головного мозга. Практически одно-

временно с этим была открыта хрономераза — фермент, который предотвращал изменение длины хрономеров. И жизнь человечества изменилась до неузнаваемости — люди перестали стареть, хрономераза заморозила биологический возраст. В 2065 году была введена обязательная вакцинация хрономеразой для всех людей старше двадцати одного года. Это и считается точкой отсчета для современного общества несмертных. Именно несмертных — люди больше не стареют, но все еще могут умереть. Например, из-за необратимого повреждения мозга. Одновременно, в том же 2065 году были приняты первые законы, регулирующие рождаемость…

В этот момент подошла моя очередь на вакцинацию, я оторвался от чтения и оправился в процедурный кабинет.

3 июня 2110 года

Сегодня моего начальника вызвали в центральную штаб-квартиру Корпорации. И я тотчас же этим воспользовался — пригласил Ольгу Хомич на ужин. Мне совершенно не нравилось, что в последнее время я постоянно думал об Ольге. Поэтому я решил познакомиться с ней поближе. Ведь любая тайна — не больше чем недостаток

информации. А значит, мне нужна информация об Ольге Хомич. Как только я ее получу, наваждение пропадет, и меня сразу отпустит.

Впрочем, про все это я позабыл ровно в тот момент, когда Ольга появилась в ресторане, в черном облегающем платье и туфлях на высоком каблуке. Улыбнулась, помахала мне рукой. И я неожиданно понял, что все, чего я хочу, это сидеть напротив Ольги и, не отрываясь, смотреть в ее глаза цвета бутылочного стекла. И еще я чуть ли не физически ощутил, насколько, наверное, близость с женщиной, отказавшейся от стерилизации, должна отличаться от того, что называется словом «секс»…

А потом в ресторане появилась Лера и разрушила идиллию — не знаю даже, откуда она узнала. А если и узнала, то что здесь такого? У нас с ней открытые отношения, какого вообще черта?

Но Лера сходу закатила скандал. Чуть ли не вцепилась в волосы Ольге, так что той пришлось почти сразу уйти. А Лера все никак не могла успокоиться. Кричала, что я импотент и извращенец. Возмущалась тем, что я променял ее на какую-то овуляшку нестерилизованную. А главное, зачем? Ведь мне все равно не купить ей лицензию на ребенка. Или я в Гетто хочу загреметь?

В общем, мы с Лерой расстались. Я отправил ей уведомление о прекращении отношений и заблокировал все ее контакты. И в тот же вечер переслал курьерской службой ее вещи.

К черту, давно пора, сохраняю.

4 июня 2110 года

Все-таки удивительно, как быстро выветрилась из меня Лера. Словно и не было ее никогда. Какая она была по счету, интересно? Одно время я вел записи о своих «стерах», но психотерапевт сказал, что это плохая идея. Сказал, что наша общая с ним задача — избавиться от загромождений памяти, а не фиксировать их. Если уж так хочется записать — используй самоуничтожающийся дневник, он ведь для этого и был создан.

На следующий день после злополучной сцены в ресторане я написал Ольге. Извинился за Леру, сказал, что я с ней расстался. Ольга ответила, что все нормально. Но на новость о моем расставании с Лерой никак не отреагировала. Неужели все-таки обиделась?

Сохраняю.

6 июня 2110 года

На работе скучно и пусто. Минц неожиданно вошел в фазу дружелюбия. И от этого было особенно не по себе — обычно такие периоды заканчивались у него приступами самодурства.

Ольги нигде не было видно. Поначалу я говорил себе, что мне нет до этого никакого дела. Но под конец дня начал всерьез беспокоиться. И даже отправил ей сообщение. Ничего особенного — как дела и т. д. А потом долго ходил и ел себя за это. Ну разве это нормально — два дня ее не видел и уже сам не свой?

Вечером мой компьютерный вирус пробил брешь в защите новейшей операционной системы. Я оказался в первой десятке тех, кто сумел это сделать. И уже через час на мой банковский счет прилетело положенное вознаграждение. Правда, никакой радости мне это не принесло: Ольга мне так и не ответила.

Такие записи, как сегодня, нужно сохранять в самом начале. Чтобы они исчезали прямо во время написания…

7 июня 2110 года

Ну наконец-то! Сегодня Ольга появилась в офисе. Оказывается, была в командировке. Вот ведь Минц сволочь, я же спрашивал у него. И не раз. Но он только плечами пожимал и ухмылялся. Сволочь.

Ольга за эти дни как-то неуловимо изменилась, ее лицо словно бы намагнитилось, и теперь от него совершенно было не отвести глаз.

Ольга спросила, почему я так на нее смотрю.

«Я соскучился», — неожиданно бухнул я и покраснел.

И пригласил ее поужинать. Все-таки мы не закончили тот наш вечер в ресторане.

Но Ольга отказалась. Сказала, что опасается встречаться со мной в общественных местах, слишком уж много у меня поклонниц. И вдоволь налюбовавшись, как я тщетно пытаюсь что-нибудь сказать в ответ, добавила: «хочешь, приезжай ко мне домой. Только не сегодня — на выходных, хорошо?»

Можно я не буду сохранять эту запись? Я знаю, что она все равно уничтожится. Но пусть поживет хотя бы немного подольше.

8 июня 2110 года

Мой психотерапевт думает, что я от него что-то скрываю. Что-то очень важное. Он сказал, что это видно по скорости моей реакции. Спросил, как мои дела с Лерой. Я сказал — прекрасно. С тех пор как мы расстались, у меня с Лерой больше никаких проблем. Вообще. Доктор помолчал, посмотрел в свои записи и спросил, не хочу ли я что-нибудь ему рассказать.

Не хочу я ничего ему рассказывать.

Я хочу, чтобы как можно скорее наступило завтра — вот чего я действительно хочу.

Ночью мне приснилась Ольга. Она стояла посреди комнаты с мягко светящимися стенами, в легком платье, надетом на голое тело. И там, под этим платьем…

Начало, первая глава. Предтеча новой жизни. Что-то такое, чего в мире не было бы, если бы не я. И не она, Ольга. Уже завтра. Завтра.

Не сохраняю.

9 июня 2110 года

Все получилось совсем не так, как я себе представлял. Мы сидели в гостиной за столом, пили

ром, ели приготовленное Ольгой ризотто с грибами, и я ощущал, как по всему моему телу расползается странное оцепенение. От сидевшей напротив меня девушки исходило сексуальное напряжение такой силы, что временами у меня кружилась голова и закладывало уши.

Но ром сделал свое дело. Ольга раскраснелась, а я наконец осмелел настолько, что на обратном пути из ванной комнаты подошел к ней, наклонился и поцеловал. Она ответила на поцелуй — сразу, с глубоким вздохом, словно только этого и ждала. И я уже заскользил в свою темную и душную пропасть, как вдруг почувствовал, что Ольга остановила мою руку у себя на бедре. И прошептала тихо, в самое ухо: я не могу.

Прости, я не могу.

10 июня 2110 года

Мы проговорили с Ольгой всю ночь. Секса не было. Хоть мы и прерывались много раз на поцелуи. До головокружения, до остановки сознания. До кислородного голодания. Но секса не было. Она не могла.

Она страстно хотела детей. Всегда, сколько себя помнила. Не смогла обзавестись малышом раньше, до хрономеразы. Не сложилось, о чем ужасно

жалела. Став несмертной, не превратилась в «стеру». Вместо этого вышла замуж и прожила в браке 30 лет. И все эти годы они с мужем участвовали в лотерее Д. Безуспешно. За это время сделала несколько абортов. Когда лежала в больнице в последний раз, врач предупредил ее — еще один аборт, и она станет бесплодной. Она выписалась и сразу же ушла от мужа. И поклялась себе — никакого секса, пока не появится возможность завести ребенка.

Наконец-то я рассмотрел в глазах Ольги то, что скрывалось за влажным от морской пены бутылочным стеклом: боль и тоску. И еще усталость, оседающее пылью за грудиной время, ту самую внутреннюю тяжесть, которая приходит с возрастом и которой безразлично, сколько лет твоему телу.

Сохраняю.

12 июня 2110 года

Сегодня меня никак не зовут. Сколько бы ни пытался подозвать меня к себе Минц, я не реагировал. Никак. И в конце концов начальник предложил мне отправиться домой — отказ повиноваться он принял за переутомление. Я не возражал, у меня действительно была причина

убраться из офиса хотя бы на время: Ольга. Сегодня утром она сама ко мне подошла. Сказала, что нам нужно поговорить.

Та ночь была ошибкой, сказала Ольга. Она не должна была, это ее вина. Это все потому, что я очень славный, вот она и не сдержалась. За что просит у меня прощения. Но никакого продолжения не будет, у нас с ней нет будущего. Она не может больше испытывать удачу в лотерее Д, она мне говорила. Ну а лицензию на ребенка я ей купить не в состоянии.

И что же теперь, она ляжет под кого-нибудь, вроде Минца? Так, что ли? У него-то четвертая категория, ему лицензия по карману.

Сохраняю, сохраняю, сохраняю.

13 июня 2110 года

Пятьдесят лет. Оказывается, я уже пятьдесят лет сижу под Минцем. Уже целых пятьдесят лет я его заместитель. Последние двадцать лет — первый заместитель. Какая головокружительная карьера! Как много мне удалось сделать за эти полвека!

Хрономераза заморозила общество. Заморозила табели о рангах, социальные лифты, структуру Корпорации. Никто из начальства больше не

уходит на пенсию, никто не страдает старческим слабоумием и не умирает от рака. Ничего удивительного, если думать об этом отвлеченно. Но ведь это чудовищно — полвека каждый рабочий день видеть перед собой морщинистую морду Петра Анатольевича Минца. Выслушивать его наставления. Проглатывать оскорбления и шуточки.

Как такое могло получиться? В какой момент все пошло не так? И почему раньше я никогда об этом не задумывался? Не замечал этого? Может, в этом и состоит работа психотерапевта — превратить вечную жизнь в летаргический сон. И все было так хорошо и правильно, но тут я взял и неожиданно проснулся. Осмотрелся вокруг. И увидел — я все так же служащий третьей категории.

Может, меня самого тоже пора уже сохранить? Как вот эту вот запись в самоуничтожающемся дневнике?

14 июня 2110 года

Меня зовут Константин Грановский. Мне семьдесят шесть полных лет. Это если считать с момента рождения. Забавная привычка, оставшаяся нам от простых смертных.

Но сегодня я вспомнил, сколько мне лет. Сегодня мне впервые за долгое время приснилась мама. Она стояла на балконе нашей старой квартиры, в светлом платье из льна, и солнце, не торопясь, перебирало длинные пряди волос на ее голове. Именно такой я и запомнил ее в тот июльский день. Через несколько мгновений она обернется, увидит меня, наклонится, чтобы поцеловать в лоб своего девятилетнего сына. И почти сразу после этого скажет нам с отцом «пока», выпорхнет из квартиры, звякнув ключами от «Вольво», отправится в торговый центр на распродажу. А я проснусь, заплаканный и обессиленный, снова и снова прокручивающий в голове тот день: ее отъезд, звонок из больницы, помертвевшее лицо отца, и свой крик — отчаянный, надтреснутый, неживой.

Столкновение ее автомобиля с грузовиком было настолько сильным, что маму хоронили в закрытом гробу. Спустя много лет, уже после того как отец добровольно отправился в Гетто, в квартире родителей я наткнулся на медицинское заключение о смерти мамы — ее травмы действительно были тяжелыми, но мозг почти не пострадал, а значит, сейчас бы ее могли спасти.

Могли спасти.

Ее могли спасти. Каждый раз, когда я думаю об этом, кровь начинает пульсировать в ушах и глаза щиплет от дымящейся нутряной кислоты.

Сейчас ее могли бы спасти. И отец бы тогда не подался в отступники. Не бросил бы мне в сердцах накануне переселения в Гетто: что мне делать с этим вашим несмертием? Бесконечно переживать ее смерть?

А мне? Что делать мне?

Мама, мама…

15 июня 2110 года

Никак не могу прийти в себя после того сна. Все думаю и думаю о нем. Думаю о маме. Вспоминаю первые недели после ее смерти. Выплаканную, ничем не заполняемую пустоту внутри. Навсегда поселившийся полумрак в квартире. И еще отца, который теперь часами неподвижно стоял у окна, разглядывал что-то на стене дома напротив. Высокий и широкоплечий, еще не оплывший от алкоголя. Который так и не смог его убить, как отец ни старался…

К середине дня мне стало настолько тошно, что я позвонил психотерапевту и записался на внеочередной прием.

Мой врач выглядел не на шутку обеспоко-

енным. Сказал, что у меня компрессионная разгерметизация воспоминаний о детстве. После стольких лет терапии этого не должно было произойти, но все-таки случилось. Предложил какой-то экспериментальный препарат, который поставит мне временную заглушку. Я спросил, что значит «экспериментальный». Экспериментальный — значит не до конца еще изученный, сказал психотерапевт. Есть риск полной потери памяти. Я подумал и отказался. Попросил чего-нибудь попроще, каких-нибудь седативных. Доктор выписал рецепт, и мы попрощались.

Сохраняю.

16 июня 2110 года

Ребенок тебе, значит, не по карману? Третья категория не позволяет купить лицензию на ребенка?

А на хрен он тебе вообще сдался, этот ребенок? Что это еще за вселенская глупость? Мы не знаем, что с уже живущими десятью миллиардами не- смертных делать. Ребенок…

Это все Ольга, это ее проблемы, не мои. И вообще, желание иметь детей давно пора отнести к разряду психических отклонений. И лечить соответствующим образом. Спасибо психотерапевту,

седативные помогли. Я смогу, я прорвусь, вообще непонятно, как это могло произойти.

Еще одна таблетка седативного. И еще одна.

Сохраняю.

18 июня 2110 года

Сегодня утром позвонил Минц и поинтересовался, как я себя чувствую. Попросил завтра появиться на работе, пришел срочный запрос из центральной штаб-квартиры.

Окей, Петр Анатольевич, я появлюсь.

Ближе к вечеру я зашел в базу знакомств и за пару часов подобрал себе новую «стеру» — крупную блондинку Камилу с бюстом четвертого размера. Мы мило провели время в баре, затем переместились ко мне. У Камилы был пирсинг в левом соске и цветная татуировка на пояснице. Она тихонько подвывала во время секса и под конец поставила мне несколько царапин на спине и ягодицах. Ночью мы повторили это еще раз, а наутро я проснулся с ясным ощущением, что — все. Наваждение исчезло. Да и было ли оно вообще?

У меня все хорошо. И даже больше, чем хорошо. Я молод и привлекателен, и так будет всегда. В моей постели двадцатилетняя блондинка с без-

упречным телом. И это тоже будет всегда. Я ни в чем себе не отказываю, у меня третья категория из шести, практически золотая середина. И я один из лучших программистов-любителей планеты.

Жизнь прекрасна. Даже без седативных.

Сохраняю.

23 июня 2110 года

Это сродни искусству удерживать равновесие. Седативное по утрам. Вечерами — Камила. И много-много алкоголя. И снова Камила. Пару раз даже не одна она, а с подругой. Которой я не то что имени, лица не могу вспомнить — очень много алкоголя. Затем черный и душный промежуток сна. А утром опять седативные.

Я не продержался и недели.

В пятницу я случайно увидел Ольгу из окна своего офиса — она стояла на тротуаре и что-то высматривала вдалеке. Я невольно загляделся на нее, на ее фигуру — вроде бы ничего особенного, та же Камила намного эффектнее и сексапильней, а вот ведь — не оторваться. И тут возле Ольги остановился автомобиль. Электрокар Тесла-Порше. Я прекрасно знал, сколько стоит такая машина, ее не могут себе позволить даже служащие четвертой категории.

Из автомобиля вышел высокий брюнет лет сорока и открыл перед Ольгой дверцу. Она села на пассажирское сиденье, и через пару мгновений от спортивного электрокара остались только две антрацитовые полосы на асфальте.

А от меня вообще ничего не осталось.

24 июня 2110 года

Я не помню, как я в тот день добрался до дома. Помню только, что отрубил все средства связи, спустил в унитаз оставшиеся седативные, упал и заснул.

Глаза цвета бутылочного стекла. Едва различимые в темноте ласковые морские волны. Длинные, до хрупких лопаток волосы. Прикосновение губ. И чистые, без единого пятнышка мочки ушей. «Нет, — сказала Ольга, — я не могу, прости». Я не могу, не могу, не могу. Глаза, губы, мочки ушей, платье на голое тело, головокружение, снова губы, я не могу, не могу, не могу… В шесть часов вечера меня разбудил звонок домофона. Мне понадобилось несколько секунд, чтобы прийти в себя. Чтобы в лобных долях поселилась тягучая фиолетовая боль — никакой Ольги со мной не было.

Наконец я заставил себя подняться и дойти до

двери: Камила.

Она пыталась связаться со мной вчера вечером и решила проверить, все ли в порядке.

Камила замолчала, заправила за татуированное ухо два платиновых локона.

Да, все в порядке, сказал я, просто тяжелый день на работе.

Я не успел еще закончить эту фразу, а Камила уже вышагнула из своего платья.

Затем был секс, неутолимое, ненасытное либидо вечно двадцатилетней Камилы, спасибо хрономеразе и лично Алексею Оловникову. Я же смотрел, как извивается подо мной холеное породистое тело и ничего не чувствовал. Совсем ничего. Эта «стера» тоже для меня закончилась. И все остальные «стеры» тоже. Это как откровение, мгновенное и необратимое. Щелчок — и все до одной стерилизованные женщины в одночасье превратились для меня в силиконовых кукол. Секс с которыми был сродни мастурбации. Уж лучше тогда рукой, ей богу.

Я терпеливо дождался, когда Камила кончит, и отправил ее домой. А сам до утра провалялся в каком-то беспамятстве, в полусне-полудреме. Словно боялся заснуть, боялся снова увидеть маму. Боялся стать ею, смотреть на мир ее глаза-

ми. Увидеть самое дорогое, что у нее есть, — ее сына. Содрогаться от любви и нежности к нему, бороться с желанием задушить в своих объятьях. Его, этого девятилетнего мальчишку с длинной челкой и ободранными коленками. В котором так трудно было узнать Константина Грановского, 31/76 лет, служащего третьей категории.

25 июня 2110 года

Утром, сразу же как проснулся, я позвонил Ольге и сказал, что хочу ее увидеть. Я слышал, как она колеблется и раздумывает, но в конце концов Ольга согласилась.

Мы условились встретиться на набережной. На этот раз Ольга была одета подчеркнуто просто, словно пыталась избежать даже намека на свидание — футболка, джинсы и кеды. На голове бейсболка, волосы собраны в хвост. Какая милая уловка. И совершенно излишняя, неработающая — глаза. Глаза-то никуда не спрячешь, не прикроешь тканью, как бедра и грудь.

Я взял Ольгу за руку, посмотрел в глаза цвета бутылочного стекла и сказал, что люблю ее. Что не представляю жизни без нее. Что готов отдать все что угодно за то, чтобы быть с ней. Что хочу от нее детей. И пусть мне не по карману лицензия

на ребенка — я готов нарушить закон. Главное, чтобы вместе. Главное — чтобы вместе с ней.

Нет, сказала Ольга.

И это ее «нет» до сих пор звенит у меня в ушах. Ты мне очень нравишься, Костя, правда. Но ты не понимаешь, о чем говоришь. Не имеешь ни малейшего представления о том, что такое незаконнорожденный ребенок и что за это полагается. Сохраняю, сохраняю, сохраняю, сохраняю, сохраняю…

26 июня 2110 года

Ольга оказалась права — я действительно не разбирался в законах, регулирующих рождаемость. Да и с чего бы, собственно?

Незаконнорожденный ребенок — это особо тяжкое преступление. Не такое, конечно, как убийство, за которое полагается смертная казнь, но все же. Вся семья, включая рожденного в обход закона ребенка, переселяется в Гетто. Родители перестают получать хрономеразу и проходят процедуру принудительной стерилизации.

А я-то думал, что Гетто — это только для отступников, для тех, кто, подобно моему отцу, добровольно решил отказаться от несмертия. Как выяснилось — нет.

Стать простым смертным — вот какова была цена за незаконное рождение ребенка. Состариться и умереть, чтобы принести в этот мир новую жизнь.

Да, сказала Ольга, только это не все.

Незаконнорожденный ребенок тоже никогда не станет несмертным. Он не начнет получать хрономеразу в двадцать один год и навсегда останется в Гетто. Подумай, ты готов заплатить *такую* цену? Я — нет.

Ольга замолчала. А мне вдруг стало так легко, будто все мои мысли, все эти многотонные неподъемные валуны разом превратились в бестелесные миражи и исчезли.

Оля, можно я тебя поцелую?

Ольга вздрогнула, подняла на меня полный недоумения и боли взгляд.

Послушай, я знаю про этого твоего, на Тесла-Порше. Подожди, не перебивай. Я знаю про него и хочу тебя попросить — не спеши, ладно? Не принимай никаких решений хотя бы пару недель. У тебя ведь впереди целая вечность. Буквально.

На этих словах я развернулся и, предупреждая возможные расспросы Ольги, быстро зашагал прочь с набережной.

27 июня 2110 года

Иногда мне кажется, что я занимаю чье-то место. Место человека, который сумел бы распорядиться этой жизнью намного лучше меня. И еще я думаю, что там, наверху, все находится в полном смятении последние полвека. Миллиарды душ выстроились, наверное, в очередь на воплощение, но мест на Земле нет. Все они заняты. Живущими вечно, несмертными. Которые не умирают только потому, что *могут* не умирать. Ведь когда нечего терять, ничего невозможно приобрести. И тот, кто не живет, не может умереть. Все логично.

1 июля 2110 года

Сегодня первый день июля. День обязательной вакцинации хрономеразой. И первый день без Минца.

Начальник не обязан отчитываться перед подчиненными. Вот он и не отчитывается. А потому может быть сейчас где угодно. На встрече с бизнес-партнерами, на совещании в министерстве, в центральной штаб-квартире Корпорации, да мало ли еще где?

С Ольгой мы почти не разговаривали. Она выглядела встревоженной, пару раз даже пыталась завести разговор о нашей встрече на набережной, но я только отшучивался. Ухажер на Тесла-Порше больше не появлялся, а значит, Ольга все-таки выполнила мою просьбу. Вот и хорошо.

Сохраняю.

2 июля 2110 года

Сотрудники начали проявлять беспокойство. Сегодня ко мне уже подходили несколько раз, спрашивали, где Минц. Как-никак я его первый заместитель. Но я лишь разводил руками.

А после обеда входная дверь нашего отдела отворилась, и в офис вошел непосредственный начальник Минца, безупречно одетый высокий худой старик в сопровождении двоих мужчин в черной униформе (как потом выяснилось, представителей следственного комитета).

И уже через минуту в воздухе повисли невероятные, не вмещающиеся в сознание офисного планктона слова:

Автомобильная катастрофа.

6 июля 2110 года

Меня арестовали через три дня. Впрочем, это совершенно ничего не значило. Я знал, что меня в любом случае арестовали бы, первые заместители погибшего руководителя всегда под подозрением. Хотя бы потому, что у них есть мотив — именно они, как правило, и занимали освободившуюся должность. Так что я не волновался — у них на меня ничего не было. И быть не могло. Сразу же после заражения навигационной системы автомобиля Минца мой вирус замел следы. И чтобы обнаружить признаки его воздействия, нужно обладать квалификацией не ниже чем у меня. А таких людей всего около десятка в мире.

Следователи были вежливы, но напористы, работали бригадами по два человека, так что мой первый допрос продолжался больше суток. Но я эти сутки выдержал. И оказался прав, предъявить им было совершенно нечего. Все выглядело, как сбой системы, как редчайший, но все-таки несчастный случай. В подземном гараже парковочный автопилот по неустановленной причине разогнал автомобиль Минца до сотни километров в час и вогнал его в бетонную стену.

Сохраняю.

10 июля 2110 года

Меня не допрашивали уже несколько дней. Смена тактики, не иначе.

А сегодня в камере неожиданно появился мой психотерапевт. Не знаю, зачем он пришел, у меня здесь была возможность пользоваться самоуничтожающимся дневником.

Врач сходу спросил, не хочу ли я ему что-нибудь рассказать. В чем-нибудь признаться. Нет, не хочу, с чего вдруг? Психотерапевт долго смотрел на меня, словно что-то для себя прикидывал, затем измерил мне пульс и ушел, посоветовав как можно больше писать в дневник.

А ночью мне опять снилась мама. Она стояла у изголовья кровати и гладила меня по голове. И с каждым ее прикосновением что-то твердое и холодное подтаивало у меня в груди, превращалось в жидкость, поднималось к дрожащим влажным ресницам, оставляло соленые мокрые дорожки на скулах и подбородке.

Мама, мама…

20 июля 2110 года

Сегодня, после двухнедельного перерыва, меня вызвали наконец на допрос. Знакомый уже следователь в черной униформе поздоровался, указал на стул и вернулся к стоящему перед ним монитору. Он так и разговаривал со мной, негромко и монотонно, не отрывая глаз от экрана.

Меня отпускают, сказал следователь. Осталось закончить кое-какие формальности, и я могу быть свободен.

Значит, Минц погиб в результате несчастного случая?

Вообще-то вам не положено об этом знать, но — нет, это было убийство.

Следователь щелкнул пару раз мышкой и принялся набирать что-то на клавиатуре.

Убийство? — переспросил я, но мне никто не ответил.

Следователь закончил печатать, перечитал, шевеля губами, написанное и, видимо, остался доволен.

Как я уже сказал, мы вас отпускаем. У нас появился подозреваемый в убийстве. Так что вы можете быть свободны.

Я поднялся со стула.

Могу я узнать, кто подозреваемый?

Нет, не можете, — следователь в первый раз с начала разговора поднял на меня выгоревшие, бесцветные глаза. Выход вот там, — он кивнул на дверь и вернулся к компьютеру.

Я постоял пару мгновений на месте, но следователь, казалось, уже забыл о моем существовании. Затем дошел до двери, взялся за ручку и в этот момент услышал у себя за спиной: Это Ольга Хомич.

21 июля 2110 года

Вот почему это опять происходит? Почему? Почему со всеми, кого я люблю, случаются несчастья? Почему все, кого я люблю, обязательно должны умереть? Что за проклятие такое?

Конечно, я никуда не ушел. Не смог открыть дверь и выйти из кабинета, это было выше меня.

Я вернулся обратно, снова уселся напротив человека с бесцветными неживыми глазами.

Ольгу арестовали несколько дней назад. Сразу же после того, как следователи получили доступ к электронной переписке Минца. Мой начальник предпринял несколько попыток переспать с Хомич, но она всякий раз ему отказывала. Тогда он начал угрожать ей увольнением, и она, боясь

потерять работу, подстроила ему автомобильную аварию. Хомич еще не призналась, но это лишь вопрос времени.

С женщинами ведь все намного проще, сказал следователь. Их достаточно оставить без хрономеразы и все — десятилетиями не стареть, и вдруг однажды утром увидеть на лице новые морщины, что может быть кошмарнее?

Я оторвался от воспоминаний, осмотрел свою новую камеру, камеру смертника. Серые, со стальным отливом стены. Минимум мебели. Прикрученной к полу мебели. Лупоглазые видеокамеры с обзором в триста шестьдесят градусов. И два неизвестного предназначения отверстия в стене, у самого потолка.

Меня перевели сюда сразу же после того, как я признался в убийстве Минца. И подробно рассказал, что именно я сделал с его автомобилем и как найти следы взлома навигационной системы.

Компьютер, кстати, мне мой оставили. Так что —

Сохраняю.

10 августа 2110 года

Меня зовут Константин Грановский. Сегодня у меня день рождения. Сегодня мне стукнуло 31/

77 лет.

Не знаю даже, как теперь писать свой возраст. Наверное, правильнее будет 32/77. Я больше не получаю хрономеразу, она ни к чему приговоренному к смерти. А значит, мой биологический возраст тоже начал меняться.

Вчера мне разрешили свидание с Ольгой. Мы сидели с ней в комнате, разделенной на две части толстым стеклом, и смотрели друг на друга.

Ты изменился, сказала Ольга, нажав кнопку переговорного устройства.

Повзрослел?

Да, наверное.

А ты — нисколько. Когда тебя отпустили?

Ольга непонимающе посмотрела на меня. Спросила: о чем я вообще?

Вот значит как. Ольгу никто не арестовывал.

Странно, но я совсем ничего не почувствовал. Теперь-то какая мне разница? Думаю, меня все равно раскололи бы. Не через Ольгу, так как-нибудь по-другому.

Зачем ты?

Что зачем, Оль?

Зачем ты это сделал?

Ольга замолчала, но я не стал ничего отвечать.

Четвертая категория, лицензия на ребенка?

Я снова ничего ей не ответил, и Ольга неожиданно разрыдалась. Громко, в голос, словно выпустила из себя лишний воздух. И воду. Соленое теплое море закипело, вспучилось, брызги заблестели на бутылочном стекле.

Господи, она даже плачет так, что не оторваться. К Ольге подошел надзиратель и сказал, что время свидания кончилось. Вот даже как бывает — и у бесконечно живущих несмертных может закончиться время.

Ольга вытерла слезы, поднялась, посмотрела на меня. Как бы я хотел прикоснуться к ней напоследок. Просто прикоснуться. Поцеловать ее в губы. В заплаканные покрасневшие глаза. В чистую мочку уха.

Автоматическая дверь медленно закрылась за Ольгой.

Не сохраняю.

25 августа 2110 года

Странно, но за все это время я ни разу не вспомнил о Минце. О том, что я его убил. Никаких угрызений совести, ничего.

Да и может ли умереть тот, кто не жил?

Я особенно отчетливо ощущаю это сейчас, когда уже два месяца живу без хрономеразы. Когда

внутри меня что-то словно проснулось, когда я снова начал стареть. И вместе со старением ко мне пришло понимание.

Жизнь нельзя заморозить. Жизнь — это процесс. Это движение. От рождения — через взросление, возмужание и зрелость — к старости и дряхлению. Если ты не стареешь, значит, ты не живешь. А стало быть — я никого не убивал. Минц был уже мертв, и мертв очень давно. Как, впрочем, и все мы. Как и сам я, до самого последнего времени.

Сохраняю.

29 августа 2110 года

Накануне истекли две недели, положенные мне по закону на подачу апелляции. И сегодня приговор вступил в силу. А я наконец узнал, что это за загадочные отверстия под потолком моей камеры. Они сделают все безболезненно. Просто в одну из ночей в камеру пустят газ, только и всего. Предварительно убедившись, что я сплю.

Я, кстати, выяснил, на чем меня поймали. Вернее, думаю, что выяснил. Решил напоследок использовать свой компьютерный вирус и взломал самоуничтожающийся дневник. Оказалось, что у каждой записи была копия на сервере компании- разработчика. И эта копия, в отличие

от локальной версии дневника на компьютере, не уничтожалась. Так что следователи, видимо, просто запросили доступ к моему дневнику на сервере, и все. Нет, я не стал перечитывать свой дневник за полсотни лет, мне это не интересно. Вместо этого я его удалил. Стал первым человеком, от которого совсем ничего не останется. Так что мне теперь даже сохранять эту запись не нужно.

30 августа 2110 года

Меня зовут Константин Грановский. Мне 32/77 лет. Совсем скоро наступит вечер, я лягу в кровать и засну, теперь уже навсегда.

И в свою последнюю ночь мне бы очень хотелось увидеть во сне маму. И Ольгу. И своего нерожденного ребенка. И девятилетнего сына мамы. Еще не потерявшего ее, не потерявшего себя… Какое все-таки странное это слово — всегда. Оказалось, что мы могли безнаказанно использовать его, только когда были простыми смертными. Всегда. Навсегда. И вдруг все изменилось, и из метафоры это слово превратилось в констатацию факта. Жизнь остановилась. Заморозилась. А вместе с ней застыли и мы. Насекомые в стремительно отвердевшем янтаре.

Вечная молодость, вечная старость. Вечные пенсионеры и вечные двадцатилетние. Вечная любовь стерилизованных женщин. Вечное прозябание мелким клерком. Под началом вечного самодура-старпера.

И еще.

Вечно оплакивать своих любимых. Не доживших до несмертия любимых.

Знаешь, мама, мне здесь совсем не понравилось. Поскорей бы уже увидеть, что там, за пределами нашей опостылевшей вечной жизни.

Ты ведь встретишь меня там, правда?

1 сентября 2110 года

Мы выиграли! Выиграли, выиграли, выиграли!

Нам позвонили пятнадцать минут назад и сказали, что мы выиграли в лотерею Д.

У меня еще со вчерашнего вечера было предчувствие, но все равно — я так и не могу в это поверить.

Вы не представляете, как мы с мужем обрадовались, когда узнали, что в нашем районе произошло убийство. Это такая редкость! Какой-то мелкий служащий Корпорации подстроил автомобильную аварию начальнику. А это значит, что освободится сразу два «человеко-места».

Сразу два! И оба в нашем районе. Фантастика!

Правда, при розыгрыше места убитого топ- менеджера нам не повезло. Но зато, когда вчера вечером сообщили, что его убийца казнен, у меня сразу же появилось предчувствие — на этот раз фортуна не сможет обойти нас стороной. Просто не сможет. И вот сегодня нам позвонили и — тадам! Лицензия на ребенка наша. После стольких лет ожиданий, после четырех абортов у нас будет наконец малыш! Фантастика! Я все еще не в состоянии в это поверить — мы выиграли!

Выиграли, выиграли, выиграли!